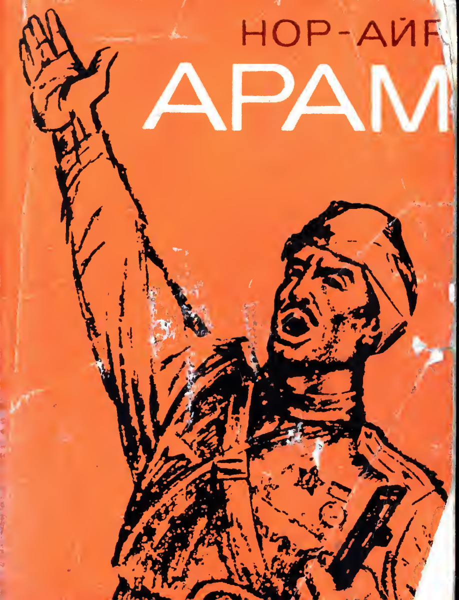

НОР-АЙР
АРАМ

Нор-Айр (Норайр Александрович Арутюнян) родился в 1912 г. в семье кузнеца. В 1918 году лишился родителей. Начальное образование получил в детском доме. Трудовую деятельность начал с 12-летнего возраста. Батрачил, был рабочим.

В 1930—31 гг. окончил курсы работников печати при ЦК Компартии Армении, работал редактором районных газет. В 1935—1936 гг. учился на высших курсах работников печати при газете «Правда». С 1938 г. по 1940 г. работал инструктором ЦК КП Армении, затем заведующим сектором печати, литературы и искусства. Участник Великой Отечественной войны.

Нор-Айр — автор многих книг. В 1932 г. вышла его повесть «Чартарапетуи» («Архитектор»). С 1934 года он член Союза писателей СССР.

На армянском языке вышло 5 романов и 6 сборников повестей, рассказов и новелл Нор-Айра, книга новелл «Под липой» на грузинском языке.

Основой творчества Нор-Айра является современность. Сюжеты его романов «Луйсер» («Огни»), «Волортнерум» («Пути-дороги»), «Лорва астгер» («Лорийские звезды»), «Анапати аравотэ» («Утро в пустыне») взяты из жизни. Большинство рассказов писателя документальны.

На русский язык переведены и опубликованы отдельные рассказы Нор-Айра. «Арам» — первое крупное документальное произведение, издаваемое на русском языке.

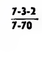

НОР-АЙР

АРАМ

Сокращенный перевод
с армянского
МАРО МАЗМАНЯН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ МОСКВА — 1971

7-3-2
7-70

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вдали синие горы, соперничающие своими белоснежными вершинами с небом. Напротив этих синих гор деревни, изумрудные пастбища и спокойная серебристая река. Кто пролил столько света на цветущую зелень, на несметные капли росы, во́ды реки, на уходящие из деревни дороги?

Свет и тишина. Стада коров и отары овец на склоне холма. Аисты, стоящие на одной ножке в изумрудной траве, рассказывают друг другу о виденных ими синих горах.

На берегу реки, опираясь на посох, стоит человек огромного роста. Он смотрит на одетые в синеву горы. А может, он уже достиг их на крыльях своих воспоминаний и ищет там то, что потерял много-много лет назад. Вокруг него пасутся стада, просыпаются от сна птицы. Высоко в небе сияет солнце. Купаются в свете текущие издали воды, ветерок льнет к травам. Распрямляет спину стоящий на берегу человек. Задумчивый взгляд, обросшее лицо, на котором, будто земля из-под жнивья, проступают морщины.

Кто он, этот человек?— Известный в Байдаре и окрестных селах пастух Шамир. Устремив задумчивый взгляд на во́ды, он раскуривает свой чубук, который будто зажег от солнца.

Свет и безмолвие. Глядя на струящиеся во́ды реки, человек вспоминает свою полную страданий жизнь.

Шамир родился в далеких синих горах. И едва он раскрыл глаза, как увидел над собой голубое небо, вдохнул аромат цветов. Он полюбил ясные зори, пляски бурь, хлеставшую небо игру молний. В раннем детстве гонял беркутов, кружившихся над отарой.

Шамиру стукнуло двенадцать, когда отец дал ему ружье, пристегнул к поясу смастеренную дедом саблю в серебряных ножнах.

— Не склоняй головы перед супостатом, — сказал отец, — это тебе мой завет.

Горы вскормили Шамира, в горах он рос, спускался в Вардерайн [1], плясал на свадьбах, вступал в кулачный бой со сверстниками.

---

[1] Деревня в Западной Армении.

Прошли годы, стал он усатым парнем, полюбил девушку, послал красное яблоко своей невесте Сатеник.

Сатеник стала трудолюбивой невесткой большой семьи. Счастлив был Шамир. Но недолговечным оказалось счастье: началась мировая империалистическая война, сопровождавшаяся страшными армянскими погромами, резней.

Бежали все, оставляя родные земли. Бежал и Шамир. Глянул в последний раз с вершины горы на охваченную пламенем деревню, прижал к груди плачущую Сатеник и поклялся доставить ее на светлый берег. С винтовками за спиной они прошли через высокие горы, ущелья и теснины. Неразлучным спутником была и подаренная дедом сабля. Верный конь следовал за ними. Отбиваясь от преследователей, потеряли всех родственников: одни погибли, другие затерялись в горах. И много лет не знали, жив ли кто-либо из близких и односельчан.

Много они перенесли лишений и страданий, пока не достигли светлого берега. И обнялись, плача от радости. Не беда, что стали они бездомными, бескровными беженцами. Решили испытать свою судьбу, обосноваться в селе, зажить собственным домом, ожидая появления ребенка.

Сильные натруженные руки Шамира построили на околице хижину. И появились в его хижине сыновья Овсеп, за ним Мелкон, Арам.

Сыновья росли. День и ночь трудился Шамир. Хижина наполнялась ароматом свежеиспеченного лаваша [1], на тахте поднималась горка одеял и матрацев.

Пришла в Армению Красная Армия. Замерло в горах эхо последнего выстрела, и на растерзанной армянской земле воцарился мир... Мир Советской власти.

[1] Хлеб.

Росла семья Шамира. У братьев появилась и сестренка, которую мать назвала Санам. Но любимцем Шамира был пухленький Арам. Возвращаясь с поля, он обнимал детей, играл с ними, и потом, крепко прижав к груди Арама, говорил:

— Мой голубок, поскорее вырастай! Станешь таким же храбрым, как твой дед. Не будет у меня больше горя на этом свете.

Мирно дышала родная земля, разбросанные по всему свету армяне искали друг друга. Может, то была судьба — в деревне Катнот вдруг объявился кум Сероб. Не поверили глазам, потом крепко обнялись.

— Твой отец, брат отца, твой брат и я живем в Байдаре. Ты, братец Шамир, должен жить с нами. В Байдаре земли много, на всех хватит. И вода есть. Построишь дом, обзаведешься хозяйством.

Три дня и три ночи громыхала по дорогам телега. Арам засыпал и просыпался на руках матери, играл с маленькой сестренкой. Шамир обнимал сына, потом усаживал рядом, давал в руки кнут.

— Сейчас твой дедушка ждет-не дождется тебя. Увидит нас — запляшет от радости.

Наконец, доехали до Ширакской долины и остановились возле старинной церквушки Байдара.

— Приехали, приехали! — крикнул кум Сероб.

Байдарцы стали очевидцами того, как на краю села, где начинались луга, будто сказочный гриб, поднялся дом Шамира. Сероб стал крестным отцом его детей...

И вот он стоит на берегу, вспоминая былое. Река серебрится у его ног, стадо на склоне холма, тишина и спокойствие повсюду.

Шамир медленно отошел от берега. Отец восьми детей, скоро дедом станет, а все ноет сердце от пережитого.

Высоко в небе солнце. На зеленом ковре лугов кувыркаются мальчишки. Воздух оглашается их радостными криками. Тишина ушла за синие горы. Ребята приближаются к берегу реки. Первым прибегает широкоплечий, мускулистый Овсеп. Полдень. Ребята, закончив свою работу, пришли искупаться.

— Стройся! — раздается звонкий голос Овсепа.

Прыжок с крутого берега, кролем — сто метров. Победителю присуждается звание мастера по плаванию. Внимание!

Первым выходит сын кума Сероба Акоп. Он четким шагом подходит к берегу, поворачивается лицом к строю, подмигивает Араму:

— Поехали!

Разбегается, соединяет над головой в воздухе руки и черной стрелой вонзается в воду. Пузырится вода, через минуту в середине реки появляется черная голова.

— Видали? — спрашивает Овсеп. — Перешел на брасс.

Строй ребят, как разбросанные бусины четок, рассеивается по берегу. Они подходят к намеченному для прыжка месту, разбегаются, соединяют над головой в воздухе руки. Веселые возгласы, плеск воды, и река наполняется черными головами.

Нелегко проплыть кролем сто метров, но среди ребят есть и победители, которые стараются походить на своего вожака.

— Молодцы, все хорошо плаваете, только давайте подальше от берега, — воодушевляет ребят плывущий рядом с Арамом Овсеп.

Шамир от удовольствия закрывает глаза. Там, где река, как буйвол, горбит спину, ребята выходят на берег. Согревшись на горячем песке, они

затеяли борьбу. Крики и хохот раздаются далеко окрест.

Бесконечны игры подростков. Поели, покувыркались на зелени; старшие, обняв друг друга крепкими руками, пустились в круговой пляс. Запыхавшись, бросаются на траву. И снова звонкая команда:

— Стройся!

Шеренгу замыкает Арам. Все мигом срываются с места, стараются обогнать друг друга, все снова рассыпаются по лугу. Не зря председатель колхоза Рубен считает их первыми бегунами и пловцами во всем районе.

Насвистывая песенку, Арам появляется на дворе. Шамир уже сидит на поставленном у стены гладко обтесанном камне и попыхивает из чубука. Сатеник доит корову. Слышится равномерное цвирканье молока по ведру. Братья Овсеп и Мелкон точат косы, сестры Санам и Марине подметают двор, Маргарит тянет за веревку упрямую телку, а маленькая Гоар играет в камушки.

После ужина, подмигнув друг другу, Овсеп и Мелкон направляются к двери.

— Мы в клуб, ма, скоро придем.

Через две минуты вылетает из дома Арам.

О, какие ночи в Байдаре! С полной луны свисают вниз молочные пряди. Благоуханием веет с гор.

Арам на минуту останавливается. Куда пойти? В клуб, где сейчас веселится молодежь, или к церкви, где под стеной собрались старики? Заслушаешься их рассказами! Ведь и отец с кумом Серобом там. И сворачивает к церкви.

А рассказы стариков все о войнах да сражениях. До глубокой ночи тянется их беседа.

Заснувшему на руках отца Араму снятся всхрапывающие кони, острые сабли...

— Пошли, поздно уже, — говорит кум Сероб, — мой крестник заснул.

Держа на руках спящего сына, Шамир бережно несет его по кривым улочкам.

— Горюшко ты мое, и чего ты на церковный двор ходишь? Братья твои давно спят, — причитает Сатеник.

— Не беда, — успокаивает ее Шамир, — Арам очень любит слушать рассказы...

2 Ревела буря, как раненый зверь. Уже померкли звезды на небе, начиналось утро. На заснеженной дороге появился Арам. Он шел в районный центр в школу.

Дрожа от холода, Сатеник стояла у порога, пока Арам не скрылся за холмом.

— Прикрой-ка дверь, жена, простудишься. Не тревожься, парень у нас крепкий, выдержит.

Арам был замкнутым, молчаливым парнем. Отец брал его на летние каникулы домой и отправлялся с ним в горы. Вот и этим летом, когда Арам перешел в девятый класс, поднялся он с отцом в горы. А спустилась осень с гор, снова с чемоданом в руках подался в районный центр, в школу. Там его выбрали секретарем комсомольской организации. И дел прибавилось. Еще меньше оставалось времени на отдых. Часто и ночью сидел над книгами, чтобы не отстать от своих сверстников: комсомольскому вожаку нельзя учиться хуже других.

Много занимался Арам. Но каждое утро выкраивал время для гимнастики. Обливался холодной водой, бегал, время от времени увеличивая дистанцию. Стал

одним из метких стрелков и лучших пловцов школы.

Перед выпускными экзаменами вместе с тремя лучшими спортсменами школы Арам попал на соревнования. Быстрее всех пробежал стометровку, отлично проплыл в бассейне, уложил все пули из винтовки в мишень.

— Молодец, парень! — похвалил его старый военный, руководивший стрельбой.

После соревнований отправился в деревню, чтобы подготовиться к выпускным экзаменам. Шамир пристально оглядел сына. Осторожно дотронулся мизинцем значков, украшавших грудь сына.

— За что это тебе дали, лао? [1]

— За плавание.

— А это?

— За бег.

— А это?

— За меткую стрельбу.

— Ты стрелять умеешь, лао? Вот, молодец, за это я тебя хвалю!

— Парень на одном хлебе с водой столько сидел, дай ему поесть, а потом и спрашивай, — вмешалась мать.

— Опять ты за свое, жена. Ведь и нужда — для нас, для людей. Тому, кто на плове с халвой сидит, не до учения, пойми.

Занимается заря. Держа под мышками книжки, Арам гонит вместе с отцом колхозное стадо на пастбище.

— Искупаюсь, потом сяду заниматься.

— Вода холодная, лао.

---

[1] Сынок.

Арам быстро раздевается и, разбежавшись, прыгает с крутого берега. Затем вылезает из воды, размахивает руками, бегает.

— Вырос мой сын, — не отрывая от него ласкового взгляда, шепчет Шамир.

Не ведал Арам, что его судьбой интересуются люди, которых он знал очень мало. Районный комитет партии рекомендовал Арама, а комсомольская конференция избрала его, сына пастуха, только что закончившего среднюю школу, секретарем райкома комсомола.

Весть дошла и до Байдара. Сестры от радости захлопали в ладоши, братья загадочно переглянулись. Мать не сразу поняла, в чем дело.

— Говорите, Арама начальником района назначили? А как же с университетом?

Долго молчал Шамир.

— Что скажешь, муж? — приставала жена.

— Наш сын остановился на полпути. Не видать ему университета, жена. А я так надеялся!

Старший сын вступился за брата:

— Отец, Арам большой чести удостоился, радоваться надо!

— Радоваться? Ишь куда загнул! Останетесь, как и я, неучами.

— Отец, когда захочет Арам, — и в университет пойдет, — заговорила Марине.

— Цыц, только тебя не хватало! Пусть и тебя выберут начальником над девчонками.

— Погодите, может, и я стану начальником, — усмехнулась Марине.

Как изменились времена! В Байдаре давно забыли однолемешный плуг. Тракторы своими мощными лемехами бороздили землю, а когда наливались золотом колосья, в их море плавали комбайны, грохотали на

току машины. Председатель колхоза Рубен выезжал в поле на легковой машине. Грузовые машины сновали на отдаленную железнодорожную станцию. Богател колхоз!

Вечер в райцентре. Электрическим светом озарились улицы, дома. Когда с песней прошел отряд пограничников, у нового дома, роняя клочья пены, остановился конь. Арам спрыгнул, передал поводья конюху. Марине окликнула его из окна.

— Иду, иду!

Сатеник в дверях обняла сына.

— Приехали посмотреть, как живешь здесь, комсомольский начальник! Вот и в комнате твоей навели порядок.

За ужином Шамир поднял бокал вина:

— Не за красивые глаза тебя начальником выбрали, сынок. Будь храбрым, никогда не показывай спину врагу! Береги честь смолоду. Учись, у неученого короткая дорога!

— Доверили тебе — должен работать. В Байдаре я твоим помощником стану, — добавила Марине.

3 Маленькая страна Армения.

Когда на вершинах Арагаца[1] тает снег, в Араратской долине воздух напоен ладаном. Созревает виноград и персик, в давильнях без огня кипит новое вино. В Варданаовите[2] уже гуляют шальные ветры, в Гугарке[3] пугливая осень прячется в расселины, одевается в огненные рубашки шиповник, над лесом нависают молочные пряди тумана. Далеки друг

---

[1] Гора.

[2] Долина у озера Севан.

[3] Район, ныне — Лори.

от друга Шамб[1] и Байдар. В Шамбе уже не взлетают в небо стаи скворцов, черным облаком покрывавшие поля, не курлычат журавли, а в Байдаре с синих гор дуют холодные ветры, в пустых полях искрится белый иней.

Комсомольские полки собрались в поход. Ведет их секретарь райкома семнадцатилетний Арам.

Три дня и три ночи длился осенний поход. По каким только непроходимым дорогам, непролазным ущельям не прошли молодые ребята!

И зимой комсомольцы не сидели без дела: кто ходил в школу, кто отправился по комсомольской путевке на строительство железной дороги.

Пришла весна, вспенилась река, набухла земля. Молодой секретарь всюду поспевал, неделями оставался в далеких деревнях, чтобы растолковать вступающим в жизнь молодым ребятам и девушкам, какой дорогой им идти.

И полюбила его молодежь района за неуемную энергию, за стремление сделать людям доброе.

Когда поспела пшеница, все ребята вышли в поле. Арам изредка встречался с отцом на пастбище.

— Ну, как дела, сынок?

— Даже не замечаю, как летит время, отец.

Арам редко бывал в родной деревне. Иногда, по дороге на пограничную заставу, он не выдерживал, сворачивал к деревне, чтобы хотя бы на полчаса повидаться с матерью, братьями и сестрами. Дома все были рады ему.

Случалось и так: в Байдаре появлялся молодой парень на коне.

— Вы мать товарища Мирзояна? — спрашивал он.

— Да, сынок.

[1] Деревня в Лори.

Юноша доставал из хурджина [1] пакет.

— Товарищ Мирзоян просил передать лично вам.

И спешил дальше. Сатеник раскрывала пакет.

— Не забывает мать мой сын: конфеты прислал, а этот красивый ситец для Марине. Отцу — красный платок и табак. Даже кума Сероба не забыл.

Работа отнимала у Арама много времени. Чаще всего в свою комнату приходил поздно ночью. Усталый, валился на кровать и тут же засыпал. И просыпался чуть свет. Обливался холодной водой, занимался гимнастикой — и снова за дело. А его никогда не убавлялось.

Уезжая в далекую деревню или на погранзаставу, он непременно брал с собой книги — не забывал об университете, готовился к нему. Где бы ни оставался на ночь, просил у хозяина разрешения позаниматься. И занимался настойчиво, упорно, иногда до самого рассвета.

Хорошо ему было на пограничной заставе. Начальник заставы любил энергичного юношу. Знал, что у парня большая семья, что он часто недоедает, чтобы помочь отцу.

— Молодец, что приехал! — встречал он его. — Умывайся и обедать. И я еще не обедал.

После обеда Арам встречался с пограничниками, а затем долго занимался в светлой, сверкающей чистотой читальне.

Отдохнувший, посвежевший за один-два дня садился на своего коня и возвращался в райцентр.

---

[1] Сумка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В конце лета Арама вызвали в Ереван для поступления в университет.

Дошла весть и до Байдара.

— Слава тебе, всевышний, сын мой в университет станет ходить! — выразил свое удовлетворение Шамир. — Нет у меня больше горя.

Сатеник расцвела от радости.

Скоро вернувшийся из столицы председатель колхоза Рубен привез письмо от Арама: «Я здоров, учусь, ничего мне не надо. Может, дадут стипендию».

Как мучимый жаждой путник, как пловец, мечтающий о светлом береге, первый студент из Байдара все силы отдавал учебе. Студенческие вечеринки, танцы — этого он избегал. Аудитория, общежитие, книги — вот его мир. Только от ежедневных тренировок не отказался. Рано утром, когда товарищи по общежитию еще спали, Арам уже был на ногах. Быстро одевался и шел в ущелье Раздана [1].

Красива осень в Араратской долине. Арам наслаждался золотой осенью, всей грудью вдыхал напоенный ароматом фруктов воздух. Гроздья винограда, душистые пер-

[1] Река, вытекающая из Севана.

сики, огромные, с кулак, сочные груши радовали глаз. Отправляясь в ущелье, Арам брал с собой кусок хлеба, по дороге покупал на две копейки винограда. Вот и ущелье, грохочущая река. Сделав зарядку, Арам прыгал в воду. Затем устраивался под кустом и ел свой нехитрый завтрак. Посвежевший после купания, первым входил в аудиторию.

Для юноши, выросшего в деревне, город казался необъятным. Тянуло в тенистые парки, на танцы. Арам любил танцевать, на пограничной заставе он обучился европейским и русским танцам. Мог посоперничать с любым из студентов в белоснежных накрахмаленных сорочках, в тщательно разглаженных брюках. Но заставлял себя все свое время отдавать учебе.

Выросшие в столице студенты и студентки вначале избегали его. Когда он пытался вступить в спор, они нередко высокомерно поглядывали на него. Были среди них и такие, что не стеснялись и посмеяться над ним. Арам не обращал на это внимания.

В общежитии все обстояло гораздо проще. Приехавшие из районов республики студенты быстро подружились с ним. Арам чувствовал себя среди них, как дома.

Скоро он привык к студенческой жизни. Однокурсники уже не насмехались над ним: убедились, что в знаниях он опережает многих. И начали обращаться к нему за помощью. Особенно часто — студентка Нази. Когда она вместе с ним разбирала какую-либо сложную математическую задачу, ему почему-то было очень приятно.

Отшумела осень, затуманились горы, за завесой облаков скрылся Арарат. На деньги сестры и матери Арам купил себе не очень новое, но теплое пальто.

В общежитии всегда было тепло и чисто. У Арама никогда еще не было таких хороших условий для занятий. Очень радовали его письма из Байдара. Писали Овсеп, Мелкон, сестры. И знал он все, что происходит в родной деревне. Знал, что в этом году урожай богатый, что отец на трудодни получил несколько тонн пшеницы. Значит, жить будут безбедно...

Зима. Арарат подобен снежному исполину, сверкающему как бриллиант. В этот день занятия окончились на два часа раньше. Арам не зашел в столовую, его потянуло в ущелье, к шумливой реке.

— Арам!

Не ожидал он Нази.

— Куда?

— Душно в общежитии. Хочу немного развеяться в ущелье Раздана.

Молча пошли рядом. Громыхая, прошел трамвай. Промчалась приземистая легковая машина.

— Видишь, это наш дом. А это мой папа выходит из машины. Ну, пока...

2

Зима отзвенела лекциями, классными и лабораторными занятиями, бурными комсомольскими собраниями и спорами до хрипоты с товарищами по общежитию — о роли законов физики в жизни человечества, о том, когда же дадут по зубам германскому фашизму, полчища которого порабощают одно европейское государство за другим. И вот снова весна.

Ереванская весна. В Норке[1] расцвели вишни, на абрикосовые деревья кто-то невидимой рукой набросил покрывало из белых цветов. Благоухали перси-

[1] Долина вблизи Еревана.

ковые деревья, журчали ручейки. Смуглолицый продавец цветов в черной войлочной шляпе, которого называли Кара-бала, кричал на всю улицу, расхваливая свои фиалки.

Весна для студентов — время необычной нагрузки: до глубокой ночи надо сидеть над учебниками и конспектами лекций, готовясь к экзаменам. А как обойтись без того, чтобы не найти какое-то время для прогулки в парке или за городом, для встречи с любимой девушкой...

Пришел июнь, а с ним ереванская жара и экзамены. Физику и высшую математику Арам не боялся, это были его любимые предметы. Труднее было одолеть химию, пугали немецкий язык и литература.

— Специальность ты сдашь на отлично, химию тоже не бойся, — успокаивала его Нази, с которой Арам сдружился.

— По химии мне, пожалуй, «хвост» обеспечен. Учу, учу, а в голове мало остается. Побаиваюсь и немецкого языка.

Но все шло хорошо. По немецкому тоже получил пятерку. Успешно справился и с химией.

И вот он уже студент второго курса. Впереди целое лето. Можно и отдохнуть, и поработать. Что он будет делать? — Конечно, поедет в Байдар! Там и поработает, отдыхая, чтобы к осени купить себе кое-что из одежды и обуви.

Едва тронулся поезд, Арам услышал за спиной свое имя. Обернулся — председатель колхоза Рубен.

— Здорово, Арам-джан [1], никак в деревню собрался? Очень ты изменился, парень. Лица на тебе нет.

— Жарко просто, дядя Рубен. Да и устал, сдавая экзамены.

[1] Милый.

— Печет, как в аду. Закурим? Не втянулся в это дело? Молодец! Экзамены сдал? Молодец! Байдар своего студента в университете имеет, это, парень, не шутка!

Рубен вытер лицо платком. И, словно спохватившись, продолжал:

— Что ж это, братец, мы с тобой разговорились? Ведь у меня с утра маковой росинки во рту не было. Пошли в вагон-ресторан! Как это «спасибо»? Недаром меня Рубеном называют! Угощать студента — хорошее дело, брат.

Арам последовал за председателем.

— Что ты будешь пить? — спросил тот, когда сели за стол.

— Ничего, дядя Рубен. Вот если б холодного лимонаду.

— Лимонад закажем, а еще что? Твоя мать говорит про меня — Рубен больно до зелья-сатаны охоч. Я выпью водки, а тебе закажем сладкого вина. Идет?

— Жарко.

— Ничего! А я люблю немного выпить за обедом. Но никто от этого не страдает! Колхоз наш — первый во всем районе. У твоего отца в амбаре, не стану врать, на цельных пять лет пшеницы припасено.

— Я тоже хорошо живу, дядя Рубен.

Смеркалось, когда они вернулись в свой вагон. Председатель Рубен тут же заснул. Арам не сомкнул глаз всю короткую ночь.

На станцию прибыли на рассвете. Рубен тут же раздобыл машину. Помчались в Байдар. Над плоскими крышами уже вился дымок, пахло свежевыпеченным лавашем. Марине первая выбежала навстречу брату. Мать вышла из хлева и, раскрыв объятия, поспешила к дорогому гостю.

— Сердце мое, мой студентик!

Арам позавтракал и вышел из дому. Никого из товарищей не встретил на улице. Была горячая пора — все в поле.

Решил повидать отца. Как он встретит его? Отец продолжал трудиться, хотя сыновья и дочери выросли, помощниками ему стали, в достатке живет семья.

Вот и река. Отец стоял на берегу и молча смотрел на него.

— Здравствуй, отец!

— Добро пожаловал, сынок!

— Экзамены сдал.

— Долго поживешь у нас? — раскуривая чубук, спросил отец.

— До осени.

— Не сиди без дела, сынок. Да и приодеться тебе надо — в городе живешь.

— Я так и решил, отец. Только передохну денька два.

— Отдохни, отдохни. Зачем денька два, можно и больше, а то мать обидится.

— Я давно это решил, отец.

— Молодец! Ну, а что слыхать в городе? В народе болтают, германец к нашим границам подбирается. Война не случилась бы!

— Мы сильнее, к нам он не сунется.

— Кум Сероб говорит, самый большой смутьян — Гитлер, верить ему нельзя.

— Я думаю, отец, у нас есть чем встретить Гитлера, если он пойдет на нас.

— Дай бог, сынок!

Через два дня Арам с братьями отправился на сенокос. Шамир сиял от радости: не отвык сын от работы!

— Счастливый человек, Шамир, — заметил кум Сероб. — Один сын в университете учится. Овсеп с Мелконом — трактористы. А Марине — огонь-девка, ни дать, ни взять в начальство выбьется.

Арам вместе со всеми косцами ночевал в поле. Хорошо ему в родной деревне! Уставал, но не жаловался.

В конце августа председатель колхоза Рубен поехал в райцентр и вернулся мрачный, насупленный.

— Ребят в армию призывают, — сказал он, встретившись с кумом Серобом. — Повидал военкома, говорю ему, Христа ради, отложи ты это дело! Работников не хватает. Отказал. Арама призывают, твоего Акопа, племяша моего, сыновей Гево и Петроса.

— Арам ведь в университете учится.

— Неважно. Всех забирают...

Через несколько дней Арам уезжал. Не в Ереван, на север. Его взяли в Красную Армию.

В последнюю минуту мать не выдержала, горько заплакала. Суровый Шамир обнял сына и сказал:

— Вот тебе мое благословение, сынок: хорошо служи! Твой отец никогда не был трусом.

Уехал Арам. Потускнели глаза Сатеник.

3

В университете снова неспокойно. Приближались весенние экзамены, а многих студентов опять забирали в армию. Нази ждала письма от Арама. И оно пришло из далекого Бреста: «Сегодня еду на учебу. Куда? Не знаю. Мы на самой границе. Теперь нет Польши, стоим прямо напротив немца. Атмосфера накаленная...»

Письмо Арама пришло и в Байдар. Мать прижала к груди фотокарточку сына. Шамир хмуро отвернулся, чтобы не видеть слез жены. Кум Сероб долго

смотрел на карточку, наконец, проговорил дрожащим голосом:

— Арам не пропадет, не ребенок ведь. Сызмальства привык ко всему. У вас один в армии, у меня трое. Слезами горю не поможешь. Большая опасность нам угрожает — германец. Ежели свернем Гитлеру шею, мир снова увидит солнце. А без нас никто с ним не справится. Понадобится — мы и сами пойдем в армию, так ведь, Шамир?

— Пойду, об чем речь!

Вдали — синие горы, соперничающие своими белоснежными вершинами с небом. На берегу реки, опираясь на свой посох, стоит Шамир. Плещет изумрудное море зелени, лениво пасутся коровы, овцы взбираются на холм. Длинноногие аисты занимаются своим делом. Тихо струится река. Высокое небо залито солнцем.

Мало осталось молодежи в селе. Кажется, это было совсем недавно: закончив работу, парни весело сбегались к реке, плавали в студеной воде, кувыркались в траве. А сегодня даже в воскресенье никого не видать на реке. Теперь они далеко от родного Байдара: кто на западе, кто на востоке.

Огромный мужчина, стоящий между небом и землей, походил на статую. Никто не знал его тяжких дум. И только река увидела, как по его щеке скатилась тяжелая слеза: уже трое его сыновей были в армии.

На дороге появился всадник, скакавший в село. Шамир закрутил в воздухе посох. Всадник, продолжая галоп, крикнул:

— Война, война...

— Эй, не слышу.

— Германия, война...

Всадник исчез за холмом. Пастухи, перекликаясь, погнали с холмов белые, как облака, отары овец, грязных коров. Все заспешили в село.

Окаменел Байдар. Плакали матери, нахмурились старики. Мрачное облако нависло над селом. Началась война...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Над высокой башней древней крепости пылает красный флаг. Близится рассвет. За стенами крепости в казармах мирно спят солдаты. Даже ракета не имеет скорости сна: стоит закрыть глаза, и ты уже далеко-далеко, в объятиях родных, сидишь за праздничным столом в отчем доме, танцуешь с любимой девушкой...

Один, обнажив широкую грудь, улыбается во сне, другой смеется, третий шумно вздыхает, что-то бормочет и поворачивается на другой бок. Один русый, другой черноволосый, у одного лицо круглое, у другого — скуластое. Родились, выросли под одним небом, но разные у всех характеры. Пройдет срок службы, распроща-

ются они с товарищами по оружию, вернутся в родные края... На вышках крепости стоят часовые. Медленно текут часы в окаменевшей тишине. Июньская ночь навевает дремоту, не слышно ни шелеста ветерка, ни шороха листвы.

И вдруг это море тишины разрывает гул снарядов и оглушающий грохот, скрежет и вой.

Никто не увидел, как расширились от удивления глаза застывшего у знамени часового. Тишина вздрогнула от конвульсий земли. Тревога! Зловещее завывание сирен и гудков. На железнодорожной станции взревел паровоз, пронзительными гудками ему откликнулись другие. Предрассветное небо сотрясалось от разрывов снарядов и бомб.

— В ружье!

Обнявшие ружья черные тени наполнили траншеи.

Чудовищным воем вспороли небо бомбардировщики. Оглушающие залпы, взрывы. Стоны раненых, отрывистые приказы, отблески пожаров.

Рассвет обагрился кровью.

Вооруженная станковыми пулеметами, рота последней покинула казарму и заняла позицию на подступах к крепости.

Светлоглазый командир отделения с только что пробившимися усиками — Арам Мирзоян — надел на голову каску и приказал то же самое сделать солдатам. Затем опустился на корточки перед ящиком, сорвал крышку, достал ленту с патронами.

— Приготовиться! Слушать команду.

Арам не впервые в этом городе-крепости. За первый год службы он побывал во многих местах. Случалось, писал родным из Харькова, а получал ответ в Белой Церкви. Иногда перемещение бывало столь неожиданным, что он месяцами не получал писем.

Однажды, это было уже в Белоруссии, когда почтальон вручил ему сразу 20 писем, ребята присвистнули от удивления. Среди них — и письмо Нази, исполненное любви и веры...

Только вчера зачитали приказ командира полка — Арам с отличием окончил полковую школу и был назначен командиром отделения. В новую роль он входил в бою.

Земля содрогалась от оглушительных взрывов. Словно рождаясь из земли, в воздух поднимались бомбардировщики, нависая над крепостью, городом, железнодорожной станцией, окрестными селами, дорогами.

На позициях вдруг воцарилась зловещая тишина. Небо высокое залито солнцем. Ветер доносит запах полыни.

Приказ строг: не стрелять, ждать появления врага. Враг не появлялся. Может, это была провокация, и она больше не повторится? Послышался гул.

— Танки!

Люди очнулись. Арам первым в отделении разглядел танки.

К пулеметчикам подошли командир роты и командир взвода. Командир роты пристально посмотрел в глаза Арама.

— Идут. Ни шагу назад!

— Есть, товарищ старший лейтенант, ни шагу назад! — ответил командир отделения.

Черные точки все увеличивались. Не отрываясь от бинокля, старший лейтенант приказал подготовить гранаты.

Раскололась обманчивая тишина. Выплюнули пламя пушки из крепости, над танками появились истребители, снова засвистели снаряды.

С грозным грохотом приближались танки. Вот затрещали их пулеметы.

На башнях уже отчетливо виднелись черные кресты. Когда до них оставалось около пятисот метров, заговорила артиллерия крепости. Прозвучала команда и в траншее пулеметчиков:

— Огонь!

Запахло порохом, горелым железом, бензином, окровавленной пылью.

...Рой гранат посыпался на приближавшиеся танки. И они отпрянули назад, завывая, как раненый зверь...

Арам не верил глазам. Шедшие впереди танки вдруг судорожно содрогнулись, закружили на месте. На броне заплясали голубые язычки пламени, повалил дым. Но приближались все новые.

— Приготовить гранаты!

Рой гранат посыпался на приближавшиеся танки. И они отпрянули назад, завывая, как раненый зверь...

2 Стемнело. В открытом поле все еще дымили подбитые танки. Усталые до смерти солдаты похоронили убитых. Санитары с почерневшими лицами собрали раненых. Затем настала тяжелая, как свинец, тишина. Покрытые пылью, мокрые от пота многие пулеметчики заснули, притулившись в окопах.

Вода, только вода могла оживить людей. Арам почувствовал: кто-то трясет его за плечо.

— Товарищ командир...

Это был второй номер расчета.

— Воды принес.

— Воды?

Протянул дрожащие руки, жадно прильнул к фляжке.

— Вода, товарищи!

Люди задвигались, чиркнули в темноте спички. Вода, аромат табака оказали свое живительное действие.

— Тихон, не спишь? Кажется, и мы им всыпали!

— Да, чуток.

— Дай бог, чтобы так каждый день!

— Вéлико, генацвале, сколько гранат побросал?

— Ва, ты что, считал?

Арама вызвали к командиру роты. Ноги подкашивались от усталости. Какое-то недоброе предчувствие

охватило его. Разговор был короткий. Приказано оставить позиции.

Рота снялась без шума и исчезла в темноте.

— Мирзоян! — раздался голос командира роты.

— Слушаю, товарищ старший лейтенант.

— Садитесь в кабину последней машины.

Араму не хотелось расставаться с товарищами, но приказ есть приказ. Сел рядом с шофером.

— С кем имею честь отступать?

По говору Арам понял, что шофер украинец.

— Командир отделения Мирзоян. А тебя как?

— Не слыхал такого. Батька мой дал мне имя деда. Тарасом меня зовут. А коли хотите еще фамилию узнать — Аксюк. Не так уж знаменито, но факт. Мы потомственные шахтеры. Про Кривой Рог слыхал? Оттуда я.

Арам заговорил по-дружески.

— Тарас, ты когда-нибудь видел рысь?

— Рысь? А что это такое?

— Рысь, братец, самый коварный зверь на свете. Живет в лесу, на всех зверей ужас наводит. Даже голодный волк не рискнет подойти к ней. Трудно ее отыскать в лесу. Притаившись на дереве, она готовится к смертельному прыжку, с такой стремительностью и неожиданностью набрасывается на свою жертву, что даже буйвола сбивает с ног. Вот и немец поступил с нами, как эта рысь. Представь себе, двое договорились не нападать друг на друга. Один из них считает этот договор серьезным, другой — выжидает, чтобы воткнуть нож в спину. Вероломство — не то слово. Это рысье нападение.

— По правде говоря, — ответил Тарас, — как увидел я эти танки, аж поджилки затряслись. Дали и нам, шоферам, гранаты, винтовки. Стреляю, а руки

ходуном ходят. Потом, как увидел горящие танки, враз ободрился. Шофер полковника сам слышал: только ваши пулеметчики семь танков подбили...

Июньская ночь была темной. На черном небе теплились далекие звезды.

Колонна полка передохнула только четверть часа. И снова двинулись на восток машины с потушенными фарами.

Дорога приближалась к лесу, люди облегченно вздохнули. Сумрак еще не рассеялся, когда колонна вошла в лес. Светало, но в лесу все еще было темно. Пехотинцы свалились на полянке, походные кухни убрали в глубь леса. Пулеметчики устроились у палатки штаба батальона.

3

Горечь отступления, неопределенность, угнетающая сердце. Вот уже сколько дней, яростно отбиваясь от врага, отступает дивизия. По ночам, устало переставляя ноги, бредут бойцы по пыльным дорогам, пробираются сквозь затхлые болота...

Сумерки принесли усталым, голодным людям облегчение. Повара наполнили до краев котелки густой кашей и мясом, раздали свежевыпеченный хлеб.

Курящие достали свои кисеты.

Улыбка заиграла на лицах людей.

Арам намеревался немного заснуть, но появился связной. Подтянув ремень и одернув гимнастерку, он пошел за ним.

— Какой ты национальности? — спросил Арам своего спутника.

— Узбек. А ты?

— Армянин.

— В нашем городе много армян. Слыхали про Андижан?

— Знаю. Богатый край.

— Я немного знаю по-армянски.

— Рад. Ты не знаешь, зачем зовут?

— Дело есть. Начальство собралось.

У палатки штаба часовой приказал остановиться. Навстречу вышел командир роты.

— Это вы, Мирзоян?

— Так точно.

— Пройдите.

В тщательно замаскированной палатке тускло горела «летучая мышь».

— По вашему приказанию...

— Здравствуйте, товарищ Мирзоян, — выслушав доклад, протянул руку командир батальона. — Как настроение, самочувствие бойцов?

— Сегодня ничего. Есть раненые.

— Вылечим, ничего страшного. Познакомьтесь с товарищем майором из штаба дивизии.

Арам вытянулся перед низкорослым офицером с худощавым лицом.

Майор обменялся несколькими словами с командиром батальона и, взяв Арама под руку, сказал:

— Пойдемте, у нас с вами особый разговор.

Вышли из палатки.

Сели на берегу речки в густо разросшейся полыни. Майор достал из полевой сумки пачку папирос, протянул Араму.

— Я не курю.

— Это хорошо. Я ведь вас немного знаю: ваше отделение и вы сами неплохо проявили себя в первом бою. Я начальник разведки дивизии. Для нас наступили очень тяжелые дни. Гитлер заявил, что самое позднее через три месяца он поставит нас на колени.

Вы верите, что рано или поздно мы перейдем в наступление?

— Верю.

— Так вот, есть приказ назначить вас командиром разведотделения в полку. К утру вам нужно быть на новом месте.

В штабе полка Мирзояну вручили список разведчиков.

— Желаю удачи, — крепко пожал ему руку майор. — Действуйте, как договорились...

Арам собрал разведчиков на поляне. Побеседовали. Из них он уже знал троих. Сержанта Матвея Васильева, храброго бойца. Арам видел, как он первым метнул гранату в танк. Правда, грубоват немного, но это дело поправимое. Хорошо знал и Нико Баградзе и Сахмада Рагимова. Об Алимджане Нури Рахматове начальник разведки сказал: «Можешь полностью доверять ему, до войны он три месяца обучался нашему делу».

Утро было спокойным. Лес дышал запахом трав, цветов. Арама вызвали к командиру взвода. Вернулся он с двумя бойцами. Каждый тащил тяжелый ящик. Когда солдаты ушли, Арам, показав на ящики, приказал:

— Сержант Васильев, раздать патроны и гранаты.

— Есть!

После обеда командир отделения приказал:

— А теперь спать.

Разведчики легли, завернувшись в плащ-палатки. Только Арам не спал. Что его ожидает? Он не раз слышал, что для разведчиков нет средней линии. Задание — разведать положение на правом фланге полка и захватить пленного. Это могло быть не таким уж трудным делом. А если не удастся поймать «языка»?

— Спи, приказано спать, — сказал он сам себе и закрыл глаза. Проснулся, когда уже смеркалось. Разбудил своих солдат.

Короткая встреча с начальником разведки полка — и отделение вышло из леса. Тридцатью минутами позже в другом направлении двинулся весь полк. В условленном месте осталась грузовая машина, с водителем которой Арам познакомился в первый день отступления.

— Ну, как, Аксюк, не боишься? — спросил его командир отделения.

— Нет, товарищ сержант...

4

Молчаливый, таинственный лес. Даже птицы примолкли.

«Нет, в кабине нельзя сидеть, — решил Тарас.— А если немцы нападут?» — Достал автомат, гранаты, невольно пощупал засунутую за голенище финку. Вылез из кабины, спрятался за деревом.

А в это время разведчики медленно пробирались вперед. Арам сверялся по компасу. Наконец, в мутносерой мгле показались какие-то постройки.

Разведчики припали к земле.

— Со мной пойдет Матвей Васильев. Через каждые четверть часа продвигайтесь вперед не больше пятидесяти метров.

Сержант вытащил из голенища финку, засунул за ремень.

Поползли вперед. Уже приблизились к околице села, до первой хаты — рукой подать.

— Подождем немного, — прошептал Арам на ухо Васильеву.

Безлюдие. Ни звука. Казалось, вся деревня вымерла.

— Ну, иди, — снова шепнул Арам. — Я следом за тобой. Самое главное — действуй без шума.

Матвей растаял в сгущавшемся мраке. Вдруг в ночи раздался отчаянный вопль, залаяла собака, вспыхнули и погасли слепящие огоньки.

Арам услышал топот шагов, возню. Вскочил на ноги.

— Готов. Притащил!

Над головами просвистели пули.

— Ты иди с ним, а я задержу их.

— Товарищ...

— Выполняй приказ!

Арам укрылся за кустом. Огонь усилился.

Разведчики обступили кольцом огромного немца.

— Ложись! Тащите пленного, — приказал Васильев и пополз обратно. В небо взлетела ракета, и Матвей разглядел впереди себя командира отделения. Ведя огонь короткими очередями, Арам отходил назад.

Войдя в лес, разведчики прекратили огонь. А из деревни все сыпался град пуль.

Они уже далеко углубились в лес, когда в деревне перестали стрелять.

— Матвей!

— Слушаю.

— Кажется, они меня поцарапали. Есть чем перевязать?

— Есть, — откликнулся один из разведчиков.

В темноте перевязали левую руку.

— Больно? — спросил Васильев.

— Сначала не чувствовал, теперь болит.

Тронулись в путь. Вот и условленное место. Арам свистнул три раза, ответный свист раздался где-то рядом. Шофер появился из-за деревьев, с автоматом.

Арам сел в кабину.

— Только бы успеть до рассвета догнать наших.

— С ветерком прокачу. Мы их через два часа догоним. Вас что, ранило? Тяжело?

— Пустяки.

Забрезжил серый рассвет, когда разведчики подъехали к входившей в лес колонне. Арам явился к начальнику разведки. Доложил.

— Значит, без шума?

— Напоролись на немцев, но оторвались.

— Вас преследовали?

— Обстреляли.

— Можете отдыхать. А мы займемся этим типом.

В штабе полка худощавый майор протянул немецкому лейтенанту портсигар и сказал на чистейшем немецком:

— Вы останетесь живы, если будете говорить правду.

Немец обхватил голову руками. Его плечи затряслись.

— Какая гарантия? — спросил он сквозь слезы.

Майор в упор посмотрел в его наполненные ужасом глаза, повторил:

— Вы останетесь живы!..

Пленный! Многие впервые увидели так близко фашистского офицера.

— Ишь, как съежился, гад! — бросил солдат, проходивший мимо палатки штаба.

На рассвете пленного увели. Поговорив с майором, командир дивизии уехал. Майор вызвал Мирзояна.

— Ваш «язык», — сказал он Араму, — редкая сволочь и весьма важная птица. Службу начал в Африке.

Вилли Лаунгс — сын крупного фабриканта. Его дядя, фон Листер, эсэсовский генерал. В его документах мы нашли фотокарточку, на которой за спиной фюрера и дяди улыбается этот Вилли. Он передал нам немало важных сведений. Постараемся проверить и сообщить куда надо.

Начальник разведки краем глаза взглянул на склонившегося над картой Арама.

— Ночью в этом направлении отправите группу из восьми человек. Видите вот эту ветряную мельницу левее райцентра? Здесь сконцентрированы боеприпасы нашей дивизии. Нужно...

Арам поднял голову.

— Почему вы говорите, отправите?

— Вам надо лечиться.

— Но у меня ничего серьезного, товарищ майор, честное слово! Вот смотрите, — и он крепко сжал пальцы в кулак. — Совсем не больно.

— За кого вы меня принимаете, младший политрук Мирзоян? Я не мальчишка. Вытрите пот со лба.

— Это от напряжения, — попытался оправдаться Арам. — Я не чувствую никакой боли.

— Сказки!

Арам замолчал.

Начальник разведки занялся картой. На чистом листе нарисовал план.

— Возьмите, проинструктируете бойцов. И запомните: я не люблю, когда со мной торгуются. Наше дело требует строжайшей дисциплины, и вы должны понимать это. Отныне вы будете командовать не отделением, а взводом разведки. Займитесь новичками, хорошенько прощупайте их. Я их проверял, отличные ребята.

— Слушаюсь!

В это время к ним подошла худенькая, с удивительно синими глазами медсестра.

— Я должна перевязать младшего политрука.

— Перевяжите. Я тоже хочу посмотреть на его царапину.

— Какая царапина?

— Он сам сказал.

— Вы сейчас посмотрите. Младший политрук, отстегните ремень! — Сестра сняла с него гимнастерку, окровавленную рубашку.

Майор курил и сквозь дым смотрел на смуглого юношу. Спортсмен, грудь, как у борца. Когда сестра сняла повязку, он заметил:

— Хорошая царапина, ничего не скажешь!

5

Новички уже разместились. Матвей Васильев как следует прощупал их и остался доволен. Увидев Арама, пошел ему навстречу.

— Товарищ младший политрук.

— Политрук, — поправил Арам.

— Товарищ политрук...

Глянули друг другу в глаза, крепко пожали руки.

Ночью группа разведчиков отправилась на очередное задание. А под утро не все они вернулись на собственных ногах. Старшего сержанта Васильева немедленно доставили в медсанбат. Только там смог переговорить с ним майор Белов.

Морщась от боли, Васильев докладывал:

— Немцы появились внезапно, словно из-под земли выросли. Ослепили нас прожекторами и открыли огонь.

— На той же дороге?

— Да.
— Ваше мнение?
— Часть небольшая. Стреляли из автоматов и ручных пулеметов.
— Не преследовали?
— Нет, иначе мы бы все погибли.

Тревожные мысли охватили майора. На флангах и на дороге, по которой отступала дивизия, еще вчера не обнаруживали солидных вражеских сил. Откуда же они появились? Неужели воздушная разведка позволила фашистскому командованию точно определить маршрут отступления и силы дивизии?

— Времени у нас мало, — сказал Белов командиру полка. — Прикажите вызвать пленного лейтенанта и политрука Мирзояна.

Лейтенант снова подтвердил свои показания: у старой мельницы, около расположенного южнее деревни кирпичного завода, у болота, вплоть до железнодорожной станции нет значительных сил фашистской армии.

— Герр майор должен верить мне,— убеждал он,— даже крупные военные склады охраняются лишь одной ротой. Ваше местонахождение неизвестно нашему командованию, иначе наша авиация превратила бы лес в пепелище.

— Вы спрашиваете, почему каждый день над лесом появляется самолет-разведчик? В этой округе действуют небольшие партизанские группы. Самолеты-разведчики выполняют задание — выявить их местонахождение и напугать.

— А с какой же частью столкнулись наши разведчики прошлой ночью в пяти километрах восточнее леса? — спросил Белов. — Только говорите правду! — строго предупредил он пленного.

— Вы, господин майор, гарантировали мне сохранение жизни. Поэтому я не заинтересован в том, чтобы вы уличили меня во лжи и расстреляли за это. То, о чем вы говорите, это не часть. На десятый день наступления наше командование создало подвижные отряды для охраны тыла наступающих войск. На главных дорогах, на каждом пятидесятом километре стоят такие отряды. Их вооружение мне хорошо известно: два миномета, десять ручных пулеметов и сорок автоматов. Транспортировка? Четыре броневика, на каждом по два прожектора. Мой кузен — командир этого отряда. Неделю назад я был его гостем.

Лейтенанта увели. Командир полка вышел.

— Что вы думаете об этом? — спросил Белов Мирзояна.

— Полагаю, что пленный говорит правду.

— Может, это и так.

Помолчали.

— Плохи наши дела, политрук, — вздохнул майор. — Из группы, которую мы отправили прошлой ночью, еще никто не вернулся, из ваших восьмерых трое убиты, четверо ранены. Вроде и силы врага немногочисленны, а разведчиков тут же засекают. Сможете ликвидировать эту бродячую группу с ее бронетранспортерами?

Арам не сразу ответил.

— Нам нужно, во-первых, небольшое пополнение, помимо этого, надежные средства связи.

Майор сделал какие-то пометки в блокноте.

— Правильно рассуждаете, — резюмировал он. — В полдень к нам прибудут командиры партизанских отрядов, которые уже начали действовать в окрестных лесах. Совместный удар — вот что будем готовить. Вам известно, что наши склады с боеприпасами

и вооружением уже в руках врага? Об этом сообщил пленный лейтенант. Немцы могут использовать это оружие против нас. Проверьте часы, в двенадцать будете у командира дивизии.

Начальник разведки быстро набросал на листе план, на котором указал расположение складов.

— Идите.

До назначенного часа было еще время. Политрук задумчиво шел по направлению, указанному майором Беловым.

У командира дивизии оказалось более тридцати офицеров и несколько человек в гражданской одежде, но с автоматами. Арам догадался: совещание закончилось. Партизанские руководители ушли. Белов представил Арама командиру дивизии. Тот пытливо посмотрел на него.

— Ваши люди, — строго сказал он, — должны отдохнуть, хорошенько выспаться. От выполнения задания разведчиками зависит судьба многих тысяч людей. Предупреждаю: вы идете на очень опасное и ответственное задание. Я кое-что слышал о вас, да и майор ручается. Еще раз внимательно оцените обстановку.

— Я готов, — вытянулся Арам.

— Вы свободны, политрук, готовьтесь...

Разведчики знакомились с новичками. Представлял их, поглядывая на список, сержант Рахматов.

— Сержант Матис Берман.

— Я.

Политрук пристально посмотрел на щуплого сержанта с продолговатым смуглым лицом и черными волосами.

— Какими языками владеете?

— Немецким. Знаю хорошо.

— Даже хорошо?

— Так точно. Свободно говорю по-английски, знаю немного французский.

— Сержант Павло Кравчук.

— Я.

Широкий в плечах, высокий, с круглым лицом и серыми глазами.

— Из Луганска, третий год службы.

— Все свободны, — объявил Арам, закончив знакомство с новичками.

К обеду пришел майор Белов с двумя партизанами-разведчиками.

— Товарищи отлично знают местность, — сказал он Араму. — Посоветуйтесь с ними. Новички прибыли?

— Так точно.

Сразу после обеда разведчики, укутавшись в плащпалатки, легли спать.

6

Перед вечером прибыли командиры из партизанского отряда, вслед за ними подошел Белов. А через несколько минут Арам обомлел от изумления: на поляне появилась... группа немцев. Возглавлявший ее офицер в форме немецкого лейтенанта подошел к майору и, вскинув руку под козырек, четко доложил ему по-немецки. Это был Матис Берман. Арам понял: все делается по приказу.

Кратковременные совещания с командирами, последние приказания. Начальник разведки показал на карте направление движения: в ту же сторону, что и в первый раз, когда разведчики понесли такие большие потери, не выполнив поставленной перед ними задачи.

Вскоре группа в немецком обмундировании удалилась в глубь леса.

Стемнело, когда из леса вышли разведчики, выехали машины. Майор Белов находился неподалеку от группы политрука Мирзояна. Он прислал к нему связного с приказом выйти на магистральную дорогу и ждать партизанскую группу. Вскоре партизаны присоединились к разведчикам. Осторожно двинулись вперед.

Деревню заняли без единого выстрела. Белов, одетый в форму немецкого капитана, деловито распоряжался в двухэтажном доме. Большая комната была освещена стоящей на столе лампой. Двое часовых охраняли захваченных в плен трех немецких офицеров

— Склад в наших руках, часовые разоружены, — сказал он прибывшим командирам групп. — Наша задача сейчас — доставить в лес орудия и боеприпасы. Пойдем южнее пруда. Ликвидация вражеского заслона, охраняющего дорогу, поручается группе политрука Мирзояна. Мы встретимся с вами рано утром в лесу.

Майор встал. Командиры групп вышли из дома, чтобы приступить к выполнению новой задачи.

Разведчики и партизаны быстро достигли развилки дороги и залегли в засаду.

Вскоре во мраке вспыхнули фары машин.

— Едут, — сказал командир партизанского отряда.

— Даже с включенными фарами — самоуверенно ведут себя, — сердито проворчал Арам.

— Для немцев, братец, это глубокий тыл.

...На дороге заплясали языки пламени. Сгрудились бронемашины. Разрыв гранат, свист пуль, лязг железа... Вырвавшись из свалки, одна из бронемашин стремительно направилась на разведчиков. Кто-то метнул под нее противотанковую гранату...

Автомашины, тяжело загруженные ящиками с боеприпасами, выезжали со склада, освещая дорогу яркими фарами. К каждой машине было прицеплено орудие.

Гул вражеских бронетранспортеров приближался. Внезапно вдоль дороги метнулись яркие лучи прожекторов. Араму казалось, что они насквозь пронизывают высокую пшеницу, в которой залегли разведчики и партизаны.

— Приготовиться! Слушать команду, — приказал он.

Минуты казались вечностью. Наконец грохнул оглушительный взрыв: сработали мины, заложенные на дороге.

— Огонь! — громко крикнул политрук.

На дороге заплясали языки пламени. Сгрудились бронемашины. Разрывы гранат, свист пуль, лязг железа... Вырвавшись из свалки, одна из бронемашин стремительно направилась на разведчиков. Кто-то метнул под нее противотанковую гранату. Взрывом машину перевернуло. Оставшиеся в живых немцы панически метались по дороге. Освещенные горевшими машинами, они были хорошей мишенью для разведчиков и партизан, спрятавшихся в зарослях пшеницы.

Вскоре бой закончился полным разгромом вражеского отряда. Имелись потери и у разведчиков с партизанами: около двух десятков раненых, были и убитые.

Привели семь пленных, один из них — обер-лейтенант.

С мрачным лицом к политруку подошел бородатый партизан.

— Кажется, одна из бронемашин цела. Я сяду с водителем и пусть только попробует ослушаться!

Арам подозвал легко раненного Бермана:

— Спросите, кто из них водитель бронемашины.

Вышел вперед долговязый ефрейтор.

— Передайте ему: поведет машину, куда укажет партизан, который сядет рядом с ним. Предупредите: при малейшем сопротивлении он будет расстрелян на месте.

— Гут, гут, приказ выполню, — забормотал немец.

— Проводите его к машине, товарищ, — обратился Арам к партизану. — Садитесь рядом с ним.

— Есть!

— Помогите раненым подняться в машину, да поживее. Связать пленных!

Арам последним поднялся в кузов. Партизаны, попрощавшись со своим бородатым товарищем, зашагали в обратном направлении. Машина тронулась к лесу.

В лес вернулись, когда уже рассветало. Санитары быстро унесли раненых.

Командир дивизии был в палатке штаба полка. Арам доложил.

— Поздравляю! Отлично служите.

Белов подошел к Араму, пожал руку.

— Понимаю: вы очень устали. Вам надо отдохнуть. Потом встретимся. Идите.

Вечером пришел майор Белов. Арам попытался встать.

— Лежите! — махнул он рукой. — Я тоже присяду. Ваша группа действовала отлично!

— Жертв много, товарищ майор.

— Знаю. Восемнадцать убитых, двадцать три раненых. У немцев втрое больше. А без потерь, к сожалению, не воюют. Отдыхайте, товарищи, — сказал майор, поднимаясь. — Скоро дивизия тронется на восток...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Дивизия, подкрепленная новыми пушками и боеприпасами, продолжала отходить на восток. Майор Белов сутками не смыкал глаз. Разведчики день и ночь действовали по всем направлениям, обеспечивая командира дивизии необходимыми данными, позволявшими ему выводить полки из окружения без больших потерь. Все эти дни от Белова не отходил командир разведгруппы политрук Арам Мирзоян. Какие-то духовные нити связывали этих двух людей. Они понимали друг друга с полуслова. Майор ценил бесстрашие и самоотверженность молодого офицера, делился с ним опытом, наставлял, обучал сложному искусству разведчика.

Командир подвижной группы обер-лейтенант оказался не таким сговорчивым, как его предшественник. Во время допроса в маленькой лесной сторожке с подслеповатыми окнами он мрачно заявил:

— Вы от меня ничего не добьетесь. Я верен фюреру и родине. Не теряйте напрасно время — расстреливайте.

Майор Белов дал ему время на размышления.

— И так бывает, — сказал Белов Араму.

— Товарищ майор, а что если устроить двум пленным офицерам очную ставку?

— Я об этом подумал. Сейчас попробуем.

Одному из офицеров разведки Белов приказал снова привести обер-лейтенанта.

— Вы решили меня расстрелять?

— Нет, меня интересует другое, — бесстрастно ответил Белов. — Вы знаете лейтенанта Вилли Лаунгса?

Пленный от неожиданности вскочил на ноги.

— Это только частная беседа. Она не затронет вашу верность фюреру. Хотите встретиться с Вилли?

Обер-лейтенант изумленно уставился на майора.

— Я, кажется, еще в своем уме, — сердито ответил он. — Ваши разведчики вытащили из могилы и приволокли сюда труп моего кузена, чтобы нагнать на меня страху?

— Ну, зачем же заниматься таким некрасивым делом? — усмехнулся майор. — Я говорю о живом человеке.

— Не издевайтесь надо мной. Мой бедный Вилли похоронен во дворе кирпичного завода под тремя соснами. Он честно погиб в бою. Фюрер наградил его посмертно железным крестом. Нам зачитывали приказ.

— Введите лейтенанта! — приказал Белов своему помощнику, чтобы прекратить перепалку с пленным.

Лейтенант Лаунгс тоже не знал, что его родственник захвачен в плен. Войдя в сторожку, он не обратил внимания на человека, сутуло сидевшего в затемненном углу.

— Господин лейтенант, — обратился к нему Белов, — подойдите к своему родственнику.

Лаунгс обернулся, глаза его часто-часто мигали, словно он проверял, не сон ли это? Пораженный увиденным, впился в него глазами обер-лейтенант.

— Господин обер-лейтенант, слово советского офицера твердо: я гарантирую вам сохранение жизни. Но вы должны отбросить вашу щепетильность, хотя бы потому, что в армии фюрера вам уже никогда не придется служить.

Спеси пленного как не бывало! Если его кузен жив, размышлял он, почему и ему не воспользоваться великодушием противника?

— Я готов отвечать на ваши вопросы, господин майор, — потупив взор, пробормотал он. — Но перед этим хочу обратить ваше внимание на следующее: части генерала Гофмана понесли значительные потери. Послезавтра он получит большое пополнение. От станции выгрузки к фронту пополнение повезут автомашинами вот по этому маршруту, — прочертил пленный ногтем по карте майора.

— Вот это уже деловой разговор! — похвалил Белов. — Садитесь поближе к столу, побеседуем.

Сержант Матис Берман подробно записывал ответы обер-лейтенанта. Порой лейтенант прерывал его, уточнял некоторые детали. Иной раз они даже спорили друг с другом, но потом приходили к единой точке зрения.

— На сегодня хватит, — объявил, наконец, Белов. — Отдыхайте и не беспокойтесь о сохранении вашей жизни.

Пленных увели.

Начальник разведки докладывал командиру дивизии о результатах допроса.

— Части генерала Гофмана перешли к обороне вот на этом рубеже, на западном берегу речки, — показывал он по карте.

— Я хорошо знаю эту местность, товарищ полковник, — доложил один из офицеров штаба. — В этс

время года река мелеет и по ночам почти всегда окутана туманом.

— Удобно для прорыва к своим, — проговорил командир дивизии. — Но для начала, встретим ночью пополнение вот на этом рубеже, — черкнул он карандашом по карте. — Потом и линию обороны Гофмана легче будет прорывать. Да и разгромить такое большое количество фрицев — полезное дело. Доберутся они до своих частей — справиться с ними будет труднее.

На том и порешили. Замысел командира дивизии быстро был воплощен в четкий боевой приказ, определивший целенаправленную и строго организованную деятельность тысяч людей. И когда командир полка поздно вечером зачитал приказ командира дивизии на совещании офицеров, Арам еще раз убедился, что значит успешная разведка.

2 Днем над лесом, где остановились полки дивизии, снова повис самолет-разведчик. Дали команду — прекратить всякое движение.

Скоро над лесом застрекотал второй самолет, который спустился гораздо ниже.

В полдень обрушился ураганный ливень. В лесу стемнело. Стонали старые деревья. Исчезли самолеты-разведчики. Проливной дождь прекратился только к вечеру. Солдатам и офицерам раздали патроны и гранаты. С наступлением темноты подразделения дивизии в четком боевом порядке тронулись в путь.

Фронт был близко. Приказы передавались шепотом. Наконец, лес остался позади. С минуты на минуту могла начаться решительная атака. Люди еще более напряглись. Радисты на ходу поддерживали связь с частями, действовавшими с фронта.

И вдруг, разрывая мрак, впереди, всего лишь в двух-трех километрах, вспыхнула красная ракета.

— Наши! — возбужденно воскликнул Арам.

Загрохотали орудия. На оборону немцев обрушился шквал огня с фронта и с тыла.

— В атаку! За мной, вперед! — прозвучали приказы командиров подразделений.

Все потонуло в грохоте жаркого боя. От ракет и взрывов снарядов и мин на поле посветлело. Яростная атака с двух сторон завершилась жестокой рукопашной схваткой.

От немногочисленной группы политрука Мирзояна осталось несколько человек. Припадая на раненую ногу, он бежал впереди. Его автомат стал горячим от стрельбы. Вдруг Арам упал. Попытался подняться, не смог. Санитары подхватили его на носилки. Он потерял сознание...

3 Усатый раненый с бледным лицом в окровавленных повязках, почувствовав чье-то присутствие, медленно открыл затуманенные глаза.

— Ну, как поживаешь?

Родной, близкий голос.

— Товарищ майор!

— Это я, дорогой. Пришел навестить тебя.

— Наши все прошли?

— Все. Могу обрадовать, Арам Шамирович, тебя наградили орденом Красной Звезды.

— Спасибо, товарищ майор...

— Что ты заладил, товарищ майор, да товарищ майор, — заворчал Белов. — Придет время — и сам станешь майором.

— Извините, Владимир Ефимович. Как там наш Матвей Васильев?

— Матвей? Чудесно. Он тут, недалеко. Как узнал, что ты жив-здоров, страшно обрадовался.

— Ничего себе жив-здоров, валяюсь вот тут. Слыхал, что намереваются ампутировать ногу. Не дам!

— Не беспокойся, Арам: главный хирург уже сказал, что опасность миновала. Да вот он и сам идет. Как говорится, легок на помине.

— Ну-с, как чувствует себя ваш герой?

— Держится молодцом!

— Ногу мы вам сохраним, политрук. Это точно. Вот рана на шее глубокая. Придется полежать.

— Она-то меня не тревожит, доктор, скоро заживет.

— Не совсем скоро, но будем надеяться.

Доктор ушел.

— На днях тебя и Матвея Васильева вместе со всеми тяжелоранеными отправят далеко в тыл. Желаю скорого выздоровления. Главный врач обещал мне сказать, куда отправят тебя и Матвея. Всякое в жизни случается, я хочу, чтобы мы расстались с тобой не навсегда, а снова встретились...

Арам почувствовал, как Белов сунул что-то под подушку.

— Ну, прощай, дорогой, мне пора, — майор склонился и поцеловал его в лоб.

Из закрытых глаз Арама потекли слезы...

Майор Белов не ошибся. Через два дня тяжелораненых перевезли из полевого госпиталя в санитарный поезд, отправлявшийся в далекий тыл.

В вагонах — завидная чистота и порядок. Каждый день врачебный обход, перевязки. Три раза в день — горячее питание. Давно не был Арам в таких условиях.

Вот спал он первые ночи плохо. Мучительная боль в ноге и шее не давала покоя. А в этот день уснул сразу после завтрака. Проснулся от чьего-то голоса.

— Ну и задал ты храпака! Завидую тебе, — гудел сосед по купе, младший лейтенант.

— Полегчало, видимо. И ты поспи.

— Не получается пока.

— Ничего, пройдет.

— Я тоже так думаю.

— Тяжело ранен?

— Ногу оттяпали. Для меня война кончилась. Не одного фрица на тот свет отправил. А теперь вот, к сожалению, не придется больше истреблять эту мразь.

Раньше Арам никогда не бывал в городах Урала. В поезде раненым объявили: их везут в Уфу. Там и продолжат лечение.

— Мне все равно куда ехать, лишь бы встретить товарища.

— Кто он? — спросил младший лейтенант.

— Раненый. В нашем поезде должен быть.

— И вы не встречались?

— Он тяжелораненый, я тоже не могу ходить.

— А ты обратись к комиссару. Он что, кавказец?

— Нет, русский.

Вскоре появился комиссар поезда, чуть повыше среднего роста, чисто выбритый, сутулый, с правой рукой на перевязи. Улыбаясь, он поздоровался с ранеными.

— Ну, как самочувствие? Какие просьбы?

Комиссар присел на койку Арама. Поговорили.

— Ответ получите в четырнадцать часов.

В назначенное время комиссар обрадовал Мирзояна:

— Ваш друг, Матвей Терентьевич Васильев, просил передать сердечный привет. В Уфе будете лечиться в одном госпитале.

— Большое спасибо...

В далекой Уфе никто не встречал с цветами. Арам понял, что их санитарный поезд здесь не первый и не последний. Вагоны опустели быстро.

Две санитарки несли на носилках Арама. Запыхавшись, они остановились.

— Дорогой, ты что свинцом начинен? Уж больно тяжел.

— Помогите подняться. Я сам пойду.

— Поднимешься, когда врачи разрешат. Донесем!

Перед трехэтажным школьным зданием выстроились сотни носилок. Вытерев пот со лба, санитарка спросила:

— Ты откуда родом?

— Пешком не дойдешь. Из Армении.

— Далековато.

— Вы в госпитале работаете?

— Нет, на фабрике. Одежду для вас шьем. Когда привозят раненых, помогаем госпиталю. Мой отец и братья тоже на фронте сражаются. Узнаю, в какую палату тебя поместят, буду приходить в гости.

— Большое спасибо! У меня теперь вместо четырех сестер будет пять. Меня зовут Арам.

— А фамилия?

— Мирзоян.

— Меня — Марина, подружку — Тамара.

В госпитале у Арама появились новые друзья: громадный лейтенант Яков, раненый в руку политрук киргиз Ахмед, запорожский казак Андрей Акимович, душа ночных бесед.

Настал долгожданный день: с ноги Арама сняли гипс.

— Кость срослась, можете пройти несколько шагов на костыле, не опираясь на раненую ногу, но будьте осторожны, — предупредил врач.

На другой день Арам с трудом выбрался в коридор. Ну как не навестить Матвея? Молча обнялись.

— Перенес две тяжелые операции — рассказал тот. — Говорят, дело идет на поправку.

— Мы, Терентьевич, еще майора отыщем!

— Да, его не забыть. Душевный человек.

Долго говорили.

— Я теперь к тебе каждый день буду приходить, — на прощание сказал Арам.

На другой день Матвей попросил его написать письмо матери. Арам писал и вздыхал.

— Что с тобой?

— Понимаешь: еще не написал родным.

— Вот и плохо! — возмутился Матвей. — Чего ты их мучаешь?

В этот день, после долгого молчания, Арам отправил письмо в Байдар и Ереван.

4

Письмо Арама обрадовало его однокурсницу по университету Нази. Девушка не знала уже, что и подумать.

«Мы пережили тяжелые дни, — писал Арам. — Я ранен, лежу в госпитале. Наверное, через месяц выпишут — и снова на фронт. Обо мне не беспокойся. Передай привет всем знакомым. Жду твоего письма»...

В Байдаре многие уже считали Арама погибшим. Когда заходила о нем речь, председатель колхоза Рубен с горечью замечал:

— Не такой он парень, чтобы молчал. Значит, погиб.

— Арам не пропадет, — с уверенностью возражал кум Сероб. — Чует мое сердце, он жив!

Тяжело было матери Сатеник: троих сыновей взяли на фронт, только от Мелкона было письмо. Отец Шамир еще сильнее помрачнел.

Никто в селе не знал, что Шамир ходил в военкомат.

— Сыновья мои на фронте, сердце не выдерживает — и меня отправьте.

Ему отказали. Расшумелся старик!

— Вчерашние дети стариками брезгуют? А ну, берите-ка ружья, поглядим, кто лучше стреляет...

Августовский вечер доставил Шамиру большую радость. Сатеник встретила его двумя конвертами.

— Поздравляю тебя, Шамир, наши сыночки живы! Это от нашего Овсепа. Марине прочла — командир он. А это от Арама.

Радостная весть облетела весь Байдар.

Первым на пороге появился кум Сероб.

— Поздравляю! Говорил я этому Рубену: жив наш Арам, так нет, не верил, паникер.

В дом вошла дочь Марине.

— Подойди-ка сюда, — распорядился отец. — Читай письма вслух.

Марине читала с чувством. Отец и кум слушали, не шелохнувшись.

— Хорошие письма! — поглаживая усы, сказал кум Сероб. — Арам уже политруком стал. Большим начальником будет!

Война лишила людей радости. Давно в селе не звучала музыка и песни. С раннего утра пустели дома, все шли на уборку урожая. Кум Сероб, самый ста-

рый человек на селе, ему уже давно перевалило за восемьдесят, не сиживал больше у ворот дома.

— Кто любит свою страну, своих сыновей, не должен сидеть без дела! — объявил он на сходке. — Берите с меня пример: завтра выхожу на покос.

На глаза председателя колхоза Рубена навернулись слезы, когда старики с косами на плечах пришли на поле. С того дня кум Сероб неделями не появлялся в деревне: в поле и ночевали. А в этот день в дом Шамира шли и шли люди, чтобы вместе разделить его радость. Наконец, в дверях показался председатель Рубен.

— Слыхал, председатель, радость мою? — спросил Шамир, бывший уже навеселе. — Давай к столу!

— За здоровье героев, сражающихся за освобождение Родины! — провозгласил председатель, поднимая стакан.

Долго продолжалось в этот вечер веселье в далеком горном Байдаре. Сыновья Шамира и не представляли себе, какую светлую радость принесли землякам их письма.

5

Через неделю Мария и ее подруга появились в госпитале.

— Арам, к тебе гости.

— Кто?

Ахмед не успел ответить. Девушки уже подошли к его койке.

— Здравствуйте! Как здоровье?

— Это вы? — Арам не поверил своим глазам.

— Видать, не ждали? А ведь наши родные тоже могут оказаться в госпиталях. Вот и хорошо, если кто-либо навестит их. А вы уже хорошо выглядите! Знакомьтесь — подруга Тамара, о ней я говорила.

— Очень рад вас видеть. Ну, присаживайтесь, можете прямо на постель.

Санитарка принесла стулья.

— Мария, Тамара, угощайтесь, — Арам протянул девушкам коробку конфет. — Вчера нам раздали подарки.

— Потом откроете этот пакет, — сказала Мария, доставая его из сумки. — Это домашнее.

— Зачем вы беспокоитесь? Нам здесь все дают.

Посидев немного, подруги ушли. А в палате раненые еще долго разговаривали о них.

— Славные девушки! Целый день трудятся на фабрике и еще находят время помогать госпиталю, — похвалил великан лейтенант Яков.

— Что тебе принесли, герой? — поинтересовался Ахмед. Арам раскрыл пакет.

— Жареная курица! Ведь у самих с питанием не густо, конечно, а нам несут такие вещи. Какой же добрый наш народ!

— Вот и ешь на здоровье!

— Нет, пошлю товарищу. Ахмед, передай, пожалуйста, пакет Матвею вместе с моим приветом, — попросил Арам.

— Ну раздели хотя бы пополам: половину тебе, половину — ему.

— Не надо. Матвей потерял много крови, да и поправляется еще плохо.

— Этот парень знает цену дружбе, — сказал политрук казаху.

— Верно. Кавказцы — народ такой...

Однажды чисто выбритый Арам появился в палате Матвея без костылей.

— Здорово, ребята!

— Гляди, братва, наш кавказец без костылей ходит. Поздравляем!

— С разрешения врача?

— Конечно. Ахмед, подтверди.

У Матвея Васильева тоже новости: час назад он с медсестрой совершил большую прогулку — дошел до двери палаты и обратно. А уж радости — через край!

Вскоре товарищи вместе стали появляться на зеленом дворике госпиталя.

Однажды большая группа работниц швейной фабрики вместе с фоторепортером появились у главврача.

— Мы сейчас его вызовем.

Арам пришел с Матвеем. Репортер задал Араму несколько вопросов.

— Воевал, как и все, — пожал он плечами.

— Он вам ничего не расскажет, — вмешался Васильев. — Спрашивайте у меня. Мирзоян был моим командиром, — и рассказал все с самого начала, от Бреста до прорыва из окружения.

— Вот за что нашего командира наградили орденом Красной Звезды, — закончил Матвей.

— Я хочу внести лишь небольшую поправку, — покраснел Арам. — На все задания мы ходили вместе с Матвеем Васильевым.

Через несколько дней фотография вместе со статьей сержанта Васильева появилась в местной газете. Комиссар госпиталя зачитал ее во всех палатах, медсестры передавали друг другу фотографию политрука и его товарища.

В жизни много бывает случайностей. Ленинград далек от Еревана. Матвей никогда не бывал на Кавказе. Отправил письмо домой в Ленинград, а мать ответила ему из Еревана.

— Земляками стали! — хлопнул его по плечу Арам. — Ничего удивительного, дружище, маму с детьми эвакуировали в Ереван.

— Но как мое письмо дошло до Еревана?

— Чудак-человек, или отец послал, или же по почте переправили. Сейчас в Ереване море фруктов. Твои сестренки и братишки вдоволь полакомятся. А как получат от тебя письмо, — кочари станцуют.

Много писем получал Арам. Писали ему мать, сестры, кум Сероб. Письмо кума Сероба Арам прочитал несколько раз, перевел несколько строчек Матвею.

— Мудрый человек, многое повидал на своем веку. Послушай, что он пишет: «Не кажи спины гитлерам, целься им в грудь! Когда окончится война, сынок, пусть доброе имя твое останется». Большую радость товарищам доставило письмо Белова: «Пишу вам после того, как получил письмо от старшего врача. Все наши, командир полка, комиссар, ваш друг, ныне старший сержант Алимджан Нури, считали вас безнадежными. Я прочитал им письмо врача. Никак не мог свыкнуться с той мыслью, что могу потерять вас. Хочу верить и почему-то уверен, что мы с вами встретимся».

— Что скажешь, Матвей?

— Конечно, встретимся, что тут говорить!

Арам вдруг загрустил.

— Может, и не встретимся, — вздохнул он. — Мы с тобой маленькие люди, никто нас спрашивать не станет. Попадем на разные сборные пункты, мне дадут роту, а тебе, к примеру, взвод. Прощай тогда навеки.

— Меня командиром взвода? Я ведь всего-навсего старший сержант.

Особую радость доставляли раненым передаваемые по радио письма для фронта. В этот день собрались, как обычно, послушать рассказы бывшего кавалериста-казака.

— Ну как, начать или сперва послушаем письма?— спросил Аким Ефимович.

— Сперва послушаем письма.

Из Нижнего Тагила сыну-сержанту писала мать. Девочка из Владивостока сообщала отцу, что она хорошо учится и спрашивала, получил ли он посылку. Капитан беспокоился о друге, который не ответил на его письмо...

И вдруг голос диктора спрашивает:

— Где вы, боец Арам Мирзоян?

— Э, слышали?

— Тихо!

— Вам письмо из Ейска.

«Дорогой Арам, я чувствую себя хорошо. Все время думаю о тебе. Передаю тебе приветы...»

— Скучают, а ты не пишешь, — упрекнул его казак. — Напиши, не обижай друзей.

Арам молчал. Передача закончилась. Матвей выключил репродуктор. Казак начал рассказывать свои истории. Политрук был не в духе.

— Есть у тебя бумага? — спросил Матвей.

— Есть.

— Напишешь в Ейск письмо и передашь от меня приветы.

— Ладно.

В тот день в палате долго горел свет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Среди раненых началось недовольство. Первым поднял шум пулеметчик.

— Чего меня здесь держат? — срывая бинты, кричал он.

Многие поддержали его. Прибыл комиссар.

— Вот, смотрите, рана на руке давно зажила. Не верите? Кого хотите этой рукой подниму.

— Я тоже здоров, — вмешался Арам. — Не выпишите, напишу жалобу.

Комиссар пообещал поговорить с главврачом. На другое утро у кабинета главврача выстроилась длинная очередь.

Политрука Мирзояна вызвали еще раз вечером. Там его ждал незнакомый подполковник.

Познакомились, поговорили. Политрук получил свидетельство: он назначен начальником воинского эшелона, с которым на фронт следуют бойцы пополнения.

— Все вопросы окончательно решите с начальником гарнизона и военным комиссаром. Не забывайте, для фронта опоздание даже на один час имеет значение.

И Васильеву повезло. Один из врачей возражал против его выписки, но главврач махнул рукой.

— Пусть едет со своим командиром. Он крепкий парень.

Начальник гарнизона выделил на каждые два вагона по одному сопровождающему и зенитчиков. В военкомате получили списки бойцов пополнения. В основном это были выписавшиеся из госпиталей — 1500 человек.

2 Начальник сборного пункта подал команду: «Вольно!». Представил политрука Мирзояна как начальника эшелона.

— Почти каждый из вас видел врага, сражался против него, — начал Арам. — Мы снова отправляемся на фронт. Будем достойными защитниками нашей Родины! Враг все еще силен, он рвется к Москве, в сердце нашей страны. Защитим родную Москву, не позволим врагу топтать ее улицы и площади!

В четком строю потянулись бойцы к железнодорожному вокзалу. Уже три месяца принимала Уфа санитарные поезда, как родная мать, смотрела за ранеными воинами. И вот полторы тысячи солдат, возвращенных заботливыми руками медиков в строй, шагают по главной улице. Решительные, мужественные лица. Четкий шаг.

Давно вокзал Уфы не видал такого скопления людей. Женщины, девушки вручают солдатам цветы. Слезы расставания с близкими, добрые пожелания. И у всех провожающих одна мысль, подчиняющая все остальное: беспощадно истребляйте врага, возвращайтесь домой с победой!

Поезд тронулся. Медленно уплывает на восток приземистое здание вокзала, могучая круча, на которой просторно раскинулась Уфа. Колеса поезда мерно загремели по мосту через Белую.

Арам устало опустился на жесткую полку вагона. Матвея он назначил командиром противовоздушной обороны эшелона.

— До опасной зоны еще далеко, но пора думать, как нам без потерь добраться до фронта.

— Уже думаю, Арам, — ответил тот.

Поезд быстро шел на запад, не останавливаясь на станциях, зеленые огоньки которых мелькали через каждые двадцать-тридцать минут. Все спали.

Перед рассветом Арам толкнул товарища:

— Пора тебе, уже прошли Куйбышев. Здесь надо посматривать на небо.

— Я сейчас.

Часовые из вагона в вагон передали приказ. Зенитчики поднялись на крыши. Из окон вагонов устремились вверх дула пулеметов.

День прошел спокойно. Поезд мчался вперед. Стемнело. Спустился с крыши Матвей, оставив там своего помощника со сменой зенитчиков. Вместе поужинали.

В полночь поезд остановился. К командирскому вагону подошел военный комендант станции.

— Бомбежки не было?

— Все в порядке, товарищ майор.

— Прошедший шестью часами раньше эшелон основательно пострадал. Есть убитые и раненые. Здесь надо быть начеку и ночью.

— Долго будем стоять?

— Нет, сменим паровоз и тронетесь. Ничего не нужно?

— Спасибо, всем обеспечены.

— Доброго пути!

Скоро поезд снова заспешил на запад. Сообщение коменданта тяжело подействовало на Арама. Быть в

ответе за полторы тысячи жизней, когда не видишь врага и не знаешь, в какой момент он может совершить нападение, — это хуже, чем на фронте. Всю ночь он провел с зенитчиками на крышах вагонов. Только на рассвете спустился в свой вагон.

Пасмурное утро наступило не сразу. Васильев протер глаза.

— Отлично выспался,— сказал он, умывшись.— Теперь можно и поесть.

Арам отказался от завтрака.

— Ну, мне пора на верхотуру, — Матвей ловко поднялся по железной лестнице на крышу вагона.

Арам опустился на скамью. Глаза невольно закрылись, задремал.

— Товарищ политрук, стучат сверху.

Встряхнув головой, вскочил. Снова стук. Быстро поднялся на крышу. Увидел прорвавшуюся сквозь тучи девятку бомбардировщиков. Матвей направлял на них зенитный пулемет. Бомбардировщики нависли над поездом.

— Огонь! — громко крикнул он зенитчикам.

Сразу заработали не только зенитные пулеметы на крышах — застрекотали пулеметы из дверей вагонов, раздались винтовочные залпы.

Оглушительный вой самолетов, непрекращавшиеся трели пулеметов и резкие хлопки винтовочных залпов, взрывы бомб, вздымавшие черные фонтаны земли, — все смешалось с торопливым перестуком колес на стыках рельсов. Дружный огонь не позволил фашистам бомбить прицельно. Вскоре бомбардировщики скрылись.

— Снова прилетят, сволочи, — вытирая пот с лица, крикнул Арам на ухо старшему сержанту Васильеву.

И не ошибся: через полчаса появились истребители.

— Огонь!

Яростно отстреливаясь из зенитного пулемета, Арам увидел, как большая масса земли, поднятая взрывом бомбы на бровке глубокой выемки, накрыла расчет пулемета, где находился сержант Васильев. Матвей и один из пулеметчиков упали. Истребители с воем исчезли. Матвей поднялся, покачиваясь. Тряхнул головой, поднял на ноги и зенитчика. Политрук подбежал к нему.

— Живы?

— Голова трещит.

— Ранен?

— Вроде бы нет.

Зенитчик с посиневшими губами странно дергал ртом, таращил глаза. На его голову вылили ведро воды, привели в чувство. Вместе с выбитым зубом он выплюнул изо рта комья земли.

— Товарищ политрук, разрешите спустить его в вагон, — попросил Васильев.

— Я пойду с ним, а ты становись у первого пулемета.

Крепко ухватив пулеметчика за ремень, Арам повел его к лестнице. А там уже показалась чья-то голова.

— Я помогу, товарищ политрук.

— Держи покрепче за ноги.

Зенитчика уложили. Санинструктор осмотрел его.

— Не ранен. Остальное пройдет через день.

В полдень поезд остановился на крупной станции. Арам спрыгнул на междупутье. Старшие по вагонам один за другим доложили: убитых и раненых нет. Подошедший вскоре военный комендант станции поздравил Арама.

— Видно, хорошо оборонялись?
— Было, товарищ майор! Но они могут снова напасть.
— Не исключено, — ответил он и отвел политрука в сторону. — Недалеко отсюда большой аэродром. Вас прикроют истребители. Но и сами поглядывайте.
На станции недолго держали поезд. И снова он заспешил вперед. Арам понимал, что стремительный бег эшелона — не случайность: фронту требовались резервы.
— Слышишь? — поднял палец Матвей, вглядываясь в темные тучи, закрывшие весь горизонт. — Опять летят.
Арам до боли в глазах вглядывался в тучи, но пока ничего не видел. Зенитчики приготовились к бою. Двери вагонов снова ощетинились дулами пулеметов и винтовок.
Из-за туч вынырнула тройка краснозвездных истребителей.
— Отставить! — крикнул Арам, подавая рукой знак. — Отставить! Наши.
От вагона к вагону наблюдатели продублировали команду.
Тройка истребителей барражировала над поездом, удаляясь вслед за ним на запад. Потом ее сменило другое звено истребителей. Так в сопровождении воздушного эскорта и ехали до вечера.
— Провести бы спокойно эту ночь, а завтра в полдень мы будем на станции выгрузки, — сказал Арам за ужином.
— Ночью к нам трудней подступиться. Днем хуже, — ответил Матвей. — Впрочем, завтра, вероятно, тоже будет прикрытие с воздуха.

Небо разукрасилось синими звездами.

Люди в вагонах уже давно спали, когда политрук Мирзоян поднялся на крыши к зенитчикам. Его встретил холод, пронизывающий ветер. Чувствовалось дыхание наступившей осени. Обойдя зенитные установки, он спустился в вагон, завернулся в плащ-палатку и заснул.

Ноябрьское утро было хмурым. Над эшелоном снова барражировали наши истребители. День прошел спокойно. К вечеру показалась станция выгрузки.

— Дошли благополучно! — воскликнул Арам. — Здесь скажем спасибо железнодорожникам и покинем вагоны.

3

Командир дивизии генерал-майор Панфилов крепко пожал руку Арама.

— Мы вас ждали завтра утром. Что, крепко досталось?

— Несколько атак отбили, товарищ генерал, убитых и раненых нет.

— Молодцы! Командуйте построение.

Вагоны быстро опустели. В дивизию Панфилова отобрали тысяча триста бойцов. Прямо на месте Матвей Васильев получил взвод.

— Вы, товарищ политрук, и сопровождающие можете возвращаться в резерв фронта.

— Я, товарищ генерал, с Уфой никакого дела не имею. Прошу не посылать меня в резерв фронта.

Командир дивизии направил на Арама лучик фонаря.

— Воевали?

— Так точно. С Бреста занимался разведкой. Моим учителем был замечательный офицер майор Белов.

Командир дивизии сказал что-то стоявшему рядом офицеру.

— Есть в строю пулеметчики? — обратился офицер к бойцам пополнения.

— Я!

— Я!

— Товарищ политрук, займитесь вашими людьми, — приказал он Араму.

Едва командир дивизии сел в машину, как к Араму подошел Матвей.

— Мы получили команду ночевать в лесу. Километра четыре отсюда. А ты?

— Я тоже направляюсь со своими пулеметчиками туда. Не повезло нам, брат. Наверное, придется расстаться.

— За какую это вину? Утром дивизионное начальство будет распределять по полкам. Попытай судьбу! Я перейду в твою роту.

Матвей не ошибся. Рано утром снова прибыл командир дивизии, за ним офицеры штабов полков. Тысяча триста бойцов построились на большой лесной поляне.

Прозвучала команда: «Смирно!». Три офицера торжественно вынесли знамя дивизии. Генерал обратился к солдатам и офицерам с краткой речью: несмотря на тяжелые потери, противник продолжает наступление. На фронте напряженное положение.

— Клянемся грудью защитить нашу столицу Москву! Смерть немецким захватчикам!..

На всю жизнь запомнил Арам ту минуту, когда он подошел к командиру дивизии и получил гвардейский значок. Он опустился на колено перед знаменем, склонил голову и поцеловал его край. Затем поднялся и, чеканя шаг, встал в строй.

Арам с трудом сдерживал волнение. Рота, в состав которой входил и взвод Матвея, пришлась ему по душе. Все — бывалые воины.

Офицер штаба дивизии, худощавый капитан, доложил генералу: подразделения готовы к отправке.

Раздалась команда — по машинам. Поднимая облака снега, колонна двинулась вперед...

4

Утром Арама вызвали в штаб полка. Командир полка сразу приступил к делу.

— Товарищ гвардии политрук, подойдите к карте. Видите, позади вашей роты расположена деревня. Она имеет для нас важное тактическое значение. Надо обязательно удержать ее. А против деревни стоит вражеский батальон. Батальон против роты — трудновато, но отступать дальше нельзя — до Москвы уже недалеко.

— Будем драться до последнего, товарищ подполковник!

В роту возвращались с сержантом Дурдиевым. Моросил дождь.

— Осень уже, — вздохнул сержант, — у нас осенью теплее.

— Из Ташкента?

— Нет, из Ферганы. Здесь уже старожил — больше недели.

Туманное утро наступило без единого выстрела. В сопровождении Дурдиева Арам осмотрел участок обороны роты. В траншее встретил Васильева.

— Не нравится мне эта тишина, — заметил Матвей.

— Да, коварная тишина. Три дня ни одного выстрела, — подтвердил Дурдиев.

— Вы были в деревне, сержант? — спросил Арам.

— Был.

— Жители там есть?
— Немного. Старики, женщины да дети.
— Сходим с вами туда. На всякий случай наметим тыловой рубеж обороны.
Дурдиев вывел политрука на тропинку.
— Отсюда до деревни совсем близко.
Молча зашагали по редкому лесу.
Из деревни Арам вернулся мрачный.
— Что случилось? — спросил сержант Васильев.
— Вчера фашисты захватили Ростов.
Обманчивым было молчание врага. Правее шоссе Москва—Минск. Едва забрезжило на следующий день, началась артиллерийская подготовка — шквал огня обрушился на оборону дивизии. На оборону роты Мирзояна двинулись танки. За ними густой цепью бежали автоматчики.
Артиллеристы дивизии встретили танки сокрушительным огнем. Один за другим останавливались они дымными кострами. Пулеметчики своим огнем отсекли автоматчиков от танков. Фашисты залегли, неся большие потери. Вражеская атака захлебнулась, танки откатились назад. Но через час началась новая атака.
Кровопролитный бой продолжался до самого вечера, пока сумерки не поглотили закатные лучи солнца.
На краю леса похоронили погибших бойцов. Усталый, с почерневшим лицом командир батальона подошел к политруку Мирзояну.
— Ваша задача остается прежней — удержать деревню.
Четыре дня продолжался штурм. Пулеметчики, поддержанные артиллеристами, выстояли. Затишье наступило вместе с ночью — темной, холодной, навевавшей тревогу.
Арам вызвал Дурдиева.

— Сержант, надо сходить за «языком». Пойдете со старшим сержантом Васильевым.

— Есть, товарищ гвардии политрук!

На опушке леса Арам попрощался с Хаджи Дурдиевым и Матвеем.

— Вспомни, Матвей, лето: главное — действовать без лишнего шума.

Фронтовая жизнь... Каждый вечер с наступлением затишья взвиваются в небо ракеты, санитары отправляют в тыл раненых, в окопах оживают люди. Курят, грустят, делятся друг с другом сокровенными мыслями.

И этой ночью, когда Арам с нетерпением дожидался разведчиков, кто-то едва слышно запел проникновенным голосом. Арам впервые слышал эту песню:

Ты вернешься,
Ты вернешься,
Мой герой...

Часы казались вечностью. Таинственная тишина напоминала туман, который стелется по ущельям. Холодно. Арам завернулся в плащ-палатку. Рядом с ним в траншее притулился молоденький связной. Мысль заметалась. Будто дятел стучит по вискам. Голова опустилась на колени.

— Воды!

Связной протянул ему фляжку. Выпил несколько глотков. В это время раздался окрик наблюдателя. Арам вскочил на ноги.

— Васильев?

— Мы.

— Ну как?

— Порядок!

Пленного спустили в траншею.

— У, душу вымотал,— устало вздохнул Матвей.— Шел себе смирненько и вдруг грохнулся на землю и ни с места. Пришлось немного помять ему бока. Дурдиев его тащил.

Вошли в блиндаж. Пленному развязали руки, вытащили изо рта кляп.

— Встать! — по-немецки приказал Арам.

Помятый, заляпанный грязью немец испуганно вскочил на ноги.

— Садитесь,— и по-русски добавил: — Дайте ему воды.

— Пей, фриц, успокоишься...

Арам решил накоротке провести допрос, после этого отправить пленного в штаб полка.

Рыжий немец оказался на редкость словоохотливым.

— Завтра утром наша дивизия получит новое пополнение. Наши потери ужасны. Только сегодня похоронили сорок человек из одной роты. А попробуй не пойти в атаку, сразу получишь пулю в затылок...

Арам позвонил командиру батальона.

— Пленного?

— Слушаю. Сейчас.

Положил трубку.

На командном пункте полка Мирзоян доложил, представил протокол допроса.

— Вы говорите по-немецки?

— Да.

Командир полка прочел протокол, позвонил командиру дивизии.

— Важные сведения, товарищ генерал. Взят на участке обороны роты политрука Мирзояна. Слушаюсь.

Пленного увели в штаб дивизии.

5 Кровопролитные бои продолжались. Немцы оставили на подступах к участку обороны полка и особенно перед ротой Мирзояна десятки подбитых танков и сотни трупов. Над лесом уже больше недели бушевали бураны.

Командир батальона пришел в роту с молодым лейтенантом, только что прибывшим из училища.

— Товарищ Мирзоян, — приказал он, — сдайте роту и приступайте к исполнению своих непосредственных обязанностей политрука.

Лейтенант быстро оценил обстановку. Бойцы роты приняли его сдержанно. Вернувшись в блиндаж после обхода участка обороны роты, он сказал:

— Товарищ политрук, без вас я ни шагу, вашу руку!

В тот же день пулеметчики отбили новые яростные атаки противника. Боем руководил политрук. Лейтенант, немного растерявшийся, зорко следил за действиями Мирзояна.

— Ничего! — успокоил тот командира роты. — Со всеми в первый раз так бывает.

— Я вам очень признателен, товарищ политрук. Если бы не вы...

Комроты постепенно освоился. Он смелее вел себя в бою, не терялся во время бомбежек и когда на позиции роты шли танки. Не стеснялся спрашивать мнение политрука, прежде чем отдать приказание.

Насторожило внезапно наступившее затишье.

— Слушайте, лейтенант, как вы думаете? — спросил Мирзоян.

— Вы имеете в виду притащить «языка»?

— Без разведки мы слепы. А тут что-то подозрительно — такая тишина после бури. Давайте доложим командиру батальона.

— Товарищ капитан, — говорил по телефону лейтенант комбату, — мы решили... Не возражаете? Слушаюсь.

Ночь прошла спокойно. Перед рассветом политрук разбудил сержанта Дурдиева. Вскоре они вышли из блиндажа.

Лес поредел, точно по нему пролетел ураган, сваливший много деревьев. Шуршала пожухлая листва под снегом. Пристально осматриваясь по сторонам, Арам и Хаджи медленно приближались к обороне врага.

— Давай подойдем с правого фланга.

— Как прикажете.

Притих старый лес. Внезапно он вздрогнул от пулеметной очереди.

— Оплошали, — бросаясь на землю, прошептал Арам. — Засекли.

— Едва ли. Они боятся леса, вот и лупят как шальные, — ответил сержант.

Арам заметил перебегавшего от дерева к дереву здоровенного фашиста. Держа наготове автомат, тот озирался по сторонам. Вот он снова открыл огонь. Из-за деревьев показались еще десяток немцев. Двое из них на небольшой поляне начали устанавливать миномет. Вскоре мины полетели к обороне роты. Стреляя из автоматов и ручных пулеметов, немцы стали продвигаться вперед.

— Хаджи, приготовиться, — прошептал Арам.

— Есть!

«Трудно нам придется, — подумал Арам. — Винтовка и три гранаты у Дурдиева, у меня немецкий автомат, пять гранат и пистолет. Маловато! А отходить уже поздно».

Прошивая лес пулями, немцы приближались. Политрук не отрывал глаз от рослого и широкоплечего фашиста. Судя по всему, он командовал действиями этой группы.

— Дурдиев, огонь!

Немцы были застигнуты врасплох. Двое из них сразу упали, третий схватился за живот и, истошно вопя, закружил на месте. Бросив миномет, двое метнулись к деревьям.

— Пока они не пришли в себя, поменяем место, — скомандовал Арам. — Экономить патроны!

Огонь долго не стихал. Разведчики не отвечали. Наконец, из-за дерева выглянул фашист. Осмотрелся. Остальные тоже, озираясь, вышли из-за деревьев. Они были совсем рядом — всего лишь в нескольких шагах. Арам, лежа, швырнул гранату. Дурдиев за ним.

Еще двое фашистов упали, третий судорожно прикрыл окровавленными руками лицо.

Куда же делись остальные? Араму показалось, что рядом хрустнула ветка, в предрассветной мгле между деревьями с левой стороны мелькнула тень. Уткнулся в снег Дурдиев.

— Что с тобой?

— Голова... В глазах темнеет...

Арам не успел бросить гранату. Из-за дерева блеснул огонь. Обожгло руку. Вскинув автомат, он почти в упор свалил немца.

Сержант не шевелился. В лесу наступила тишина. Здоровой рукой Мирзоян перевязал рану. Подполз к Дурдиеву. Ощупал спину, ноги. С трудом повернул на бок, расстегнул пуговицы. Дурдиев тяжело застонал. Крови не видно. Понял: его оглушило взрывом. Поднес к губам фляжку с водой. Дурдиев открыл глаза. Обессиленный политрук лег рядом.

— Товарищ политрук...

— Можешь перевязать руку? Кровь что-то не унимается.

Над лесом завывала вьюга. Поползли вперед. У опушки леса замаскировались в густом кустарнике. Во мгле пасмурного утра впереди — в трех-четырех километрах — показалась железнодорожная станция. К вечеру туда прибыл эшелон. Через полчаса он опустел.

— Теперь можно возвращаться, — шепнул политрук, когда стемнело. — Пошли...

Вернулись глубокой ночью. Поддерживая друг друга, ввалились в блиндаж. Лейтенант с ужасом смотрел на них.

— Я легко ранен, окажите помощь политруку, — сказал сержант.

Арам жадно приник к фляжке с водой.

— Я отвезу вас в медсанбат, товарищ политрук.

— Не надо, соедините меня с командиром батальона.

— Политрук вернулся, товарищ капитан, — доложил командир роты. — Ранен. Кажется, тяжело. Он сам хочет поговорить с вами. Передаю трубку.

— Товарищ капитан, докладываю: в районе обороны нашего батальона обнаружено передвижение подразделений противника, на станции сгружены танки, думаю, не больше батальона и около восьмисот солдат. Уничтожена группа разведчиков, с которой вступили в бой. Сержант Дурдиев тоже ранен. Я тяжело? Нет! Руку задело. Лишь бы пальцы остались целы. Рана в боку незначительная.

— Отведите Дурдиева в полковой медпункт, — приказал санитару, — я сам приду.

Попытался подняться — и закачался.

Санитар и старший сержант Васильев подхватили обессилевшего Арама.

Вскоре в блиндаже появился командир батальона.

— В машину политрука! — не выслушав Арама, приказал капитан. — Она здесь недалеко в лесу, связной покажет...

Вьюга продолжалась. Рано утром фашисты снова бросились в атаку. Командир взвода старший сержант Васильев, стрелявший из пулемета, схватился за грудь и, скользя по стене траншеи, медленно свалился к ногам второго номера пулеметного расчета...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Осмотрев в медсанбате раны политрука Мирзояна, хирург скомандовал:

— Немедленно на операцию.

В операционной Арама уложили на стол.

— Наркоз!

— Не надо, доктор, не впервые, выдержу, — попросил Арам.

Каждый раз, когда врач касался раны, Арам стискивал зубы. Хирург изредка поглядывал сквозь очки на побледневшее, покрытое капельками пота, лицо политрука. Крепко сжав губы, он не издал ни звука.

Обработав и забинтовав рану на боку, хирург принялся за руку.

Операция длилась долго. Наконец, он устало произнес:

— Все. Пальцы останутся целы. Держался молодцом! Можно отправлять в госпиталь.

Ночью в полевом госпитале политруку стало хуже.

— Температура — сорок,.. — доложила дежурному врачу сестра.

Потерявший сознание раненый начал бредить, выкрикивал какие-то непонятные слова.

Под утро в этот же госпиталь доставили старшего сержанта Васильева. Полуживой, с закрытыми глазами, он снова лежал на операционном столе. Когда закончили перевязку, хирург сказал:

— Совсем свежие раны. Наверное, недавно выписали из госпиталя. А теперь снова, да еще тяжело.

Матвея поместили в палату безнадежных. Почти ежедневно отсюда выносили покойников.

Вечером вошел врач. Осмотрел раненого и приказал санитарам:

— Перенести в другую палату!

Эта история быстро разнеслась по всем палатам. Дошла она и до Дурдиева.

— Ребята, о ком речь? — поинтересовался он.

— Сказали, что командир взвода, гвардии старший сержант.

— Его, случайно, не Матвеем зовут?

— Не знаю. Фамилию слышал — Васильев.

— Это он, наш старший сержант!

В этот день в палате, где уложили Васильева, побывали многие раненые.

Только Арам не знал, какая беда стряслась с его другом.

2 Суровая в том году выдалась зима. Уже в середине октября она распростерла свои белые крылья над лесами, реками, городами и селами. Подмосковный лес, где в мирные времена резвились детишки, превратился в огромный военный госпиталь. В эти дни весь мир с тревогой и надеждой следил за роковым сражением.

Может, то была судьба — политрук Арам и его друг Матвей Васильев снова вместе оказались в госпитале.

Арам сильно похудел — кожа да кости. Врачи утверждали, что дела его идут на поправку. Когда Хаджи на костылях пришел навестить его, он с трудом узнал Арама.

— Это вы, товарищ политрук?

— Дурдиев, друг?..

Обнялись.

— А знаете...

— Ты его своими глазами видел?

— Сначала решил вот зайти к вам.

— Надо было с него начать! Пошли к нему. Врач разрешил потихонечку ходить. Только предупредил, чтобы я остерегался простуды.

Старший лейтенант интендантской службы, к которому обратился Арам, пожал плечами.

— Трудное это дело. Постойте, постойте, я недавно прочел статью, там, кажется, написано про вас. И фотография помещена.

— Какую статью?

«Двое против одиннадцати». Здорово написано. Вы политрук?

— Гвардии политрук.

— Вот так встреча! Ну, раз такое дело, выкладывайте фамилию, имя, отчество, звание и возраст вашего друга, я сам посмотрю списки.

Арам продиктовал. Старший лейтенант ушел. Вскоре он вернулся.

— Ваш друг находится здесь, но пешком вы не доберетесь: видите, какой снег. Что-нибудь придумаем! Подождите десяток минут.

— А теперь рассказывай: как здоровье? — спросил Арам.

— Да вроде ничего, товарищ гвардии политрук. Чуть было ноги не лишился. Но пронесло.

— Рана закрылась?

— Нет, зато боли прошли. А вы как?

— С рукой ничего, пальцы целы. Неделю назад еще раз покопались в ране в боку. Болит.

Снова появился старший лейтенант.

— Все отлично, товарищи! — возбужденно сказал он. — Сейчас будут сани. А это пропуск. Там можете и пообедать со своим другом. Я распоряжусь.

Старший лейтенант усадил раненых в сани, заботливо прикрыл шубами.

— Поехали в пятое отделение! — приказал он солдату.

— Далеко? — спросил Хаджи.

— Через десять минут доедем.

Крепкий мороз. Снег.

— Слыхали, что на фронте творится?

— Да, по радио.

— Наши перешли в контрнаступление! Гонят фашистов от Москвы! А вернее — хоронят их в подмосковной земле.

Приветливый старший лейтенант довез раненых до пятого отделения. Сестра проводила их в палату. Матвей Васильев спал.

— Сейчас ему лучше, иногда выводим немного погулять. Рентген показал, что осколков в груди нет.

...Арам сильно похудел — кожа да кости... Когда Хаджа на костылях пришел навестить его, он с трудом узнал Арама...

Так что резать его больше не будут. Вы кем ему будете?

— Братом.

— Шутите! — засмеялась сестра. — Сразу видно, что вы не русский.

Матвей словно во сне услышал голос Арама. Открыл глаза, пристально посмотрел на стоявших у его изголовья людей.

Сестра помогла ему сесть.

— Никак привидения? Вот это здорово, — задыхаясь от волнения, произнес старший сержант. — Бывает же такое!

Друзья крепко расцеловались.

— Спасибо вот старшему лейтенанту, доставил нас к тебе, иначе не добрались бы, — сказал Хаджи.

— Не слишком большой труд, — ответил тот. — Когда прислать за вами сани?

— Если можно, прошу через два часа. Просто чудо, что отыскали друг друга, поэтому хотелось бы побыть вместе.

— Сделаю, товарищ гвардии политрук, не беспокойтесь.

Друзья остались втроем.

— Ну как ты, братец? — спросил Арам.

— На этот раз был на волосок от смерти. Грудь изрешетили, тринадцать осколков вытащили.

— Ничего, до свадьбы заживет! Скоро опять будем воевать.

— Да я от вас ни шагу! Как только узнаю, что кого-то из вас выписали, ноги в руки — и улизну.

— Вот этого не надо делать!

— Вы бы видели, — рассказывал Васильев, — как командир батальона загрустил, когда отправил вас в госпиталь. Никогда я не видел его таким расстроен-

ным. Знаете, как мы фрицам всыпали? Пополнение, выгружавшееся на станции, до линии обороны не дошло! Командир полка сказал, что это благодаря вам.

Вместе пообедали.

— Кто здесь гвардии политрук? — заглянув в дверь, спросил кто-то.

— Я, а что случилось?

— Сани прибыли за вами.

Товарищи простились с Матвеем.

3

Декабрьская ночь белым вихрем пронеслась над лесом. Стояли трескучие морозы. У закрытого окна палаты застыл политрук Мирзоян. Может, он прислушивался к завыванию ветра или к глухим стонам леса?

Арам не почувствовал, как к нему подошел Дурдиев.

— Товарищ гвардии политрук!..

Постояли вместе. Затем сержант отошел от окна, присел на койку. Арам уже заметно окреп, с руки сняли повязку, заживала рана в боку.

Совинформбюро ежедневно передавало о кровопролитных боях на обширном советско-германском фронте. И среди раненых эти сообщения всегда были главной темой жарких дебатов.

Никогда солдат не становится таким искусным стратегом, как в то время, когда он находится в госпитале. И все здесь благоприятствует этому: свободного времени — больше чем достаточно; географическую карту хотя бы мельчайшего масштаба, на которой еле видимая надпись у кружочка одного областного центра едва не задевает такую же микроскопическую надпись у кружочка другого крупного города, всегда можно найти. Ну, а моральное право для оценок поло-

жения на фронте и для прогнозов, конечно, имелось — сами только недавно выбыли из строя, да и то ненадолго, снова готовятся вернуться туда же.

Положение на фронтах зимой 1942 года оставалось еще тяжелым. Вражеские полчища продолжали блокировать Ленинград, засели в мощных укреплениях на дальних подступах к Москве, готовились наступать на юге, штурмовали Севастополь. Но и Красная Армия была уже не той, которая встретила первый день войны. Возросла ее сила, она научилась громить врага, сорвала его планы «молниеносной войны», развеяла в прах миф о непобедимости.

Арам мучительно переносил вынужденное бездействие. Прислушиваясь к завыванию бури, к глухим стонам леса, он думал об одном: еще не все сделал, чтобы выполнить свой долг перед Родиной. Суровые испытания выпали на долю человека, не встретившего еще свою двадцатую весну. Но такие же испытания обрушились на плечи всего народа. Да, он уже дважды обагрил своей кровью землю на полях сражений, но и таких уже миллионы. Миллионы и тех, кто, упав на землю или в глубокий снег, уже не смогли подняться. Ему же повезло: он снова на ногах. Враг еще не сломлен. И надо сделать все, чтобы поставить его на колени, чтобы запросил он, проклятый, пощады!

— Дурдиев, где ты, брат, весь день пропадал? — очнувшись от раздумий, спросил Арам.

— Митинговал все.

— Где?

— Э, товарищ политрук, отстали вы! Во всех палатах проходят митинги: выздоравливающие требуют от госпитального начальства немедленной отправки на фронт. Я тоже пошумел на нескольких митингах и записался добровольцем.

— Молодец! А наш уговор помнишь?

— Как можно забыть, товарищ политрук!

Эту ночь они просидели до рассвета.

— Ну, послушаем сводку Совинформбюро и ляжем спать, — предложил Дурдиев.

Проснулись и другие.

Прозвучали родные сердцу позывные, раздался баритон Левитана:

— Передаем сводку Советского информбюро...

Застыли на койках раненые.

— На всем советско-германском фронте наши войска продолжали вести тяжелые бои...

— Вот что, братцы, — возбужденно заговорил Арам, — мы дали фашистам по морде под Москвой, отбросили их от столицы. Сейчас фашисты снова готовятся к наступлению. Я и мои два товарища, Васильев и Дурдиев, записываемся добровольцами и будем требовать немедленно отправить нас на фронт.

— И я!

— И я!..

Долго не могли успокоиться раненые. Наконец затихли, бесповоротно решив сразу после завтрака предъявить командованию госпиталя самые жесткие требования: не позднее чем через день-два отправить всех на фронт. А будет оно, командование, волынить, — написать самому Верховному.

— Коллективка в армии запрещена, — резюмировал Арам, — но такой рапорт Верховному подпишем все — нарушим раз в жизни требования Устава.

4

Белый вихрь, пронесшийся над лесом, постепенно затихал.

Комиссар госпиталя рано утром вызвал к себе политрука Мирзояна.

— Вчера я слушал, как вы проводили политинформацию в своем отделении. Понимаю ваше стремление на фронт. Я доложил куда следует. Не сегодня-завтра здесь будут представители командования. Вот списки выздоравливающих. Каждый из них отметил против своей фамилии воинскую специальность. Врачи тоже сделали свои пометки. Вот видите: этот может отправиться на фронт, а этот еще нуждается в лечении. Завтра все выздоравливающие пройдут медицинскую комиссию. А пока прошу разъяснить им, чтобы они не шумели: кому еще рано — того не можем отправить на фронт.

Трое офицеров появились в госпитале в полдень. Отобранные ими солдаты и офицеры были отличными воинами. Многие из них пулеметчики и артиллеристы.

— После того, как вас выпишут из госпиталя, товарищ гвардии политрук, вы все отправитесь в Люберцы. Там вас недолго продержат.

Одно огорчало Арама: против фамилии старшего сержанта Васильева стоял крестик, означавший, что он все еще нуждается в лечении. Что делать? Поговорить с комиссаром? А если тот откажет? Решил предупредить Матвея. По его просьбе сержанта позвали к телефону.

— Здорово, Терентьевич! Что делаешь? Готовишься? А знаешь, это не так уж легко. Хаджи у тебя? Когда пришел? Так вот, Терентьевич, поговори с лечащим врачом. Тебя не хотят отпускать.

Вечером Дурдиев сказал Араму:

— Васильев поднял шум. Врач обещал направить его на комиссию.

— Да, придется, наверное, расстаться с Матвеем, — вздохнул Арам.

— Нет, он что-то придумал...

— Что же?

Хаджи заговорщицки зашептал политруку на ухо.

— Но ведь это подлог!

— Кто станет спрашивать, товарищ политрук? Проскочит...

Комиссия заседала с утра до поздней ночи. Когда Матвей показал на своей карте печать и подписи членов комиссии, Дурдиев хитро улыбнулся.

— Отличный малый этот Саша, тоже в грудь ранен.

— Какой Саша?

— Да тот, из Воронежа. Взял мою карту и вошел, когда мой лечащий врач отлучился из медкомиссии.

— Ну, Матвей, за обман наказать могут!

— Не накажут, товарищ гвардии политрук. Не в тыл рвусь, а на фронт.

В палате Арама царило радостное оживление: семеро выздоравливающих из десяти собирались на фронт.

Совершенно неожиданной и радостной была встреча в Люберцах со многими офицерами родной дивизии: они формировали там новую дивизию. Некоторые из них тоже только недавно прибыли из госпиталей.

Встретился там и с командиром роты, вместе с которым были под Волоколамском.

— Читал о вас в газете, — сказал тот. — Здорово написано! А где ваша Красная Звезда?

— Времени не было, не вручили еще. Если не ошибаюсь, она у меня вторая.

— Скажите, а как тот узбек?..

— Хаджи Дурдиев? Он в нашей роте. Могу обрадовать вас: и командир первого взвода Матвей Васильев здесь.

Матвей Васильев не знал, как и отблагодарить младшего сержанта Александра Машкина, досрочно вызволившего его из госпиталя. В своем взводе он назначил его командиром отделения.

— Позовите-ка сюда Сашу Машкина, — приказал Арам Васильеву.

— Сейчас.

— И Дурдиеву скажите, что я здесь.

Через несколько минут прибыл воронежец.

— Младший сержант, вы знаете, что совершили обман?

Машкин молчал.

— Нельзя так! У нас, армян, такая поговорка: «Тот, кто украдет яйцо, украдет и коня».

— Этого больше не будет, товарищ гвардии политрук. Просто хотел помочь товарищу выбраться из госпиталя.

...В морозную февральскую ночь 1942 года эшелоны дивизии тронулись из подмосковного города.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Эшелоны двигались лишь в ночное время. Днем они отстаивались на железнодорожных ветках, проложенных в лесных массивах. Как только они прибывали на стоянку, зенитчики занимали свои места на крышах вагонов.

Чем ближе подходили к линии фронта, тем труднее становилось

движение поездов. Воздушные налеты не прекращались.

В пути стало ясно, что дивизия направляется в донские степи. Там снова назревали крупные события, которые могли оказать заметное влияние на весь советско-германский фронт.

И вот снова окопы, траншеи... На рассвете в роте Мирзояна появился командир полка.

— Гвардии политрук, мне ваше лицо что-то знакомо. Где это мы с вами встречались?

— Если не ошибаюсь, товарищ гвардии майор, в Бресте.

— В первый день войны! Теперь помню. Рад, что мы снова встретились. Тогда нам пришлось туго, воевали только винтовками и пулеметами, но урон врагу нанесли немалый. Да и окружение прорвали умело. А мой друг недавно рассказывал мне о вас.

Арам не понял — какой друг и почему он его знает?

— Владимир Ефимович. Вы знаете, где он сейчас?

— Не знаю. Когда я лежал в госпитале в Уфе, он мне прислал письмо. В тот же день ответил ему, но на этом переписка прервалась.

— Он жив и здоров. Большими делами занят. Завтра вы встретитесь с ним.

— С майором Беловым? — не поверил Арам.

— Вы говорите по старому стилю, — засмеялся командир полка. — Он уже давно подполковник.

Приятным человеком оказался командир полка. Арам признался ему, что впервые будет воевать в степях.

— Ничего, научитесь. До леса недалеко. А в лесах наши.

— Партизаны?

— Да. Большая это сила.

На вражеских позициях тишина. Рота надежно окопалась в покрытых снегом кустарниках.

Едва рассвело, в небе загудели «юнкерсы».

— Черт, много их, — воскликнул Дурдиев.

В ту же минуту загрохотала артиллерия противника. Вслед за тем появились танки. Прикрываемые ураганным артиллерийским огнем, они быстро шли вперед. За танками густо чернели цепи пехоты.

— Бронебойщикам — по танкам, пулеметчикам — отсечь вражескую пехоту! — раздался властный голос Арама.

Мощный огонь пулеметчиков, противотанковых пушек и ружей внес смятение в ряды противника. Арам, прильнув к новенькому противотанковому ружью, хладнокровно целился в один из головных танков. Раздался выстрел.

— Горит, товарищ политрук! Это вы его подбили! — закричал молодой солдат...

— Кладбище танков! — немногословно оценил командир полка действия роты политрука Мирзояна, когда к вечеру бой затих.

Стемнело. Арам вызвал к себе командиров взводов и отделений.

— Завтра, — раскрывая карту, сказал он, — предстоит не менее кровопролитный бой. Вероятнее всего, немцы снова попробуют прорваться вперед. И надо понимать, что отступать нам некуда. Не только удержать этот рубеж обороны, но и самим наносить контрудары! Так должен думать каждый солдат.

Обсудив все детали предстоявшего боя, разошлись по своим местам.

— Старший сержант Васильев, останьтесь на минутку.

— Есть!

— Матвей, — продолжал Арам, когда все вышли из землянки, — ты знаешь, наш майор сейчас важными делами занят. Завтра мы с ним встретимся.

— Извините, товарищ политрук, вам это не приснилось?

— Нет, дорогой, командир нашего полка сказал. Искали мы его, искали, а он сам объявился.

— Интересно, не забыл ли он нас?

— Помнишь полевой госпиталь? По-моему такие люди не забывают товарищей по фронту.

— Помню, конечно, помню.

Вскоре Матвей ушел.

Связной заботливо укрыл политрука, погасил коптилку. Арам долго не мог заснуть. Снова и снова он проверял себя: все ли сделано для успеха завтрашнего боя. Наконец он заснул.

2

На заре, упредив вражеское наступление, загрохотала наша артиллерия. Над обороной фашистов поднялись фонтаны снега и земли. В небе гудели десятки наших самолетов. Как из-под земли, сбросив маскировку, появились танки. За ними лавиной хлынули стрелковые подразделения.

Не выдержав удара, фашисты отступили.

Рота Арама под вечер вступила в деревню. Немало ее бойцов было ранено. Рядового Машкина оглушило взрывной волной, он начал заикаться.

Когда его вытащили из-под земли, он сказал:

— Останусь в с-с-трою, п-п-ройдет!

— Ты же плохо держишься на ногах! — убеждали его.

— Нничего нне случилось, я ммогу даже ппобежать...

Политрук приказал оставить его в роте.

— Спа-а-асибо!..

Вскоре в деревню прибыл командир полка.

— Гвардии старший лейтенант Мирзоян, передайте бойцам вашей роты мою благодарность! И довольно вам командовать ротой в звании политрука. Так решило командование.

Стоявший рядом с Дурдиевым Васильев подтолкнул его локтем.

— Поздравляю вас, — продолжал командир полка. — И представьте рапорт о присвоении командиру взвода старшему сержанту Васильеву звания младшего лейтенанта.

Дурдиев носком сапога крепко придавил ногу Васильева.

Командир полка, уточнив боевую задачу роты на завтра, уехал.

— Товарищ гвардии старший лейтенант, разрешите поздравить! — сказал Матвей.

— И мне! — поддержал Дурдиев.

Друзья один за другим крепко обняли и поцеловали Арама. Он поблагодарил друзей, вышел их провожать.

— Идите отдыхать, завтра тоже трудный день.

Вернувшись в избу, Арам позвал писаря. Тоненький высокий писарь представился.

— Садитесь, дело есть.

Писарь почувствовал, что командир роты очень взволнован.

— Вы мне перескажите мысль, а я напишу.

— Целую неделю служим вместе, а я даже вашего имени не знаю. Вы русский?

Писарь улыбнулся.

— Я и сам не знаю, какой я национальности. Прадед был украинцем, коренной киевлянин, прабабка —

донская казачка, дед — русский, бабка — эстонка, мать — русская, отец — поляк.

— Русский, наверное.

— Так и пишу, только ни имя у меня не русское, ни фамилия. Гейно Ясинский. Грустно звучит, не правда ли?

— Давайте, Гейно!

Подправив в нескольких местах, Арам попросил зачитать рапорт вслух.

— Ну как?

— С такой аттестацией Васильеву непременно присвоят звание младшего лейтенанта...

Занялся студеный зимний день. Фашистская артиллерия открыла ураганный огонь. Гитлеровцы продолжали рваться вперед, не считаясь с огромными потерями. В подразделениях дивизии набатным призывом прозвучал приказ: «Ни шагу назад!»

В роте Мирзояна, наскоро закрепившейся на окраине деревни, спешили закончить подготовку к отражению вражеской атаки.

И вот небо загудело от зловещего воя пикирующих бомбардировщиков и истребителей. Арам уже не раз, найдя опору для противотанкового ружья, открывал огонь по самолетам. Сегодня пришла удача: с первого выстрела круживший над ротой «мессершмитт» с пылающим хвостом полетел вниз. Раздался взрыв.

— Готов! Вот это да! — воскликнул Матвей.

Появились вражеские танки. Снова небо наполнилось нарастающим воем «юнкерсов».

За танками в атаку бросилась пехота. И снова, усеяв поле горевшими танками и трупами, фашисты отхлынули назад. В контратаку поднялись наши подразделения...

Усталый, обессиленный Арам свалился на топчан в избушке только что освобожденной от врага деревни.

— Кто здесь? — очнулся он через несколько минут.

— Это я, Васильев.

— Докладывайте!

У Матвея тревожно сжалось сердце: за день тринадцать погибших. Много потеряно людей с начала боев на этом направлении. Тридцать убитых...

— Что же сделаешь, Матвей? — уговаривал Арам. — Такие бои не бывают без больших жертв.

Ночью Арама внезапно вызвали к командиру полка. Оставив за себя Васильева, он отправился вслед за связным.

— Тут недалеко, товарищ гвардии старший лейтенант, — успокаивал тот. — Напрямик доведу вас мигом.

3 Через час «виллис» с погашенными фарами спешил на командный пункт дивизии.

— Не знаю зачем, — объяснил командир полка, — но приказано быстрее доставить тебя к командиру дивизии. Даже «виллис» прислали для этого.

А еще через полчаса он уже был на командном пункте дивизии.

Дежурный офицер указал ему на дверь:

— Вас ждут в горнице, заходите.

Арам вошел в комнату. Из-за стола навстречу ему поднялся подполковник Белов.

— По вашему приказанию, — начал было Арам...

— Здравствуй, дорогой! — воскликнул Белов. — А где твои товарищи Матвей Васильев, Хаджи Дурдиев, Нико Баградзе, Матис Берман?

— Васильев и Дурдиев со мной в роте. От остальных никаких вестей.

Офицеры обнялись, как близкие, не видевшие друг друга целую вечность.

— Садись! Здесь тебя очень хвалят. Рад за тебя! И за Матвея Васильева. — И став сразу суровым добавил: — У нас еще много дел впереди. И очень трудных. Скажи откровенно, здоровье нормальное?

Арам вскочил на ноги, вытянулся.

— Так точно, товарищ гвардии подполковник.

— Можешь отвечать сидя. Случайно, не владеешь румынским?

— Нет.

— Да, плоховато, брат, получается.

— Если нужно...

— Здесь у нас есть один паренек, неплохо знает этот язык. Вот что, в роту больше не вернешься — дело есть. И весьма важное. За десять дней надо вызубрить ходовые фразы, общеупотребительные слова по-румынски.

Вызвал щуплого старшину.

— Это тот самый парень. Не тратьте время даром. Через десять дней прибыть ко мне с докладом.

Для Арама начались скучные дни. Студент последнего курса московского института иностранных языков оказался въедливым человеком. С утра он диктовал два-три десятка слов по-румынски и общеупотребительные фразы из этих слов. Арам записывал их армянскими буквами. После этого получал два-три часа на заучивание. И потом учитель начинал говорить, используя эти слова и комбинируя их по-разному в предложении, только по-румынски.

Не раз Арам доходил до того, что готов был послать своего учителя ко всем чертям. Но тот, оставаясь невозмутимым, только иногда спрашивал:

— Сказать подполковнику, что ничего не получается?

Арам скрипел зубами и снова начинал зубрежку.

Через неделю Белов встретился с учителем Арама.

— Ну как?

— Очень способный и трудолюбивый офицер. С завтрашнего дня по два часа будет проводить на аэродроме.

Начальник разведки остался доволен ответом.

— Продолжайте занятия!

Арам проклинал все на свете. Шли напряженные бои, а он зубрил какие-то румынские слова. «Черт меня попутал, дать согласие подполковнику», — возмущался он. И продолжал учить румынский с рассвета до полуночи. На десятый день вместе с учителем представился Белову. Вялый, осунувшийся.

— Садитесь и побеседуйте друг с другом по-румынски, — приказал подполковник.

Беседа длилась полчаса.

— Старшина, вы свободны, — объявил Белов. — Благодарю за выполнение приказания!

Остались вдвоем. Подполковник заливисто рассмеялся.

— Арам Шамирович, отчего у вас такое траурное лицо? — И продолжал уже строго: — С этой минуты вы румын, сын хозяина огромной фирмы. Ваш отец снабжает гитлеровскую армию теплой одеждой. Вы — его единственный сын. Военный летчик. По поручению фирмы папаши... Понимаете? Жаль, что на подготовку нет больше времени.

Начальник разведки дивизии развернул карту, показал на треугольник, вычерченный красным карандашом.

— Скажите, а как у вас обстоят дела с парашютом?

— Вроде бы нормально.

Арама научили обращаться с парашютом еще в полковой школе. Вначале он боялся прыгать с башни. Но пересилил себя и раз десять прыгнул. Потом прыгал с самолета, принял участие в групповых прыжках. А с учителем румынского языка несколько раз был на фронтовом аэродроме и тоже бросался с самолета в воздушную пропасть.

— Ну и хорошо! Теперь приступим к делу. Видите этот треугольник?.. Георгис Григореску, готовьтесь предстать перед генералом Гофманом. Это — приказ командования армии, а может быть, и фронта.

Приготовления длились недолго. Начальник разведки заранее позаботился обо всем. Документы — комар носа не подточит. В саквояже — банковские чеки, письмо от друга отца, фотография любимого папочки, две книги в золоченых переплетах, французские духи, несессер, фотографии кинозвезд, плитки шоколада, французский коньяк, тонкое женское белье с ажурными кружевами, чулки...

— Завтра встретимся в это же время. С вами будет говорить мой заместитель. Я провожу вас.

Вместе сели в машину.

— Самое главное — не выдать себя. Будьте предельно вежливы и спокойны. Говорите по-немецки. Для румына вы знаете его отлично. Дайте понять, что поздно начали изучать этот «божественный язык», на котором говорит сам фюрер. Смело вставляйте и румынские слова. Дайте взятку или пообещайте ее.

А наша связная быстро найдет вас. Вы встретитесь с ней в первый же день, попросите воды. Скажете только два слова: «Вода чистая?» Когда все будет кончено, передайте через связную документы, а сами сядете на поезд и...

«Кукурузник» был готов к взлету. Подполковник в последний раз напутствовал своего ученика.

— Штаб генерала Гофмана — это тот гордиев узел, который надо непременно распутать. Его связи и отношения с высшим командованием заставляют нас о многом поразмыслить... Он и теперь наносит нам чувствительные удары...

Февральская стужа хозяйничала на аэродроме. Подполковник протянул руку обер-лейтенанту румынской армии.

Обнялись.

Самолет поднялся в воздух и исчез в снежной пелене. Единственный пассажир внимательно вглядывался в проплывавший внизу лес.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Летчик подал сигнал. Арам поднялся. Закрыв глаза, он прыгнул в ночную бездну.

Толчок, открывается парашют. Начал спускаться. Вот и лес, треск сучьев. Стропы запутались в ветках сосны. Повис. Двумя руками крепко обхватил ствол. Выта-

щил нож, обрубил стропы. Сердце тревожно сжалось: куда пойдешь в такую темень?

Отныне он хозяин своей судьбы, от него одного зависит успех дела. Вспомнил каждое слово Белова. Да, Гофман один из крупных волков свастики Этот хитрый и расчетливый гитлеровец победоносно вошел в Париж, прошелся по всей Европе. Когда фюрер отправляется на фронт, нередко останавливается в штабе Гофмана. Подполковник многое рассказал об этом звере...

Откуда начальник разведки знает такие подробности о фашистском сатрапе? Может, дело не дойдет до самого Гофмана и румыном займется его бывший адъютант, который занимает высокую должность начальника штаба?

Тревожные мысли охватили Мирзояна. Связную зовут Татьяна. Но он не должен называть ее по имени. «Вода чистая?». Татьяна ответит ему лишь во второй раз...

Невидимые нити Белова уже протянулись к девушке: теперь она ходит к колодцу за водой четыре раза в день...

Было еще темно и туманно, когда Арам, пробираясь от дерева к дереву, подошел к замерзшей реке. Что это, неужели он сбился с пути? Арам услышал четкие шаги часового. Секунды показались вечностью, туман стал еще гуще. Наконец, шаги стихли. Положил в карман немецкий пистолет. Решил подойти ближе. А если это западня? Нет, надо дождаться рассвета. Взглянул на часы. До рассвета всего час. До смерти — один шаг.

В белом маскировочном халате, Арам присел под деревом, затем лег. Даже в двух шагах ничего не видно. А шаги часового стихли. Пополз обратно к ле-

су, весь превратившись в слух. Высчитал — между ним и часовым 300 шагов. Только бы не встретиться с другим!

Онемевшая от тишины деревня уже близко. Переполз скованную толстым льдом речку. Теперь, даже если его схватят, не страшно. Кто может сказать, что он вышел из леса? Быстро свернул маскировочный халат, захоронил под снегом...

Подошел к дому на площади. Дремавший часовой, притулившись к углу, вытянулся перед обер-лейтенантом.

— Хайль, — выбросил офицер вперед руку.

Медленно направился к штабу. Светало.

Дежурный офицер изумленно переглянулся с телефонистами. Румынский обер-лейтенант спокойно представил документы.

— Хорошо, подождите.

Георгис Григореску растянулся в кресле и закрыл глаза.

— Эти румыны не в своем уме, — с баварским выговором произнес веснушчатый лейтенант. — Ни наступать не умеют, ни обороняться. Ну вот, спросить бы его, что он здесь потерял?

— Ты хочешь сказать, Курт, — вмешался длиннолицый обер-лейтенант, — что они ни на что не горазды?

— Видать, этот обер-лейтенант — важная птица. И здорово набрался на станции: не успел сесть, а уже храпит.

— Это, Курт, нас не касается.

Арам притворившись спящим, легко всхрапнул.

— Настоящее животное.

— Летчик, обер-лейтенант несуществующей армии!

Немцы загоготали.

В коридоре раздались шаги. Появился Отто Штульц с усиками под Гитлера на злом лице. Он едва ответил на приветствие дежурного офицера и его помощника.

— Сейчас я вас обрадую, — подмигнул Штульцу обер-лейтенант и взял со стола документы «румына». — Курт, не спускайте с него глаз.

— Да он спит как мертвый.

Штульц вышел. Вскоре зазвенел телефон.

— Привести? Слушаюсь!

Веснушчатый лейтенант положил трубку, привел в порядок одежду, подошел к спящему.

— Эй, господин офицер!

Арам медленно открыл глаза.

— К начальнику штаба!

— Пришел уже?

— Ждет вас, — осклабился немец.

— Хорошо, пошли.

Узколобый полковник, сжав губы, выслушал румынского офицера.

— Я не понимаю вас, обер-лейтенант, вы военный или представитель фирмы? Кто вам позволил приехать сюда?

— Я не очень хорошо владею вашим божественным языком, герр полковник, но попытаюсь объяснить.

— Слушаю вас.

— Во всем виноват мой отец. Он, как вам известно, снабжает вашу армию теплой одеждой. Месяц назад сбили мой самолет, и мне лишь чудом удалось спастись. Выбросился с парашютом. Если бы у меня не было разрешения, я, конечно, не смог бы сюда добраться.

Штульц пристально посмотрел на собеседника.

— У вашего отца есть компаньоны?

— Фирма принадлежит только нам. Вот вам письмо.

Когда-то Отто Штульц неплохо знал начальника штаба Бухарестского гарнизона Эриха фон Алерса. Вместе окончили военную школу. Не очень состоятельный, но услужливый и исполнительный, Эрих быстро пошел в гору. В последний раз он встретился с ним в Дюссельдорфе, на похоронах однокашника по университету. Когда гроб опускали в могилу, Эрих поднес к глазам платок. Хотя усопший и не был военным, но в честь присутствовавшего здесь капитана Алерса оркестр исполнил марш «Был у меня друг».

Письмо было очень приветливым. Прожигающий в Бухаресте жизнь, Эрих фон Алерс вспоминал в письме те веселые вечера, которые они провели вместе. И между прочим, писал, чтобы Отто не выпускал из рук эту выгодную сделку. «Дело в том, что отец Георгиса дрожит над сыном. И очень хочет пристроить его на работу в тылу. Я бы сам устроил здесь это дело, но хозяин фирмы боится. Для тебя назначить этого парня комендантом в каком-либо из занятых нами городов — пара пустяков. Мой друг, хозяин фирмы, отблагодарит тебя...»

Штульц поднял голову. Георгис Григореску все еще стоял.

— Вы знакомы с полковником Эрихом фон Алерсом?

— Видел два раза.

— Где?

— У нас дома. Герр полковник — друг моего отца.

— Он писал об этом. Когда вы должны явиться в вашу часть?

Георгис показал отпускное свидетельство.

— Осталось четыре дня. Можете вовремя добраться.

— Это зависит от вас, герр полковник.

— А вернуться хотите?

Обер-лейтенант помедлил с ответом, пожав плечами.

— Как видно, у вас очень добрый отец, и он понимает дух времени.

— Так точно, герр полковник! Позвольте показать карточку.

— О, он совсем не старый.

— Отец просил, чтобы я заключил с вами договор, прежде чем вернусь в часть.

— Присаживайтесь, обер-лейтенант. Ваш отец имеет дело с берлинским банком?

— Половина его капитала помещена в центральный берлинский банк. И еще приличная сумма, выделенная мне на личные расходы. Отец у меня добрый, и никогда не спрашивает, куда я деваю эти деньги.

— Я понимаю его. Единственное желание, чтобы единственный сын вернулся домой живым и невредимым?

— Да.

— Хорошо. Вы, наверное, устали с дороги? Идите, отдохните. Встретимся позднее.

Георгис поднялся, вытянул руку вперед.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

В сопровождении штабного лейтенанта Георгис вышел из кабинета Штульца.

Недалеко от штаба находилась крытая соломой изба. Лейтенант ногой толкнул дверь.

— Эй, есть кто-нибудь?

Кто-то шевельнулся на печке.

— Что вам? — задребезжал старческий голос.
— Герр обер-лейтенант будет здесь жить, — на ломаном русском проговорил лейтенант. — Чтобы было тепло! Понимайт?
Старик молчал.
— Отдыхайте, господин обер-лейтенант. Через час завтрак.
Георгис растянулся на узеньком топчане. С печки на него изумленно глядели два глаза.
— Кто это? — спросил «румын» старика по-русски.
— Внучка. Десятый годок ей.
— Знаете, папаша, я румын. Ничего плохого вам не сделаю. Будьте спокойны.
Положив руки под голову, Арам в задумчивости уставился в потолок. В мыслях, как в калейдоскопе, вихрем мчалось пережитое. Лоб покрылся испариной, когда вспомнил, как переползал речку. Малейшая оплошность — и очередь из автомата прошила бы его. «А маскировочный халат? — подумал он. — Придет весна, растает снег и его найдут. А что если этот старик, хозяин избы, агент гестапо? Дед и внучка. Куда подевались остальные члены семьи?.. Связную зовут Таней, но ее нельзя называть по имени... Почему Штульц не спросил, каким он прибыл поездом, и кто мне показал, где находится штаб?» Мысли путались. Взглянул на часы — пора завтракать. Встал, вышел из избы.
Офицеры штаба дивизии Гофмана уже заняли свои места. На столиках холодные закуски, хлеб, шнапс. Официантки подавали горячее.
— Вот ваше место, — указала одна из них «румыну»...
Утро было ясным и морозным. Арам решил прогуляться. На улице изредка встречались солдаты. Ка-

кой-то лейтенант отдал честь. Старуха в больших валенках, шедшая от колодца, сердито отвернулась в сторону. Не поверил глазам: с коромыслом на плечах, в теплом пуховом платке и полушубке от колодца навстречу ему шла девушка. А если это не она? Нет, по описанию подходит. Поравнялись друг с другом... Девушка, не глядя на него, хотела уже пройти, когда офицер остановил ее.

— Это вода чистая? — спросил он по-русски.

Девушка вскинула на него глаза.

— Это вода чистая? — повторил Арам.

— Чистая. Через две-три минуты поверните обратно, — узнаете, где я живу.

Не оглядываясь, девушка пошла по дороге.

Арам, насвистывая, направился к штабу. Дежурный офицер сообщил, что в 12 часов его ждет полковник Штульц. Арам не знал, как скоротать время. Вернулся в избу. Девочка подметала пол.

— Здравствуй, малыш!

— Здравствуйте.

— Я тебе не мешаю? Я только возьму из чемоданчика кое-что.

Арам пристально взглянул на девочку. Какая печаль застыла в этих огромных, синих, как небо, глазах?

— А где твоя мама?

— Погибла во время бомбежки.

Арам вздохнул.

— А отец?

Девочка пристально посмотрела на него.

— Не знаю. Наверное, воюет. Но я ничего не знаю.

— Ты не думай, что я тебя допрашиваю. Я просто так спросил.

Арам взял необходимое, просмотрел все и вышел. В двенадцать он вошел в штаб.

Штульц принял его с любезной улыбкой.

— Я принял решение, господин обер-лейтенант. Мы с вами заключим контракт и, мне кажется, с большой выгодой для вашего отца.

«Румын» вскочил на ноги, выкинул руку вперед.

— Хайль Гитлер!

Начальник штаба вздрогнул от неожиданного выкрика.

— Хайль! — вяло ответил он, проклиная про себя легкомысленного румына. Но сделка сулила ему солидный барыш, поэтому он продолжал любезно:

— Во имя нашей деловой дружбы я представлю вас генералу. Надеюсь, что все переговоры буду вести я. Мы живем в тяжелые времена, и моя дружба вам понадобится. Скажите, если я вас отправлю в Берлин, вы сможете совершить там небольшую банковскую операцию?

Георгис улыбнулся.

— Я давно мечтаю побывать в Берлине. Но, мне кажется, в этом нет надобности, герр полковник.

— Почему? — насторожился Штульц.

Обер-лейтенант достал из кармана френча чековую книжку, на которой начальник штаба увидел название хорошо знакомого ему банка.

— Двадцать тысяч марок для начала вас устроят?

В бесцветных глазах Штульца появились искорки, выдававшие его жадность.

— Послушайте, Григореску, мне кажется, вам незачем возвращаться в вашу часть. После подписания контракта, с помощью дорогого нашему фюреру Гофмана, мы назначим вас...

— Вы очень добры, герр полковник! Я признателен вам.

Георгис выписал чек на двадцать тысяч марок, подписался и протянул Штульцу.

— Пошлите вашей фрау, и она тотчас же получит эти деньги.

— Хорошо, мой друг, — Штульц положил чек в сейф. — А теперь — к генералу.

Арам остался в коридоре. Начальник штаба уверенно вошел в кабинет генерала. Через четверть часа и его пригласили. Арам увидел пожилого человека с острым костлявым лицом. На его груди висели два «рыцарских креста».

— Мы очень обязаны вашему отцу, — скрипучим голосом произнес он. — Теплая одежда, которую поставляет ваша фирма, совершенно необходима в этой ужасной России. Полагаю, недалек тот день, когда ваш отец получит награду из рук самого фюрера. Отныне вы переходите в распоряжение полковника. Готовьте контракт на тридцать тысяч комплектов теплой одежды. О вашей дальнейшей службе мы подумаем...

Арам понял, что прием окончен. Отдав честь, он вышел в коридор. Там дождался Штульца. Вместе вошли в его кабинет.

— В знак доброго начала, господин обер-лейтенант, я угощу вас французским коньяком. Вы любите коньяк?

— Дома у нас пьют только французский коньяк.

— Я так и знал, — засмеялся Штульц.

Он приказал дежурному офицеру никого не впускать.

На маленьком столике в углу появилась бутылка коньяка и два хрустальных бокала. Штульц наполнил бокалы.

— Я сказал генералу, что мы с вами друзья. Вы неделю побудете у нас, после чего получите назначение в одну из частей в тылу. Вам нравится работа коменданта?

— Я вам очень признателен! Сегодня же напишу отцу, что для моего спасения необходимы сто пятьдесят тысяч марок. Уверен, что не пройдет и недели, как старик переведет эту сумму.

— Вы очень щедры. За нашу дружбу!

Штульц подошел к сейфу, достал оттуда зеленую книжечку.

— Вот вам пропуск в штаб. Контракт составит Фриц Зидерман. Не забудьте сегодня же написать отцу: и о деле, и о вашей дальнейшей службе, — многозначительно подчеркнул полковник.

— Не забуду, герр полковник, — щелкнул каблуками Арам...

Не успел Мирзоян представиться в отделе тыла штаба капитану, как к тому вошел высокий полковник, удивительно похожий на Геббельса. Капитан представил гостя.

— Я уже слышал о вас, господин Григореску. Как у вас в Бухаресте? Все спокойно?

— Как вам сказать? В доме отца бывают только крупные фабриканты да банкиры. Девиз у них один — победа великой Германии и ее союзников. А вообще-то я пробыл в столице совсем мало времени, многое не знаю.

— Слышал о фирме вашего отца. А из какой вы части?

Арам протянул ему удостоверение.

— О, знаю. Прославленная часть. Вы были ранены?

— В первый месяц войны.

— Ну, что ж, рад был познакомиться.

Арам не спросил капитана, кто был этот полковник, когда тот ушел. Понял, что им интересуется гестапо. Но капитан спросил сам:

— Вы знаете полковника?

— Нет, я ведь здесь первый день.

— Суровый человек. Все замечает, ничего от него не ускользнет. Даже иголку в стогу сена отыщет. Сам фюрер собственноручно вручил ему «железный крест». В тот же день он отметил высокую награду — тридцать семь партизан на тот свет отправил.

— Заслуженный офицер!

— Я не буду скрывать: партизаны совсем рядом с нами — в ближайшем лесу. Здесь мы не можем держать много войск. Партизаны знают это и нападают оттуда, откуда их совсем не ожидают.

— Вот потому и нужно, чтобы в армии фюрера были такие заслуженные офицеры, как этот полковник.

— Да, но при всем этом, нам не легко, даже очень трудно, — вздохнул капитан.

Арам почувствовал страшную усталось. Попросил капитана отложить разговор о контракте на послеобеденное время.

— Не возражаю, — ответил капитан. — Идите отдыхайте... Может, подхватите подружку? Их здесь много. Надо только решительность проявить.

Арам направился к избе.

На другой день после завтрака капитан из отдела тыла предложил:

— Продолжим подготовку контракта в полдень?

— Согласен, — ответил Арам.

2 Нервы Арама были напряжены до предела. В его распоряжении оставалось всего лишь два дня. Как проникнуть в кабинет генерала? Этот вопрос не давал покоя.

После обеда Арам отправился в штаб Часовой остановил. Показал ему пропуск, назвал пароль.

— Идите.

У двери кабинета генерала также стоял часовой. Он сурово взглянул на Арама. Тот прошел мимо него, вошел к капитану из отдела тыла.

— А, это вы? Не ожидал вас. Присаживайтесь, я сейчас закончу неотложные дела.

Арам молча опустился в кресло.

— Можете курить, герр обер-лейтенант.

— Я не курю.

— И не пьете?

— Немного.

— У вашего отца большая фирма?

— Большая. Но почему у отца? У нас с ним одинаковые права.

— Завидую вам. После войны вы преспокойно будете проматывать свои миллионы. А нашему брату всучат жалкую пенсию — если еще дадут! И живи на эти гроши. Страшно завидую тем, кто находится на передовой. Займут приличный населенный пункт — и забирай все, что душе угодно. Приятель у меня, обер-лейтенант, знаете, сколько добра отправил своей фрау? Сто сорок колец, ожерелья, золотые зубы, ковры. Вы даже представить себе не можете! А мы давно уже в тылу, ждем, когда нам что-нибудь подкинут. Но присылают жалкие крохи.

— Скажите, герр капитан, у вас в Берлине есть банковский счет?

— Что вы, — засмеялся капитан, — откуда он у меня может быть? А почему вас это интересует?

— Я мог бы из моих денег, находящихся в берлинском банке, выделить вам небольшую сумму.

— А наличными они не могут заплатить? — глаза капитана загорелись.

— И это можно, — Арам достал из кармана френча чековую книжку. — Закройте, пожалуйста, дверь.

Капитан выглянул в коридор и крикнул часовому:

— Ко мне никого не впускать!

— Я вижу, вы добрый человек, — продолжал Арам. — Между нами говоря, у меня осталось там всего тринадцать тысяч — на карманные расходы. Но отец на днях перечислит туда еще пару сотен тысяч марок. На первое время вам девять тысяч хватит?

У капитана заблестели глаза.

— Вы это серьезно?

— Вручаю вам от всего сердца, — сказал Арам и передал капитану заполненный чек. — Дай бог, с вашей помощью устроюсь комендантом какого-либо города, тогда в вашем распоряжении будет по крайней мере в четыре раза больше этой суммы.

— Я сделаю все, что от меня зависит, герр обер-лейтенант! Вас непременно назначат комендантом города. Между нами говоря, генерал меня любит, я очень предан ему. Уверен, он удовлетворит мою просьбу. Кстати, завтра мы отмечаем день рождения его единственной дочки. Весьма сожалею, что не могу вас пригласить.

— Не огорчайтесь! На торжестве, вероятно, будут все офицеры штаба?

— Конечно! В такой день генерала просто не узнать. Веселится, как лейтенант, ни к чему не придирается.

Арам встал.
— Заболтались мы с вами, извините. Спокойной ночи!
— Что вы, мне было очень приятно поговорить с вами. Двери моего кабинета для вас всегда открыты.

3 Новость очень обрадовала Арама — завтра вечером все будут на празднике! Он вошел в избу, быстро разделся, улегся спать. Лежа на топчане, долго думал о завтрашнем дне...
В тот же вечер начальник гестапо требовал соединить его с Бухарестом.
— Плохая слышимость, — глухо кричал кто-то в трубку телефона.
— Болван! Немедленно соединить, иначе завтра тебе башку оторвут.
Далеко за́ полночь полковник вновь связался с Бухарестом и услышал голос своего коллеги.
Разговор был долгим.
— Владелец фирмы в Берлине, — сообщал тот.
— А когда вернется? Прощупайте семью. Авиапочтой выслал вам фотокарточки сына. Как только получите, покажите их матери. И немедленно сообщите мне о результатах...
Утром метель стихла. Арам вышел на улицу. Было тихо, слышался очень отдаленный гул орудий.
В офицерской столовой было шумно и оживленно.
— Жалко, красотки Гретхен здесь не будет.
— Она очень любит своего отца. Сегодня мы в ее честь зажжем двадцать свечей!
После завтрака Арам зашел к капитану.
— Вы поговорите сегодня с генералом?
— Сегодня не смогу — ему не до этого. Сами понимаете — праздник.

Арам распрощался и пошел к полковнику Штульцу еще раз убедиться в том, что праздник дня рождения дочери генерала состоится.

Штульц принял его с улыбкой.

— Скучаете? — спросил тот.

— Немного, господин полковник.

— Потерпите! — назидательно произнес Штульц. — Мы с вами подписали очень крупную сделку. Она должна быть завизирована в штабе главного командования в Берлине. Через два-три дня контракт вернется.

— Да я понимаю, что без этого нельзя. Безделье тяготит, а так все хорошо. Ваши офицеры — симпатичные люди, о противнике и не слыхать — чего лучше для отдыха!

— Наша дивизия послезавтра возвращается на линию обороны: переходим в новое наступление! Посмотрите на этот город, — Штульц ткнул пальцем в черный кружок. — Он будет наш! Не так-то уж далеко от Москвы.

В кабинет вошел угрюмый полковник.

— А, вы здесь, обер-лейтенант? Завтра в полдень у меня разговор с Бухарестом. Хотели бы вы услышать голос вашего отца?

— Буду очень рад, господин полковник, если позволите!

— Значит, решено! Заходите завтра в полдень...

Когда полковник вышел, Штульц сердито проворчал:

— Всюду свой нос сует. Как друга, предупреждаю вас, при этом человеке держите язык за зубами. Знаете, кто он?

— Нет.

— Так будьте осторожны. Он следит за вами.

— Мне нечего бояться.

— Вы молоды, обер-лейтенант. Многого еще не знаете. Он и обо мне постарается выудить у вас компрометирующие данные. Пожалуйтесь при случае на меня, скажите, что я хотел вас арестовать.

— Будьте спокойны, господин полковник, я понял. Вы и в самом деле хотели арестовать меня. Это подтвердят дежурный офицер и его помощник.

— Да, да. И ни слова о нашей дружбе!..

Время, когда Арам должен был выполнить важное задание или погибнуть, ничего не достигнув, приближалось с невероятной быстротой. Сохраняя личину беспечности и беззаботности, он непрерывно и мучительно думал, как забраться в заветное место, где под надежным запором лежат бесценные документы, так необходимые нашему командованию. Он, не раз подвергавшийся смертельной опасности на фронте, не боялся гибели. Но на фронте он сам беспощадно истреблял ненавистного врага, и пролитая им кровь дорого оплачена гитлеровцами. Там он действовал в открытую: автоматом, гранатой, ножом, руками, наконец, мог задушить проклятую фашистскую гадину.

Здесь — все иначе. Улыбаться и произносить любезности офицерам штаба Гофмана — этим мерзким бандитам, с которыми надо бы говорить только языком оружия. Садиться с ними за один обеденный стол, даже поднимать рюмку вина в честь их бесноватого фюрера, в честь их побед, сгорая от ненависти ко всей этой сволочи. И при всем этом — еще не знать, не иметь полной уверенности в том, что задание будет выполнено...

На обед в столовую Арам вошел, как всегда, беспечный и веселый. Обед тоже был праздничным: в честь дня рождения дочери генерал даже меню обеда

составил сам. Но все явно спешили. Чувствовалось, что главное торжество будет вечером в этом же зале столовой, поэтому офицеры обедали быстрее обычного и уходили. Предстоявший вечерний бал был главной темой разговоров офицеров.

Вернувшись в свою избу, Арам лег спать. Но сон долго не приходил: мучали все те же думы. На крыльях мысли он долетел до Байдара. Услышал голос матери, почувствовал прикосновение ее нежных пальцев на лбу. Мать что-то тихо напевала ему, только он никак не мог разобрать слова песни. Веки отяжелели, и он заснул.

4

Была уже полночь, когда Арам проснулся. Взглянул на стрелки часов и начал быстро одеваться. Вышел на улицу.

В непроницаемой темноте огромными хлопьями кружил снег. Из дома, где находилась офицерская столовая, доносились пьяные выкрики, песни. Чувствовалось, что веселье было в разгаре.

Из-за угла дома штаба Арам неслышно подкрался к часовому. Закутавшись в шубу, тот прислонился к перилам крыльца, не в силах прогнать дремоту.

Огромный кулак Мирзояна обрушился на голову часового. Не вскрикнув, тот мешком свалился на снег. Арам надежно связал его, засунул ему в рот кляп. Взял автомат и осторожно нажал на дверь. Она открылась без скрипа. Вошел в коридор штаба. Затаив дыхание, прижался к стене.

Где же второй часовой? С трудом разглядел в темноте — тот притулился в широком кресле у двери кабинета генерала, поставив автомат на пол, мерно посапывал. Два удара кулаком — и солдат тихо сполз

на пол. Быстро связал его веревкой, засунул в рот кляп.

Взглянул на часы: до смены часовых оставалось полтора часа. Плечом нажал на дверь кабинета генерала, придерживая ее за ручку. Хрустнул сломавшийся замок, дверь открылась.

Подошел к сейфу, вынул связку ключей из кармана. Попробовал один ключ, другой, третий — дверь не открывалась.

Отчаяние охватило Арама. Попробовал последний ключ — шестой. И — радость! Замок щелкнул, дверь открылась. Вот и портфель генерала.

Вынув портфель, закрыл сейф. Зашел в кабинет Штульца, взял его кожаную папку, оперативную карту, сложил все это в портфель. Зацепил его за ремень под шинелью, вышел в коридор.

Спустя четверть часа он встретился со связной Татьяной в условленном месте.

— Во что бы то ни стало портфель доставить в партизанский отряд. Там знают, что с ним делать.

С трудом добрался до избы. Туда еще доносились пьяные выкрики и музыка из офицерской столовой. Продолжавшийся густой снегопад надежно стирал следы с тропинок...

Беспокойные мысли метались в голове офицера. Он долго не мог заснуть.

Внезапно на улице раздались выстрелы, крики: «Партизанен... Партизанен...»

Стрельба и крики в деревне не прекращались до рассвета. Арам оделся, быстро прошел к штабу. Капитан с мертвенно бледным лицом коротко объяснил ему:

— Партизаны напали на штаб, похитили секретные документы. У генерала сердечный приступ.

...Отчаяние охватило Арама. Попробовал последний ключ — шестой. И — радость! Замок щелкнул, дверь открылась. Вот и портфель генерала...

Появившиеся откуда-то гаубицы обстреливали лес.

Арам прошел к Штульцу.

— Что я слышал, господин полковник? Какое несчастье!

— Большое несчастье, обер-лейтенант. Часовые до сих пор почти невменяемые. Только один может говорить.

— И что же он говорит?

— Много их было, партизан.

Начальник гестапо не показывался. Два его офицера внимательно осматривали тропинку, которая вела к избе, где остановился румын. Вошли в избу.

— Где обер-лейтенант?— спросил один из них.

— Давно уже ушел в штаб, — ответил дед.

— А ночью где был?

— Пришел рано вечером, пил какие-то лекарства — вон они на столе. Сказал, что сильно разболелась голова, всю ночь стонал во сне. Мы с внучкой боялись, как бы не случилось что. Хотел бежать в штаб, сообщить вашим, чтобы врача прислали. Да ведь ночью нам нельзя выходить на улицу.

— А он говорит, что в час ночи ходил к женщине, — приятельницу завел здесь.

— Кто?

— Обер-лейтенант.

— Не было этого. С вечера никуда не выходил. Я старый человек, сон у меня, как у курицы, подремлю с полчасика и просыпаюсь.

— Ладно, старик, мы еще поговорим с тобой. И помалкивай, если жизнь не надоела!

Гестаповцы ушли.

Обстрел леса продолжался. Вскоре над ним закружили «юнкерсы». Бомбы вырывали с корнем березы и исполинские сосны.

В полдень Штульц потребовал, чтобы штабисты занялись своим делом. Он заменял генерала, не поднимавшегося с постели.

Арам вернулся в отведенную ему избу перед вечером. В тот же час начальник гестапо зашел к Штульцу.

— Мне нужны документы, представленные румынским обер-лейтенантом, — потребовал он.

Штульц вызвал капитана, готовившего контракт. Получив документы Георгиса Григореску, гестаповец быстро вышел.

— Что это означает? — спросил перепугавшийся капитан.

— Подозрение. Видимо, имеет для этого основания, хотя часовые — они ожили оба — утверждают о нападении большой группы партизан.

Начальник гестапо рвал и метал. Связи с Бухарестом не было. Он решил испытать последнее средство — радио.

— «Майн» вызывает «Люксембург»... «Майн» вызывает «Люксембург»... — выстукивал радист ключом радиотелеграфа.

Наконец, «Люксембург» ответил.

Полковник подошел к радиостанции.

— К аппарату прошу Пикера, — диктовал он радисту, выстукивавшему на ключе.

Неведомый Пикер ответил, что хозяин фирмы Григореску возвращается в Бухарест завтра утром. В 12 часов он навестит его и немедленно пошлет радиограмму.

Ругнувшись про себя в адрес неповоротливых тыловиков, полковник вызвал гестаповцев, которые допрашивали деда.

— Не спускать глаз с румынского обер-лейтенанта! Если он улизнет, вы оба закачаетесь на виселице. Наблюдение вести так, чтобы это никому не бросилось в глаза. А теперь — марш!

Взмахнув вверх руками одновременно с хриплым криком: «Хайль!», офицеры вышли.

«Георгис Григореску, военный летчик, мечтает стать комендантом какого-либо города в тылу, — размышлял в своем кабинете шеф гестапо. — Арестовать? Но это не поможет делу. Портфель, может быть, еще здесь. Только бы выяснить, где он? Иначе и ему, шефу гестапо, несдобровать».

На другой день после обеда Арам вошел в штаб. Контракт был готов. Штульц подписал его и поставил печать.

— Благодарю вас, господин полковник, за контракт. Смею вас заверить, что в долгу не останусь. Завтра отправлюсь в свою часть — время отпуска у меня уже заканчивается. Надеюсь, вы не позабудете свое обещание о моей дальнейшей службе?

Араму совершенно необходимо было встретиться в этот вечер со связной Татьяной, отправившейся с похищенными документами в партизанский отряд. Без этого он не имел права покинуть деревню. А встреча не могла произойти раньше. Он понимал, что с каждым часом его пребывание в деревне становилось все более опасным, но ничего не мог изменить.

Встреча со связной Татьяной была обусловлена поздно вечером на опушке леса в двух километрах от деревни. Поужинав в офицерской столовой и беспечно поболтав с капитаном из отдела тыла, Арам поднялся из-за стола.

— До утра, господин капитан! — распрощался он со своим собеседником. — После завтрака пойду

в штаб, чтобы засвидетельствовать мое уважение полковнику Штульцу и вам и пожелать благополучия и военного счастья. Сожалею, что случившееся в штабе происшествие не позволяет мне устроить прощальный банкет.

— Да, конечно, господин обер-лейтенант, время для этого неподходящее.

— Я надеюсь, что все закончится благополучно, и эти проклятые партизаны не сегодня так завтра будут схвачены с похищенными документами. А банкет организуем, когда с помощью вас и полковника Штульца решится вопрос о моем назначении. Вот тогда и повеселимся на славу!

Арам вышел на улицу. Темнело. Походкой гуляющего человека он направился к своей избе...

5

Начальник гестапо метался, как затравленный зверь в клетке: время шло, а Бухарест молчал, не сообщал таких данных, которые позволили бы ему действовать наверняка. А румынский обер-лейтенант, если он не тот, за кого выдает себя, мог исчезнуть, хотя гестапо и установило за ним слежку. «И тогда — прощай личное благополучие, — с ужасом размышлял шеф гестапо. — В лучшем случае отправят рядовым на фронт, а то и расстреляют. Нет уж, лучше этого румына прикончить, чем рисковать своей головой. А если потом окажется, что он ни в чем не повинен, — черт с ним! За какого-то паршивого румына не накажут».

Приняв решение, полковник вызвал своего заместителя.

— Господин майор, немедленно арестуйте румынского офицера Григореску. Во всех случаях взять живым, а не мертвым. Где он сейчас?

— Полчаса назад вышел из офицерской столовой и направился в отведенный ему дом.

— Возьмите десяток автоматчиков — и сейчас же за дело! Через полчаса жду его здесь. Повторяю, взять живым!

Майор и автоматчики бегом направились к дому, где поместили румынского офицера. Двое гестаповцев, уже второй день пристально следившие за Арамом, находились в засаде, откуда был хорошо виден вход в дом.

— Где находится румынский офицер? — шепотом спросил лейтенанта запыхавшийся майор.

— Полчаса назад вошел в дом, больше не выходил.

— За мной!

Громыхая сапогами по затвердевшему насту тропинки, гестаповцы ринулись к дому...

Войдя в сени избы, Арам прислушался. Судя по тишине, старик и его внучка уже спали. Осторожно закрыв входную дверь на массивный крюк, он подошел к противоположной стене сеней и бесшумно вынул небольшое окно. Выбрался через него наружу и аккуратно поставил раму на место. Закрепить ее с этой стороны было невозможно, но она и без крепления держалась. Правда, порывом ветра ее могло свалить. К счастью, пока было тихо.

Опустившись в неглубокую канаву, шедшую вдоль огорода старика, Арам ползком направился к лесу. За огородами он мог подняться на ноги — в наступившей темноте можно было незаметно добраться до леса. Еще с утра он заметил слежку за собой, поэтому был уверен, что возвращаться в деревню ему не придется. Да и от связной надеялся получить ответ, который позволил бы ему вместе с ней отправиться к партизанам,

где и ждать самолет для возвращения на Большую землю...

Коваными сапогами гестаповцы забарабанили по двери сеней. Майор подбежал к окну, выходившему во двор, и так грохнул кулаком по раме, что оставшиеся в ней стекла зазвенели.

В избе раздался детский вскрик. Перепуганный старик соскользнул с печки, отвернул рядно светомаскировки, прильнул лбом к разрисованному морозными узорами стеклу и крикнул хриплым голосом:

— Хто там?

— Открывай, старый дьяволь! — коверкая русские слова, заревел майор.

Шаркая по полу босыми ногами, старик бросился в сени.

— Да ить там и не заперто, — бормотал он на ходу. — Сичас, сичас, открою...

К удивлению старика, дверь оказалась запертой на крюк. «Должно запамятовал, что румынского гостя еще нет», — подумал он.

Грубо оттолкнув старика в сторону, майор скомандовал автоматчикам:

— Вперед! Только не стрелять.

Карманные фонарики гестаповцев осветили сени и вход в избу. Там никого, кроме забившейся в угол на печке девочки, не оказалось.

— Где ест румынски офицер? — заорал майор.

— Не знаю, господа хорошие, — залепетал старик, — вечером еще не приходил.

— Как не приходиль? Мой офицер видель, как румын входиль в изба! Обискат!

Немцы бросились за печку, открыли лаз в подполье, выбежали в сени. Лучи карманных фонарей заметались по стенам и крыше сеней. Кто-то открыл

дверь во двор и снова сильно захлопнул ее. От сотрясения рама окна упала на пол и звякнула разбившимся стеклом. Один из солдат подбежал к проему окна. Луч его фонаря забегал по чистым сугробам снега и уперся в канаву. Ясно было видно, что по канаве только что кто-то прополз.

— Господин майор, — заорал солдат, — за избой свежий след.

Всей гурьбой немцы выскочили из избы и бросились вдоль канавы, по колено утопая в снегу. Когда они добежали до конца огорода, увидели следы человека, прошедшего здесь совсем недавно. Они вели к лесу...

Едва Арам увидел связную Татьяну на опушке леса, как с двух сторон раздались выстрелы.

— Бегите в лес! — толкнул он девушку. — Я прикрою, пока есть патроны в пистолете.

— Бегите и вы, — ответила девушка. — Вам приказано прибыть в партизанский отряд. Я проведу вас.

— Не медлите! — крикнул Арам. — Я буду отходить по вашему следу.

Девушка скрылась за деревьями. Отстреливаясь из пистолета, Арам перебегал от одного дерева к другому.

— Не убивать, взять живым! — орал майор.

Казалось, со всех сторон летели цепочки ярких трассирующих пуль. Араму сильно обожгло правую ногу. Он понял: ранен, Татьяну теперь не догнать, от погони не уйти. Решил экономно расходовать оставшиеся патроны в обойме пистолета, чтобы фашисты дороже заплатили за его жизнь.

Вдруг сзади на его голову обрушился приклад автомата. Упал. Гестаповцы набросились на него гурьбой, связали, взвалили на плечи и понесли...

Майор доложил шефу гестапо. Арам все еще не приходил в сознание.

— Вызвать врача! — приказал полковник.

— Ничего страшного, — констатировал врач. — Необходимо перевязать рану на ноге. А шок от удара по голове скоро пройдет.

Вскоре врач закончил перевязку. В лицо Араму плеснули стакан воды. Он медленно открыл глаза. На минуту воцарилось молчание. Полковник подал знак, чтобы все вышли. В кабинете, кроме него, остался только очкастый лейтенант с удивительно спокойным лицом.

— Григореску, ваш отец передает вам приветы, — опустившись на стул, произнес полковник. — Он просил передать вам, что через три дня ждет вас в Берлине. Только значительно раньше вы отправитесь на виселицу. А теперь говорите, где вы запрятали портфель с похищенными документами?

Арам молчал. В кабинет полковника вошли Гофман и Штульц. Костлявое лицо генерала было желтым и бескровным. Он рухнул на стул.

— Полковник, — прохрипел он, — вы можете гарантировать, что, если этот мерзавец вернет украденные документы, я сохраню ему жизнь.

— Слушаюсь, мой генерал!

Штульц с окаменевшим лицом подошел к лежавшему на полу Араму.

— Вы слышали, что сказал генерал? Отдайте портфель, и все будет в порядке.

Очкастый лейтенант приподнял Арама и посадил его на стул.

— О каком портфеле вы говорите? Какое я имею отношение к этому делу? Я офицер румынской армии.

— Прекратите эту недостойную игру! — крикнул гестаповец. — Отдайте портфель, и вам будет сохранена жизнь.

— Я повторяю...

Удар кулаком в лицо сбросил Арама на пол.

— Пять минут на размышление, после чего я развяжу тебе язык другими средствами.

— Будьте благоразумны, молодой человек! Вы так молоды, — уговаривал Гофман. — Зачем вам умирать? Во имя чего? Преступление совершено, но я прощаю его вам, если вы вернете похищенное.

— Да, да, да, мы гарантируем вам жизнь, мы не отступимся от своего слова,— подтверждал Штульц.

— Я никакого портфеля не видел. Вчера вечером я лежал больной...

— А почему вы стреляли? Вы уложили трех солдат и лейтенанта. И кто была девушка, скрывшаяся в лесу?

Вкрадчивые слова генерала Гофмана обрадовали Арама. «Значит, Татьяна скрылась, — размышлял он. — Она сообщит нашим, что здесь произошло. И то уже хорошо».

— Ваши солдаты напали на меня — я лишь защищался. Я гулял с девушкой.

— Кончайте этот бред. Где портфель?

— Не знаю.

— Ефрейтора Реймана! — приказал шеф гестапо.

Очкастый лейтенант вышел.

— Ради бога, признайтесь, и вы будете свободны, — почти с мольбой просил Штульц. — Вы и не представляете, что с вами случится, если не признаетесь.

За лейтенантом в кабинет вошел ефрейтор. На лице гестаповца заиграла злобная улыбка.

— Ефрейтор Рейман, у вас врожденный талант. У этого самозванца прекрасная спина. Продемонстрируйте ваше искусство! — и полковник начертил в воздухе свастику и звезду. — Понятно?

— Слушаюсь!

Ефрейтор достал из ножен блестящую финку и подошел к Араму.

Их взгляды встретились. Лейтенант вызвал в кабинет еще одного солдата.

— Помоги художнику, чтобы рисунок на спине этого обер-лейтенанта был верхом совершенства.

Арама мигом раздели.

— Пощадите себя, молодой человек, — загробным голосом проговорил генерал.

Пленник молчал.

— Приступайте!

Ефрейтор приложился финкой к спине Арама и провел глубокую линию. Тот содрогнулся от боли. Полилась кровь.

— Бери глубже! — приказал полковник.

Ефрейтор второй раз провел линию, загнул по краям, и свастика была готова.

Боль стала невыносимой. Арам стиснул зубы, глухо стонал, старался не потерять сознание. Генерал отвернулся, Штульц с ужасом следил за действиями ефрейтора. Только лицо гестаповца оставалось бесстрастным. Ефрейтор и его помощник собирались приступить к новой операции, когда гестаповец предостерегающе поднял руку.

— Остановить кровь!

Очкастый смочил вату в какой-то желтоватой жидкости и провел по спине.

— Ну как, герр Григореску? — издевался шеф гестапо. — Это — всего лишь начало.

— Опомнитесь, юноша! — взмолился генерал.

Арам кусал губы. Ефрейтор снова принялся за дело. Арам потерял сознание. Все погрузилось во мрак...

Очнулся он в темном подвале. На спине словно разожгли костер, кружилась голова. Попытался встать, не смог. Почувствовал сильную жажду. Где это гудят колокола? Сознание постепенно возвращалось к нему. Дверь открылась, и сноп лучей ослепил его. Закрыл глаза. До его слуха донесся металлический голос начальника гестапо:

— Надо привести его в чувство. Завтра он должен ответить на мои вопросы. Сколько прошло времени?

Луч света задержался на левой руке очкастого лейтенанта.

— Семь часов сорок минут.

— Накормить и сделать инъекцию.

6

В ту же ночь, когда Арам встретился со связной Татьяной на опушке леса, партизаны сообщили по радио в штаб армии: офицер, переславший в отряд портфель с документами, захвачен фашистами.

Сами документы уже находились в распоряжении советского командования: портфель был доставлен накануне. Они дали нашему командованию бесценные сведения о группировке и планах вражеских войск на этом направлении фронта.

Десятки людей, не смыкая глаз, больше суток разрабатывали план спасения отважного разведчика. Подполковник Белов, находившийся в штабе армии с момента вылета Мирзояна в тыл врага, был неутомим. Штаб армии то и дело связывался по радио со штабом партизанского движения и с партизанским отрядом,

куда безвестная девушка Татьяна доставила похищенный Арамом портфель с документами. Невидимые для врага нити протянулись от командира отряда ко второму связному, остававшемуся в деревне, где разместился штаб генерала Гофмана. Он — старик Сидор Пахомович, работавший дровоколом в офицерской столовой, — немыслимыми путями пересылал в отряд сведения о пытках разведчика, о каменном полуподвале, куда бросили его фашисты, о постах охраны, установленных на подступах к подвалу. Все эти сведения немедленно передавались в штаб армии, наносились на план деревни, лежавший перед командиром партизанского отряда. И к концу дня план лихого партизанского налета на деревню для спасения разведчика был разработан и согласован со штабом армии. На одном из полевых аэродромов стоял самолет в готовности немедленно вылететь в партизанский отряд, как только оттуда поступит сигнал.

...Ночь была темной: тучи закрыли весь небосклон. Вьюга выла в оголенных кронах деревьев, слепила зарядами снега глаза часовых, топтавшихся на своих постах в ожидании спасительной смены, когда можно будет блаженно растянуться на нарах в тепло натопленной избе караульного помещения.

В избе Сидора Пахомовича свет не зажигался с вечера. Трое партизан, пробравшиеся сюда еще до полуночи, уточняли последнее, что было необходимо для действий наверняка. На опушке леса в белых маскировочных халатах притаились партизаны групп захвата и прикрытия. В назначенный час они подошли огородами к деревне и в обусловленных местах встретились со своими разведчиками...

Снег скрипел под ногами часового. Потом однообразный скрип затих. Арам прислушался. Раздался то-

пот шагов, кто-то прохрипел, упал. Из выбитой двери подвала пахнуло холодом.

— Где вы? — спросили негромко по-русски.

Арам, шатаясь, шагнул вперед. На него набросили белый халат, с обеих сторон взяли под руки.

— Быстрее! — тихо скомандовал из темноты голос.

Арам увидел лежавшего на снегу часового. Ему казалось, что он парит в воздухе, у него кружилась голова.

Вот и замерзшая речка. Здесь он потерял сознание. Не услышал первые выстрелы.

Светало, когда разведчик очнулся. Где он? Сидевшая рядом женщина прикоснулась ко лбу чем-то холодным.

— Как чувствуете себя?

— Где я?

— Не беспокойтесь, они сюда не доберутся.

Вспомнил все.

— Пить...

Женщина принесла воды.

Повернулся на правый бок. Оглянулся. Землянка была большой, пахло смолой. Раскрылась дверь, и люди в белых халатах внесли раненых. Женщина пошла им навстречу. Раненых уложили на длинных топчанах. Арам стал считать — один, два, три, четыре... «Может, есть и убитые, — подумал он, — и все ради меня». Боль в спине снова стала невыносимой.

Раненые стонали. В землянку вошли двое.

— Как самочувствие, товарищ старший лейтенант? — спросил один из них.

— Кто вы?

— Командир партизанского отряда.

— А я — комиссар, — добавил второй.

— Есть среди партизан убитые?

— Нет, только ранено четверо. Но не опасно. Белов уже знает о вашем освобождении...

— Спасибо, товарищи! Вы спасли меня от смерти.

— Скоро вы будете у Белова.

Послышался рокот фашистского самолета-разведчика.

— Они не оставят нас в покое, забросают лес бомбами. Но обнаружить нас не смогут, — уверенно сказал командир.

— Антонина, ты накормила старшего лейтенанта?— спросил комиссар.

— Не успела еще. Он лишь недавно пришел в сознание.

— Кто она?

— Партизанка. У нас в отряде много женщин. Наши ангелы-хранители...

Арам не увидел стаю «юнкерсов». Бомбы падали далеко от партизанских землянок. Они крушили могучие деревья. Земля покрылась черными ранами воронок. Бомбардировщики долго кружили над лесом. Затем шум стих.

В другой землянке подрагивал синий глазок рации.

— «Альбери», «Альбери», я «Марин», — повторяла «морзянкой» молоденькая радистка. — «Альбери», «Альбери», я «Марин»...

Когда неведомый «Альбери» ответил, комиссар подошел к рации и продиктовал: «Все готово, ожидаю у церкви».

«Как чувствует себя «крестник»? — запросил «Альбери». — «Пока плохо, но не опасно».

Комиссар вышел из землянки. Снова подошел к Араму, медсестра приложила палец к губам.

— Выпил молока и заснул. Господи, какое зверство, исполосовали всю спину — вырезали свастику и звезду. Рубашка, френч, все в крови, еле отодрали.

— Ничего! Этот парень еще попляшет в Берлине!

Арам спал недолго. Когда открыл глаза, увидел рядом комиссара.

— Вам привет от Владимира Ефимовича Белова.

— Что он сказал?

— Очень хочет вас видеть. Самолет скоро будет.

— Вы знаете подполковника?

— Три года назад служили в одной дивизии. В то время он был лейтенантом, а я — старшим лейтенантом.

— Он мой учитель.

— А вы молодец! Как вам удалось утащить такую жирную кость из волчьей пасти — просто диву даюсь! Татьяна добралась к нам еле живая, но на седьмом небе от счастья — догадывалась, что этому портфелю цены нет. Той же ночью Белов получил ваш подарок.

Стемнело. Лес нахмурился, загудел от ветра.

— Шумит лес, — сказал Арам.

— О своих бедах рассказывает, — вздохнул комиссар.

Медсестра Антонина принесла Араму каши.

— Ешьте, на молоке приготовлена. Вам это полезно.

— А молоко где берете?

— У нас свои коровы.

— Шутите, наверное.

— Нет, серьезно. Вы знаете Федора Афанасьевича? Старик, в избе которого вы прожили несколько дней. Вот он и организовал это дело. Пригнал к нам осенью больше десятка коров. И сено раздобыли.

Арам ощупал кисть левой руки. Когда это они успели снять часы? Не было и компаса.

— Который час?

— Около десяти.

— А когда за мной придут?

— Скоро.

Тускло светила в землянке плошка. Ее мерцавший свет выхватывал из темноты лицо Антонины. Оно казалось вылитым из бронзы.

Вдруг дверь раскрылась, послышался топот ног, в землянку вбежали люди в полушубках.

— Где он? — спросил женский голос.

— Это ты, Танюша? — спросила Антонина.

Девушка сняла полушубок, подошла к Араму.

— Здравствуйте! Это вода чистая?

Командир отряда засмеялся.

Татьяна присела рядом.

— Что они с тобой, изверги, сделали? И мне досталось. Пули так и жужжали вокруг меня. Долго шли следом. Я-то лес хорошо знаю. Потом повернули обратно, наверное, испугались партизан. Словом, спаслась.

— Пора, друзья, — сказал комиссар.

Партизаны уложили Арама на носилки. За ним понесли на носилках еще двух тяжелораненых.

Лежа на животе, Арам беззвучно плакал. Иначе он не мог выразить благодарность этим бесстрашным людям, которые спасли его.

Шли долго. Не раз сменялись люди у носилок.

— Вот и наш аэродром, — сказал у опушки огромной поляны комиссар.

Носилки опустили на землю.

— Не холодно, товарищ старший лейтенант?

— Жарко мне.

Командир приложил ладонь ко лбу Арама.

— Держитесь, скоро самолет будет.

Долгое, мучительное ожидание. Комиссар помрачнел.

— Опаздывает, — сказал он стоявшему рядом командиру.

Наконец появился самолет, весело заплясал костер. Заходивший на посадку самолет зажег зеленые огоньки. Вот он затрясся на жестком насте снега, закачался и остановился. Арама подняли в самолет, затем внесли тяжелораненых. Еще несколько минут, самолет разбежался по поляне и взлетел в воздух. Арам вытер со лба холодный пот. Морозная ночь мерцанием звезд провожала маленький самолет.

Скоро Арам увидел на линии фронта вспышки осветительных ракет. Земля ощетинилась лучами прожекторов. Вблизи самолета взрывались снаряды.

— Теперь не страшно, — повернувшись к Араму, закричал летчик, когда пересекли линию фронта.

Через четверть часа самолет приземлился. Его окружили врачи и санитары. Арама уложили на носилки. В полумраке он с трудом разглядел подполковника Белова. Начальник разведки склонился над носилками и поцеловал его.

— Утром встретимся, — сказал он, пожав ему руку. — А теперь тебя приведут в порядок медики — и отдыхай.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Фронт все больше сжимался. Фашистские орды превратили раскинувшийся на высоком западном берегу Волги громадный город в страшные руины.

Арам находился далеко от Сталинграда: снова в госпитале. Но сердцем он был там, где сражалась и его рота. «Жив ли Матвей?» — думал он. Очень хотел видеть Дурдиева, услышать тихий мелодичный голос мужественного и решительного Хаджи. Скучал по Александру Машкину, дорогому Сашке. Какой пулеметчик может потягаться с ним?

Чтобы отвлечься от тяжелых дум, Арам часто устраивался у радиоприемника.

Эфир. В эфире тысячи тревожных голосов. Кто-то рассказывает о победоносном шествии гитлеровцев к Волге, другой предрекает захват Москвы. Радиокомментаторы союзников болтают об открытии второго фронта. Из Анкары доносится вкрадчивый шепот. Арам знал: если немцы захватят Сталинград, турецкая армия ринется на Кавказ. Она ждала падения Сталинграда — своеобразного последнего звонка перед тем как броситься в кровавую авантюру, чтобы

не опоздать к дележу богатого советского пирога. А пока радио Анкары разносило велеречивый голос своего комментатора, восхвалявшего успехи «войска великого фюрера» и уверявшего, что в самые ближайшие дни над Сталинградом и всей Волгой будет развеваться победное знамя великой Германии.

Эфир нашпигован радиоволнами. На пробуждавшемся колониальном Востоке чутко прислушивались к событиям у стен волжской твердыни, связывая свою судьбу с судьбой Сталинграда. И нет-нет, откуда-то доносился тревожный голос: держится ли Сталинград или он уже пал?

Бой кремлевских курантов проплывал над всем миром. С этим звоном занималось утро великого государства, переживавшего самую тревожную пору войны. Уверенно звучал голос Москвы:

— Держится Сталинград, наши войска перешли в контрнаступление!

...Арам не бывал в Сталинграде, никогда не видел Волгу.

И вот он в этом городе. Разве можно назвать городом дымящиеся руины, ставшие бастионами, изумлявшими весь мир?

Жесточайшие бои не прекращались ни днем, ни ночью. Продолжались бесконечные воздушные налеты. Но это были уже предвестники агонии: наши войска, прорвавшись на флангах с севера и юга, соединились западнее Сталинграда в районе города Калач. Огромная группировка войск фельдмаршала Паулюса оказалась в плотном кольце окружения.

Оборонявшиеся в городе армии, занимавшие узкую полосу волжского берега, не ждали, когда наши войска, окружившие армию Паулюса, заставят ее сложить оружие. Они сами усилили удары по врагу, не позво-

ляя ему снимать войска из города и перебрасывать их на север для разрыва кольца окружения.

Командир батальона гвардии капитан Мирзоян решительной и опытной рукой руководил боем своих подразделений. И всегда держал рядом не только автомат, но и полюбившееся ему противотанковое ружье. И здесь оно оправдало свое назначение: на личном счету командира батальона вскоре появился сбитый им «юнкерс».

Вот как это произошло. Гитлеровцы продолжали ожесточенные бомбардировки позиций частей 62-й армии. Вероятно, нехватка авиабомб заставила их сбрасывать на наши войска обломки железнодорожных рельс, железные бочки из-под бензина с продырявленными боками. Воздух, врываясь в такие бочки, издавал противный свист и скрежет, точно в них натолкали самих чертей, с визгом метавшихся там в поисках выхода. Так фашисты пытались давить на психику наших солдат, запугать их.

В то яркое утро вражеские бомбардировщики тоже начали бросать не только бомбы, но и рельсы, визжавшие бочки, какие-то искореженные, бесформенные глыбы металла.

— С-сскоро ф-фрицы начнут сбрасывать на на-нас камни, — крикнул Машкин.

Арам схватил противотанковое ружье. Уложив ствол на бруствер траншеи, прицелился в «юнкерс», начавший пикирование. Раздался выстрел. Промах! Видимо, взял недостаточное упреждение. Перезарядил ружье и начал прицеливаться в другой самолет, свалившийся на нос для пикирования. Вынес точку прицеливания впереди самолета. Нажал на спусковой крючок. Снова раздался выстрел. «Юнкерс», не успевший сбросить бомбы, запылал. Беспорядочно падая,

он грохнулся о замерзшую землю впереди линии обороны батальона. Оглушительный взрыв, во все стороны полетели обломки самолета.

— Ура, капитану! — закричали солдаты...

— Вот что, братцы, — сказал комбат, когда бой закончился. — Вечером найдите приличный столбик метра на три длиной и какое-нибудь колесо около метра в диаметре. Лучше металлическое. К утру оборудуем зенитную точку.

Солдаты выполнили приказ капитана. И наутро почти рядом с утлой землянкой наблюдательного пункта комбата в траншее вырос небольшой столб. Чуть выше бруствера траншеи на столбе покоилось чугунное колесо с редкими спицами, которое могло вращаться вокруг своей оси — столба.

Положив ствол на спицу колеса, капитан прижал ложе к плечу и прикинул, как лучше целиться из такого положения. Получилось куда удобнее и надежнее, чем накануне. Потом, представив, что вражеские самолеты летят не прямо на его наблюдательный пункт, а левее, правее или с тыла, он стал перемещаться вокруг столба. Колесо медленно вращалось, изменяя направление ствола ружья, а значит, и выстрела, если он последует.

— Получилось отлично! — похвалил он солдат. — Будем считать, что теперь мы имеем собственную зенитную батарею. Правда, всего лишь из одного ствола. Зато из этого ствола попасть в самолет куда легче, чем из зенитной пушки, если он летит на небольшой высоте. Будем пробовать!

За короткий срок капитан сбил четыре вражеских самолета, подбил несколько танков. И о нем, о его подчиненных заговорила сначала армейская, затем фронтовая газеты. Они подробно рассказали фронто-

викам о придумках капитана. Сооружение «зенитных батарей» из столбов и колес осуществили на других участках фронта. И там начали сбивать вражеские самолеты...

2

Много кровавых рассветов видел разрушенный город. На улицах, обозначенных дымящимися руинами, от зари до зари не стихал грохот орудий. Кольцо окружения, орошенное кровью тысяч людей, постепенно сужалось. Шаг за шагом наши войска приближались к городу. Да и прибрежная полоса, занятая частями генерала Чуйкова, с каждым днем становилась все более просторной.

Батальон гвардии капитана Мирзояна понес большие потери. В каждом полку была рота бронебойщиков. Но бронебойщики Арама были на особом счету. Поэтому и действовать ему часто приходилось на самых «горячих» участках боев. И все-таки с каждым днем напряжение боев снижалось. Чувствовалось, что в стане окруженного врага началась агония.

Случилось то, чего Арам не ожидал. Развалины дома на возвышении считали опустевшими. Давно умолкли огневые точки, оборудованные фашистами в этих развалинах. Один из бойцов, побывавший там накануне, доложил командиру взвода, что они пусты. На рассвете начинавшегося дня гитлеровцам предъявили ультиматум: сложить оружие, чтобы прекратить бесцельное кровопролитие. И вдруг из этих развалин в расположение первого взвода полетели гранаты. Упали первые раненые. Арам видел со своего наблюдательного пункта кувыркавшиеся в воздухе гранаты с длинными деревянными штоками, видел, откуда бросали их. Он кинулся в траншею лейтенанта Васильева. В тот же миг в него полетела граната. Арам на лету

поймал ее и швырнул обратно в развалины. Там раздался взрыв.

Сержант Машкин припал к пулемету. Длинными очередями он стремился прижать фашистов к развалинам. Но оттуда снова полетели гранаты. Арам и Матвей Васильев поймали на лету несколько гранат и швырнули их обратно. Машкин продолжал стрелять. И тут граната разорвалась рядом с командиром батальона. Теряя сознание, капитан услышал громовой голос Васильева:

— За Родину!..

Взвод бросился в атаку.

Все померкло. Очнулся капитан в медсанбате. Кто-то разрывал на нем бинты, наспех намотанные в траншее. Когда пожилой врач закончил операцию, он сказал медсестре:

— Ничего, выживет!

Лейтенант Васильев вернулся из медсанбата в полночь.

— Очень плохо с нашим капитаном, Хаджи, — сказал он Дурдиеву. — Раны на голове, плече, руке...

После долгого молчания старший сержант Машкин, наконец, выговорил:

— У ккапитана жжелезное здоровье, вы-выдержит!

— И я надеюсь. Поговорил я с ним, рассказал, как мы потом этим фрицам всыпали. Тихонечко спросил у него — очень ли больно ему? А он только закрыл глаза.

— Ппочему ззакрыл?

— Зря я у него спросил, Саша. Но врач тоже сказал — капитан будет жить.

И он выжил...

Камышин... Сюда уже дошла радостная весть о победе под Сталинградом. Находившееся недалеко от

железнодорожной станции здание средней школы, превращенное в госпиталь, переживало необычный вечер. Раненые были взбудоражены.

— Слышь, брат, целая армия пленных!..

— Хорошо, очень хорошо! Пусть узнает весь мир, на что способны наши войска.

Лежа на спине, капитан Мирзоян прислушивался к бурному биению своего сердца. «А как же иначе? — размышлял он. — За эту победу дрались и мы, миллионы людей, взявшихся за оружие. Раны?.. Пустяки, боль уже затихает».

Во дворе монотонно гудела передвижная электростанция. В коридорах и палатах тускло перемигивались лампочки. Начальник госпиталя подполковник медицинской службы Андриянов, еле успевший встретить командующего Донским фронтом генерала К. К. Рокоссовского и члена Военного совета генерала К. Ф. Телегина, прерывающимся, немного охрипшим голосом отвечал на их вопросы:

— В этой палате, наряду с другими ранеными, находится гвардии капитан Арам Шамирович Мирзоян. Доставлен к нам в бессознательном состоянии. Потерял много крови. Сейчас состояние его здоровья удовлетворительное...

Кто-то окликнул Мирзояна.

— Капитан, к тебе пришли!

— Спросите, кто? — не открывая глаз, ответил он. — Может, Матвей или...

— Да очнись же ты, медведь! Командующий и член Военного совета. Матвей!.. Рокоссовский и Телегин!

— Кто?

Перевязанной рукой Арам отбросил одеяло с такой силой, что едва не вскрикнул от боли. Вскочил с по-

стели и, пошатываясь, встал. И сразу увидел двух генералов, приближавшихся к его койке.

— Вот он, — доложил подполковник. — Командир батальона.

Высокий, подтянутый, мягко улыбаясь, Рокоссовский, которого капитан знал только понаслышке, протянул ему руку.

— Можете сесть, товарищ капитан.

Вытянувшись, Арам продолжал стоять. В перевязанной голове гудело, точно кто-то над ней бил молотом по стальному листу.

— Из представления командира дивизии нам известно о вашем подвиге. Желаем вам скорого выздоровления!

Что происходило с капитаном? Словно во сне, приглушенно, слушал он голос генерала Телегина, который прочитал приказ командующего фронтом. Рокоссовский вынул из футляра и прикрепил к серому больничному халату Арама орден. Вручил боевые награды и другим раненым. Обратившись к награжденным, сказал.

— Поздравляем! Будьте всегда отважными. Вы мужественно исполняете свой священный долг перед Родиной. Но враг еще не сложил оружия...

Арам словно не замечал окаменевших, неподвижно стоявших вокруг раненых врачей. Кто-то подсказал? Нет, из глубины сердца вырвалось произнесенное охрипшим от волнения голосом:

— Служу Советскому Союзу!

Улыбнувшись, командующий приказал начальнику госпиталя:

— После выздоровления отправьте комбата Мирзояна в Армению. На месяц.

— Слушаюсь, товарищ командующий!

Генералы ушли. С веселым шумом раненые начали поздравлять друг друга с высокими правительственными наградами...

3 Армия фельдмаршала Паулюса капитулировала, и Сталинград сразу стал глубоким тылом. Поэтому и тыловой госпиталь обосновался на базе полевого недалеко от руин города — в Камышине.

Прошло несколько дней после того, как угасла великая Сталинградская битва. Улеглось бурное ликование ее участников. А в госпитале, переполненном героями сражения, все еще с утра до вечера только и разговоры, что о минувших боях.

Арам снова победил в борьбе со смертью. И опять вживался в размеренный распорядок госпитальной жизни: в определенное время подъем, завтрак, обход врачей, лечебные процедуры, обед, ужин, отбой. Скучно! Отвык человек от такой тихой и расписанной по часам жизни.

Раны продолжали остро ныть. Но терпеть было можно. Лишь одно особенно угнетало Арама — правая рука, превращенная бесконечными бинтами и ватой в толстую куклу, пока не действовала. Даже письмо написать — и то пришлось просить соседа по палате, старшего лейтенанта. Тот был ранен в ногу, вместе с медсестрой провел немало бессонных ночей рядом с капитаном, знал, в каком опасном положении находился он. Даже был свидетелем разговора хирурга с главным врачом госпиталя, когда Арам еще редко приходил в сознание.

— Капитан не выдержит еще одну операцию, а осколки в голове рано или поздно убьют его. Единственный выход — повторная операция после того, как он окрепнет.

— Так и сделаем, — решил главный врач...

— Пиши, товарищ старший лейтенант, — попросил Арам соседа: «Моя дорогая мама! В Сталинграде мы так всыпали немцу, что он сложил оружие. Обо мне не думайте. Я ранен, сейчас чувствую себя хорошо. Милая сестренка Марине, напиши мне. Не забудь о моей просьбе. Если будешь в Ереване, узнай, почему Нази не отвечает на мои письма...»

Незабываемым стало для Арама посещение командира полка.

— Могу поздравить вас с орденом Отечественной войны первой степени! А это от меня, — он положил пакет на тумбочку и поцеловал капитана. — Желаю здоровья! Мы еще встретимся. Полк отдохнул, привел себя в порядок, завтра снова отправляемся на фронт. Догоняйте нас, когда вас «подремонтируют».

— Спасибо, товарищ подполковник, за то, что посетили меня, за добрые вести и пожелания. Обязательно разыщу полк, как только меня выпустят отсюда.

В тот же день три друга — Васильев, Дурдиев и Машкин — обратились к новому командиру батальона:

— Разрешите, товарищ капитан, навестить нашего командира! Завтра уходим на фронт, кто знает, увидимся ли с ним еще раз?

— Отправляйтесь, — согласился комбат. — И от меня передайте привет гвардии капитану.

Через час Матвей, Хаджи и Александр были уже в госпитале.

Что за сердечная встреча! Люди, пережившие бесчисленные опасности, плакали, обнимались, долго не могли успокоиться. Многое хотелось друзьям рассказать своему командиру. Но от возбуждения произно-

сили лишь отрывочные фразы то об одном гом.

— А мы, ттоварищ гвардии ккапит... Машкин, — ффельдмаршала Па-паул-лк... Он шшел впереди своих ггенералов и... опустив ггoлову.

Надолго распрощались друзья. Никто н... дежды на то, что когда-либо они снова вст...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Арам истосковался по дому. Всей душой стремился домой, а врач все еще не заговаривал о выписке.

— Доволен вами, гвардии капитан, — сказал он как-то, — вам день ото дня лучше, так что...

— Я совершенно здоров, — не выдержав, заявил капитан.

— Рана на плече еще не зарубцевалась. И о голове надо подумать. Осколки беспокоят?

Смолчал.

— Ну, хорошо, потерпите еще немного.

Наконец главный врач госпиталя дал согласие на отправку домой.

— Поживите там месяц, потом снова на фронт.

..Мир для Сатеник мгновенно озарился светом. Из трех сыновей на фронте Арам первым переступил порог родительского крова...

Арам принарядился, а парикмахер, мастер своего дела, превзошел самого себя.

— Отлично, товарищ гвардии капитан, — похвалился он своей работой.— Ну чем не жених?

...Томительно тянулось время в вагоне. Арам не знал, чем заняться. С каждым днем он становился беспокойнее.

— Капитан, вы любите читать? — с сочувствием глядя на него, спросила соседка по купе вагона.

— А у вас есть что-нибудь?

— «Пармская обитель» Стендаля.

Погрузился в чтение.

— Эй, парень, много читаешь, — забеспокоился другой сосед — старик-армянин, возвращавшийся из Москвы. — Ты лучше о войне нам расскажи.

И вот родные Кавказские горы. Глаза капитана загорелись огнем нетерпения — скорее домой!

Шумный город Тбилиси. Сошел на перрон в надежде встретить знакомого. Никого! Синий вечер спустился над городом. Поезд снова загрохотал по тоннелям и ущельям.

В Сталинграде еще была зима, все белело от снега, а на Кавказе ранняя весна расстелила свои зеленые ковры, вспенила реки. Всюду, куда ни глянешь, — раненые. Для одних война уже закончилась — возвращаются домой навсегда. Другие, как Арам, ехали в родные края лишь на короткий срок, окрепнуть после тяжелого ранения — и снова на фронт.

...Весь Байдар собрался на железнодорожном вокзале, пришли жители окрестных сел, пограничники.

Мать и сын обнялись. Отец погладил его голову дрожащими руками.

— Настоящий дед Мовсес! — воскликнул он.

Сестры не могли оторваться от него. Наконец очередь дошла до кума Сероба.

— Добро пожаловал к нам, внук Мовсеса!

Поезд еще не тронулся, когда пронзительный голос зурны разорвал воздух, в такт ей, как в былые радостные дни, забил тумбук. Потянулись ряды танцующих.

Была весна. И в сердцах десятков людей ликовала радость: земляк прибыл оттуда, где в грохоте сражений находятся и те, по кому истосковалась душа...

Мать!..

Мир для Сатеник мгновенно озарился светом. Из трех сыновей на фронте Арам первым переступил порог родительского крова. Всем, кто приходил с поздравлениями, говорила от всего сердца:

— Пусть и ваши вернутся, мои родные!

Мал Байдар, но много сыновей отправил он на фронт. Разбудите кума Сероба посреди ночи, и он, раскурив чубук, станет перечислять, сколько ребят воюют на фронте. Тяжко вздохнет и назовет тех, кто больше не вернется в Байдар.

Опустел Байдар, старики еще больше постарели, а малыши, держась за подол матерей, тоже пришли поглядеть на первого, кто прибыл с неведомого им фронта.

Когда последний гость закрыл дверь, Сатеник снова прижалась к сыну.

— Чтоб мне ослепнуть, сердце мое! Сколько у тебя ран, сыночек мой? Подними-ка рубашку, гляну, куда тебя гитлеры поранили.

Арам засмеялся, поцеловал мать.

— Это не раны, ма, вылечили меня, остались одни рубцы. На теле у меня нет ран.

— Чует сердце мое, что есть.

— Не надо, ма!

Арам целовал мать и краем глаза смотрел на отца.

— Мой Арам весь в своего деда, Сатен. Такой же сильный и храбрый.

Мать не унималась:

— Марине, Санам, поставьте-ка нагреть воды, я полью моему сыну.

— Я недавно купался, ма, устал с дороги, дай отдохнуть, — притворно зевая, сказал Арам.

— Умоешься до пояса, тогда спокойно заснешь.

— Не хочу.

— Вай, Шамир, ты слышал?

— Мать свою послушайся, Арам, коли она мои слова ни в грош не ставит. Иди, пусть польет тебе.

Помрачнел Арам: как же он покажет ей свою спину?

— Сказал, не хочу, что силком меня тащите?

— Что ты упрямишься? — шепотом спросила сестра Марине.

— Пошли во двор, скажу.

Вышли...

— Не надо, ма, пусть лучше Арам отдохнет, — с печалью в голосе попросила дочь, вернувшись в дом.

Отец нарушил тягостное молчание.

— Коли есть причина, скажи, сынок!

— Есть, — мрачно бросил Арам.

— Ты не должен отказывать своей матери.

— Ну, ладно, — вздохнул Арам. — Отец, и ты иди.

В большом котле нагрелась вода. Втроем вышли во двор. Когда Арам снял рубашку, Сатеник прижалась к мужу.

— Чтоб мне умереть, сыночек, что они с тобой, изверги, сделали?

— Ма, ведь все прошло. Только рубцы остались. Ну, что ты плачешь? Ведь ничего не случилось.

— Пусть небо обрушится на твою землю, проклятый Гитлер! Пусть ослепнет твоя мать, породившая такого зверя!

— Говори, говори, ма, на сердце легче станет, — смеялся Арам. — Ничего, и я перед ним в долгу не остался.

Мать успокоилась. Как в детстве, она намылила ему голову, потерла спину, руки.

Когда они вошли в комнату, Шамир погладил край уса.

— Жена, я хочу повеселиться!

Снова сели за стол. Отец наполнил стаканы. Мать завернула в лаваш свежий овечий сыр, протянула сыну.

— Ешь, сыночек! Ослепнуть бы мне, не видеть твоих ран. Шамир, ты бы на месте моего сына не выдержал.

— Эх, Сатен, злой у тебя язык! Куда Араму до меня? Ему надо много хлеба с сыром поесть, чтобы потягаться со мной. И сейчас так вдарю из берданки по врагу, что мигом околеет.

— Сейчас не век берданок, отец. Ты свое уже взял.

— Не взял. Эх, как мне этот военком помешал! Я бы тогда показал, на что я горазд.

— Отец, — сказал Арам, поднимая тост за Шамира,— ты всегда был вместе со мной. Дай бог и тебе, и матери золотой жизни. Я твой сын и высоко буду держать твою честь.

Уже угасла мартовская ночь, когда под кровлей Шамира затихли голоса.

Председатель колхоза Рубен только утром, вернувшись из райцентра, узнал о приезде Арама. Когда он открыл калитку, Арам и Марине беседовали во дворе.

— Ва, Арам, ведь чуяло мое сердце, что ты приедешь! — обнял его Рубен.

Вошли в дом.

— Дядя Шамир, поздравляю! — вытаскивая из карманов галифе бутылку вина, воскликнул председатель.

— Добро пожаловал, Рубен-джан, присаживайся, — радушно пригласила его Сатеник.

...Арама уже ждала прибывшая из пограничного города машина. Всю дорогу он думал о матери, братьях, о фронтовых товарищах.

Пограничный город, в котором Арам прежде часто бывал, очень изменился. Закрыты закусочные, исчез ароматный запах острых армянских кушаний, не видно праздно гуляющих людей. На рынке, где прежде разве только птичьего молока не было, хоть шаром покати. Улицы почти безлюдны. Печальное теньканье колоколов церкви повисло над притихшим городом. Но Арам знал, что эта тишина обманчива, что тысячи людей трудятся на заводах, фабриках, депо и мастерских, трудятся для фронта. К этим людям он и пошел...

2

Время в родном крае пролетало для Арама незаметно. Приезжали из районов, просили выступить. Никому Арам не отказывал. Какая-то неведомая сила тянула его в Ереван, в университет, где он впервые приобщился к наукам, познал любовь. Сейчас далеки от него и университет, и первая любовь.

Мартовское солнце только взошло над городом, когда Арам распрощался со своими новыми друзьями. Поезд медленно отошел от станции. За окном — Ширакская долина с зелеными полями и граница, которая тянется по берегу Ахуряна.

Мутными волнами струилась река. Вот и Ани, отчетливо виднеются развалины этого прославленного сказочного города. Арам снял фуражку, склонил голову. Показался Арарат в своем плаще, сотканном из тумана. Вспомнил Владимира Белова, товарищей по фронту. Тысячи таких, как он, воевали за Москву, Ленинград, Сталинград, исполненные огромной любви к Родине.

Поезд приближался к напоенному весной Еревану. Но древний город не откликался на зов весны. На

улицах — женщины в трауре, шеренги солдат, в окнах — вместо стекол мешки с песком.

Прибывший с фронта двадцатидвухлетний гвардии капитан бывал всюду. И всюду — слезы и улыбки, воля к победе, страстное желание увидеть своих родных живыми. Трудно было Араму рассказывать о себе. А его заставляли, просили. Побывал он и в университете, в той аудитории, где слушал первые лекции. Там он встретился с парнем в темных очках, который както странно посмотрел на него. Юноша поднял очки. И тут Арам узнал его — студент, двоюродный брат Нази. Его правый глаз был мертв. Молча обнялись. Вышли на улицу...

Ночи стали мучительными для Арама. Часами простаивал у открытого окна, не отрывал взгляда от священной горы. Спал мало и беспокойно. Всем сердцем он был там, где сражался его батальон, боевые друзья Матвей, Дурдиев, Саша Машкин.

Неожиданным было для него приглашение известного в республике скульптора. Встретились они в его мастерской.

Скульптор расспросил капитана о войне, о его родных.

— Спасибо, что не отказали мне. Я хочу сделать ваш бюст.

Арам не поверил своим глазам, когда увидел свой скульптурный портрет. Когда это он успел? Скульптор выдвинул ящик, достал одну из его фотографий, напечатанных в газете.

— Этот снимок довольно выразителен. Наша встреча дополнит остальное.

Араму не удалось во второй раз посетить мастерскую скульптора. Его ждали в Катноте, в деревне, где он родился.

Поезд мчался по Лорийскому ущелью. Желтым цветом цвел кизил, склоны гор затканы травой и цветами. Река — шальной Дебет — перепрыгивала с камня на камень, оглушая своим шумом ущелье. Как и везде, на станции, зажатой между горами, встречающие. Затем по крутым поворотам потянулась колонна машин. Вот и городок, в котором жил и боролся синеглазый Степан Шаумян.

Ораторы на митинге сменяли друг друга — привычный к горам пастух, земледелец и агроном. Говорили о грядущей победе, выражали свою волю — отдать этому святому делу все силы. Митинг окончился. Колонна машин потянулась к Катноту.

Вот и Катнот. Здесь родились его братья, здесь Арам сделал первые шаги. Ему показалось, что он сидит на коленях отца и хворостиной погоняет увешанных бубенчиками волов.

В деревне он никого не узнал. Крестьяне с любовью вспоминали Шамира.

Арам решил заночевать в доме, где родился. Хозяин, сыновья которого сражались на фронте, радушно принял его. Усталый, лег, закрыл глаза.

Поднялся с зарей, вышел во двор.

— Хорошо спалось? — услышал за спиной голос хозяйки.

— Спасибо. Давно так не спал.

— Я очень любила Сатен. Славная женщина. Как она сейчас?

— Спасибо! Здорова.

— Кланяйся ей, сынок.

Вся деревня провожала своего земляка. К вечеру машины прибыли в Байдар.

Снова собрались родные. Кум Сероб сел во главе стола, председатель Рубен пригласил музыкантов. В весеннем Байдаре снова зазвучала музыка.

Гости разошлись поздно ночью. А наутро Байдар провожал своего сына на фронт.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

I

Долго ехал Арам по дорогам войны. И почти от Кавказа до линии фронта одна и та же безрадостная картина — разрушенные до основания города и села, заросшие бурьяном поля.

Фронт приближался туда, где разразились первые громы войны, кровью окрасилось все вокруг. Вот и старая Брестская крепость. Нет высокой башни. Кругом развалины, одни развалины.

Здесь Арам снова командовал батальоном, опять был ранен, лежал в госпитале в Москве. Зиму провел в военной академии. Учился недолго: снова отправился на фронт.

И тут Арам узнал, что его дивизия вышла в резерв фронта, находится недалеко. Явился в отдел кадров. Не отказали. Ночью отправился в путь, а утром уже был среди своих.

Матвей Васильев, ставший старшим лейтенантом, не знал, как выразить свою радость.

— А я думал, что мы не встретимся,— еле выговорил он.

В раскосых глазах Хаджи Дурдиева появились слезы, а старший сержант Машкин от волнения стал еще сильнее заикаться.

— Я очень рад, товарищ ккапитан! В на-нашей роте есть ваши сстарые ззнакомые.

— Кто, Саша?

— Одного ззовут Ннури Алимджан, старший сержант, а другой такой с усами. Да, вспомнил, Нико. Отличные ребята!

— Вот это да! Сейчас же приведи их сюда.

— Я мигом, — козырнул Машкин.

— И у меня есть один парень, — сказал Матвей,— ребята говорят, что он вас хорошо знает.

— Кто?

Васильев потер нос.

— Дай бог памяти. Вспомнил — Берман. Не нравится он мне что-то.

— Берман? Матис?

— Кажется. Вы его помните?

— Обрадовали вы меня, ребята. Знаете, какие это разведчики? Матис Берман пошибче немецкого профессора знает язык. А какой храбрый! Чего он тебе не понравился? Зови его сюда, товарищ старший лейтенант.

Представились.

Нико совсем не изменился. Капитан протянул ему руку, обнял.

— Кто бы подумал, что мы снова встретимся!

Алимджан Нури сам обнял Арама.

— Рад, товарищ... — продолжил он по-армянски.

В это время подошел и Берман.

— Рад тебя видеть, старший сержант Берман. Ну как, здоров?

— Здоров. Не жалуюсь.

Гвардии капитан Мирзоян снова был назначен командиром своего батальона. После долгой беседы командир полка сказал:

— Завтра получите пополнение. Отдыхайте. Займитесь новичками. Теперь мы ударим по врагу на польской земле. Вы еще не видели подполковника Белова? Я его извещу. Идите.

Первый батальон пополнялся отличными бойцами, воевавшими в донских степях, в Сталинграде, на украинской земле, в Белоруссии.

Новичков принимали Арам и Матвей.

Капитан знакомился с ними, расспрашивал об участии в боях, о доме и родных.

— Получите новое обмундирование, помоетесь, отдохните.

Отдалявшийся гул войны напоминал глухие раскаты грома.

На четвертый день после принятия батальона, когда гвардии капитан возвращался из штаба, около полевой кухни он заметил старшего сержанта Константина Судака. Остановился, улыбаясь, протянул ему руку. Судак изумленно вытаращил на него глаза.

— Вот обрадовали! А меня даже прошибла слеза, когда сказали, что вражеская граната отправила вас на тот свет. Товарищ гвардии капитан, коли на самом деле это вы, отведайте щей со свеженьким мясом!

Арам не отказался.

— Эх, знали бы вы, как мне надоела эта стряпня, прямо в печенках сидит. Хочу воевать, да никто и слышать не хочет.

— Не горюй, братец, отличный повар на фронте — тоже воин.

Было уже за́ полночь, когда в батальон прибыл начальник разведки подполковник Белов.

Под тусклым светом коптилки Арам увидел в волосах учителя белые нити. «Тоже потрепала его жизнь»,— подумал он.

— Как ребята? Нури, Нико, Матис?

— Вы уже знаете о них?

Слабая улыбка тронула лицо Белова.

— Без разведки не обойдешься. Но ты, Арам Шамирович, сам в разведку не пойдешь. Руководи! Это тоже искусство.

— Я хотел бы сам... В батальоне меня заменят.

— Э, нет, друг, — нахмурился подполковник. — Ты теперь большой командир — учи подчиненных! Есть еще одно обстоятельство — тебя могут перевести в другую дивизию. Вместе с твоими людьми... Ну ладно, давай спать! Подождем, что решит начальство.

Через несколько дней Арам в составе небольшой группы офицеров был откомандирован в соседнюю дивизию на пополнение. Туда же перевели и Белова. Мирзояну разрешили взять с собой командиров рот и немного рядовых...

— Списки представить через три часа, — приказал начальник штаба.

Когда Арам вместе с командиром полка садился в машину, подошел адъютант командира дивизии.

— Командир дивизии вас ждет.

Полковник принял его в бывшей учительской сельской школы, временно ставшей его кабинетом.

— Садитесь, капитан. Вы знаете полковника Музыкина?

— Нет, товарищ полковник.

— Хороший командир. Юношей воевал на Дальнем Востоке против белых. Потом учился, служил в войсках. В его дивизии и будете воевать.

От полковника Арам вышел взволнованный: так не хотелось ему покидать родную дивизию. Подошел прощавшийся с ним командир полка и сказал:

— Ну, не расстраивайся, Арам! Я тоже огорчен твоим переводом. Но такова воля командования.

2

Командиру 185-й стрелковой Краснознаменной дивизии полковнику Михаилу Максимовичу Музыкину доложили о прибытии новых людей.

— Пусть отдохнут, — весело сказал он, — дайте мне их личные дела.

Еще вчера начальник разведки Владимир Белов рассказал полковнику, что среди прибывших находится разведчик гвардии капитан Мирзоян, которого он хорошо знает.

— Ну-ка, глянем на твоего хваленого капитана, Владимир Ефимович, — пробормотал полковник, вынимая фотокарточку из личного дела. — Да, офицер бравый!

Познакомившись с личным делом Мирзояна, полковник сказал:

— Парень действительно стоящий, мы найдем ему подходящее дело.

Командир дивизии принял сразу всех прибывших офицеров. Начальник штаба зачитал приказ о назначениях. Комдив объявил:

— Все свободны. Капитан Мирзоян, останьтесь.

Офицеры вышли.

— Садитесь, капитан. Скажите, не приходилось ли вам командовать батальоном, специально подготовленным для прорыва сильно укрепленной обороны и фор-

сирования рек с ходу? Я хотел бы поручить вам командование таким батальоном в составе стрелкового полка подполковника Кцоева.

— Нет, товарищ комдив, таким батальоном я не командовал. Но буду рад, если окажете такое доверие.

Ответ Арама удовлетворил полковника.

— Хорошо, явитесь к командиру полка товарищу Кцоеву и принимайте хозяйство.

Командир полка, которому представился Арам, уже знал о решении командира дивизии.

— Я доволен вашим назначением, — сказал он. — Будем вместе воевать и осваивать тактику действий штурмового батальона. Видимо, в предстоящих боях нам это очень пригодится. Комдив считает, что постепенно все батальоны должны быть подготовлены к тому, чтобы действовать в условиях особенно сложных форм боя. Он предвидит, что в самой Германии фашисты примут все меры к тому, чтобы каждый метр земли явился для нас непреодолимым препятствием. И, конечно, полковник прав: за свою землю гитлеровцы будут драться особенно ожесточенно. Идемте, я представлю вас личному составу батальона. Там у нас отборный народ.

3

Истерзанная польская земля... Последние приготовления в дивизии полковника Музыкина закончены. Полки и батальоны двинулись к передовой.

Ночью Арам встретился с подполковником Беловым.

— Твой батальон готовят как передовой для форсирования Вислы. Это, брат, лишило меня возможности взять тебя к себе в разведку. Комдив верит, что в таком батальоне ты будешь на месте, и отказал мне.

Но учти, Арам: тебе надо иметь хорошую разведку. Без нее ты будешь скован.

— Постараюсь. Жаль, что моих прежних помощников нет.

— Не унывай: через штаб я попросил соседнюю дивизию направить к нам для прохождения службы твоих разведчиков — Васильева, Дурдиева, Бермана и Машкина. Ответ пришел положительный. Буду просить начальника штаба, чтобы отправили их к тебе.

— Вот за это спасибо, товарищ подполковник! Теперь разведка будет отличной.

Было уже за полночь, когда полки дивизии Музыкина сменили части, преследовавшие врага. Ночь угасала, а над расположением противника ракеты раздирали в клочья утренние сумерки. Последняя проверка средств связи. Штаб полковника Музыкина расположился в лесочке западнее полуразрушенной польской деревни. Отдав последние приказания командирам полков, полковник напомнил:

— Висла недалеко! Рядом с нами действуют части польской армии. Сил у нас много, но и вражеские войска еще достаточно боеспособны. Сопротивляться они будут ожесточенно — на легкий успех не рассчитывайте.

Светало. На вражеских позициях погасла последняя ракета, почти вслед за ней загрохотала наша артиллерия. Содрогнулась польская земля.

Фашистская артиллерия открыла ответный огонь. Из леса выползли танки, за ними бежали автоматчики. В раскаленном воздухе появились «мессеры» и «юнкерсы». Контратака!

Воздух сотрясался от взрывов. Воздушный бой длился недолго. «Юнкерсы» исчезли, беспорядочно

разбрасывая бомбы, остались «мессеры» и звездокрылые «яки», осыпавшие друг друга градом пуль.

Танки приближались. Арам перебежал к бронебойщикам.

— Дайте-ка мне! — приказал он сержанту и припал к противотанковому ружью.

— Огонь!

И по траншее, как эхо, покатилась его команда.

Пылающие танки, взрывы, дым, тучей поднимавшийся над полем боя. Вражеская пехота рассеялась по всему полю. Командуя боем, Арам то и дело стрелял из противотанкового ружья.

Вражеские танки откатились назад. На поле осталось больше десятка горевших машин.

Отбив контратаку, полки дивизии устремились вперед.

...Вечер. Затишье. В трубке телефона раздался довольный голос командира полка.

— Говорите нет погибших? А раненые? Одиннадцать, четверо из них легко? Остались в строю? Очень хорошо, товарищ гвардии капитан!

Одним из легкораненых был замполит капитан Турин. Пуля задела ему правую руку. Он подошел к Араму, когда тот закончил разговор с командиром полка.

— Считаю, что мы поняли друг друга, товарищ капитан, — сказал Арам. — Вы умеете воевать! Видел, как вы косили немцев из пулемета, когда пулеметчики были ранены.

— Плох тот политработник, который не может послужить примером для бойцов, — ответил Турин, поднеся к папиросе спичку. — Старший лейтенант Васильев и Матис Берман своим бесстрашием покорили меня. Надежные ребята!

— Рана болит? — Арам решил поменять тему разговора.

— Ерунда, терпеть можно. Через два-три дня рана затянется. Пуля-то едва задела.

— Давайте вместе и поужинаем.

После ужина появился Васильев.

— Что ты скажешь, если мы часа два поспим? — спросил Арам.

— Я уже разрешил Берману.

— Передай Дурдиеву, чтобы в назначенном месте были вовремя,— и обратился к Турину:— Для меня, капитан, выйти ночью на охоту — неписаный закон. Есть разрешение, и все готово к тому, чтобы добыть «языка». Разбудите нас через два часа и возьмите на себя командование батальоном, пока я не вернусь.

Завернувшись в плащ-палатки, Арам и Матвей заснули.

Турин медленно поднялся из траншеи командного пункта. В польском небе мирно горели звезды. Вокруг редкая на фронте тишина. В полумраке виднелись силуэты подбитых танков. Турин думал о новом командире батальона. Конечно, по сравнению с ним, он очень молод. Сам Турин воевал еще против белофиннов, на Отечественной тоже с первого дня — многих командиров знал. А этот — Мирзоян — умеет управлять боем.

Турин вернулся в траншею командного пункта в тот момент, когда командир батальона открыл глаза.

— Вы еще можете спать, — сказал капитан.

— Хватит, выспался уже. Матвей, вставай.

Во мраке скрылись люди, вышедшие в разведку...

4 Полковник Музыкин приказал привести пленного. В блиндаж вошел начальник разведки Белов.

— Не опоздал, товарищ полковник?

— Садитесь.

— Можете поздравить вашего любимца-капитана. Он теперь майор. Видите, какую крупную дичь поймал он ночью со своими людьми!

— Он здесь?

— Скоро будет. Надо поздравить его, — и приказал адъютанту. — Ввести пленного!

Командир дивизии встретил немецкого полковника вежливо.

— Садитесь. Надеюсь, вы уже успокоились и можете говорить?

Пленный поблагодарил...

Второй фронт был уже открыт союзниками во Франции. Но бои развертывались там настолько медленно, что гитлеровцы продолжали перебрасывать свои войска из Западной Европы на Восточный фронт. Подполковник Белов не удивился, когда гитлеровец сообщил, что их дивизия неделю назад переброшена с Ламанша.

— Ваши союзники — удивительно гуманные люди, — с нескрываемой иронией проговорил пленный. — Перед тем, как начать очередную операцию, они объявляют, что сохранят жизнь и полную неприкосновенность всем, кто добровольно сложит оружие.

— Господин полковник, вам известна судьба фельдмаршала Паулюса, его генералов и трехсоттысячной армии? — спросил Музыкин.

— О, да. Германия скорбит по ним. Я старый военный. Сталинград, а потом Курск убедили каждого здравомыслящего человека, что мы проиграли войну.

А что касается этого участка фронта, то фельдмаршал Геринг сделал все, чтобы вы не достигли Вислы...

Многое узнал командир дивизии от пленного. В полки отправили его приказ: фашисты сосредоточили на этом направлении крупные силы пехоты и танков, быть готовыми к отражению контратак.

Пленного отправили в штаб армии.

Арам не увидел немецкого полковника. Когда он прибыл на командный пункт дивизии, того там уже не было.

Музыкин протянул Араму руку.

— Поздравляю вас, товарищ гвардии майор! Крупную птицу захватили вы. Но помните: главное для вас — открытый бой с врагом. Готовьтесь в этому настойчиво! Думаю, скоро мы будем участниками крупных событий.

Чем меньше оставалось до Вислы, тем яростнее сопротивлялись гитлеровцы. Действовавшая на этом участке фронта дивизия «Мертвая голова» цеплялась за каждую складку местности, чтобы остановить наступление полков Музыкина.

Передовой полк подполковника Кцоева, в составе которого был батальон Мирзояна, получил приказ стремительным ударом прорваться к реке. Роты батальона Мирзояна, усиленные саперами, бросились в атаку. Рядом с ними фашистов атаковали подразделения польского полка.

Арам пристально следил за боем двух стрелковых рот. До берега реки Мендзижец оставалось не больше двух километров. Третью роту он держал в резерве, намереваясь ввести ее в бой для развития успеха наступления.

Над подразделениями батальона вихрем пронеслись штурмовики. Они летели настолько низко, что,

казалось, вот-вот заденут за кроны редких деревьев. И когда над позициями гитлеровцев забушевал шквал огня, Арам решил: пока фашисты прижаты к земле, стремительным броском сблизиться с ними и разгромить их в рукопашной схватке.

Резервная рота находилась в овраге рядом с командным пунктом батальона. Оставив за себя начальника штаба, майор выскочил из окопа. Через четыре-пять минут он подбежал к оврагу. Рота уже была готова ринуться в атаку.

— За мной, друзья, в атаку, ура!

И бросился вперед, на ходу ведя огонь из автомата.

Выскочив из оврага, бойцы устремились за командиром батальона. В едином порыве, грозной лавиной они приближались к вражеским позициям. Фашисты, еще не опомнившись от разящего удара штурмовиков, не выдержали. Выбираясь из полуразрушенных траншей, они бежали к реке, надеясь на спасение.

В это время словно кто-то кинулся майору под ноги. Как во время бури рушится дуб, он с разбегу упал навзничь...

Арам так и не узнал, кто доставил его в медсанбат. Санитары сняли его со спины солдата с перевязанной рукой, ползком выносившего командира батальона с поля боя. На носилках быстро перенесли его в кустарник, где находились повозки для вывоза раненых. Минуя полковой медпункт, санинструктор привез его в медсанбат. Арам был без сознания.

В землянке хирургического отделения медсанбата стоял тошнотворный запах крови и пота. Уже несколько часов подряд хирург не отходил от операционного стола. А раненых все везли и везли, словно этому горестному потоку не будет конца.

— Григорий Амбарцумович,— доложила медсестра, — еще троих на операцию.

— Троих? Быстро мне в зубы папиросу, зажгите спичку и кладите на стол следующего.

Сделав несколько судорожных затяжек, хирург выплюнул папиросу в ведро с окровавленными бинтами и подошел к операционному столу.

Залитый кровью, белый, как мел, раненый не подавал никаких признаков жизни.

— Кажется, уже поздно, — пролепетала медсестра.

Хирург поднес зеркало к посиневшим губам.

— Он еще жив, сестра.

Майор Мирзоян неподвижно лежал на операционном столе, а его однофамилец и земляк подполковник медицинской службы Мирзоян устало смотрел на него.

— Снять повязки! — приказал он сестре.

— Очень много крови потерял этот майор, Григорий Амбарцумович. Может скончаться прямо на столе.

— Попытаемся помешать этому, — мрачно ответил подполковник. — Впрочем, дела его плохи: осколок угодил в голову.

— Да. Видите, какие глубокие раны.

Хирург приступил к операции.

— Здоровый парень, может быть, вытянет. Немедленно переливание крови!

Сестра доложила, что последнюю кровь израсходовали два часа назад.

— Как? И вы мне не сказали?

— Вам и без этого хватает дел. Полчаса назад уехали за медикаментами в госпиталь.

— Полчаса назад! Но будет поздно. Ему немедленно нужно дать кровь. Иначе не выживет.

— Я готов, товарищ подполковник, — доложил санинструктор. — У меня та же группа крови, что и у майора.

— Алеша, дорогой, ты ведь лишь на днях дал кровь. Трудно тебе будет.

— Ничего. Ради спасения человека выдержу.

Санинструктора Евдокимова уложили рядом с майором. Начали переливание крови.

В это время в операционную вбежала сестра.

— Товарищ подполковник, только что звонил командир дивизии. Требует доложить о состоянии здоровья командира батальона майора Мирзояна.

— Доложите: сегодня я многих оперировал, майоры среди них были, но своего однофамильца не встречал. Аня, — спросил он операционную медсестру, — среди оперированных сегодня не было майора Мирзояна?

— Он на операционном столе, Григорий Амбарцумович.

— Значит, этот? — горестно вздохнул подполковник. — Задали вы мне задачу, сестра, — сказал он прибывшей девушке из штаба медсанбата. — Даже не знаю, что доложить комдиву.

— Он приказал без его разрешения в госпиталь майора не отправлять. Сказал, что приедет к нам вечером.

— В таком случае доложите, что состояние майора очень тяжелое, принимаем все меры, чтобы спасти его.

Медсестра ушла. Закончив обработку ран и переливание крови, хирург свалился на стул.

— Видите, Анна Павловна, до чего я устал. Даже своего земляка-майора не узнал. Храбрый, видать, парень.

— Я видела его раньше. Он приходил к нам в батальон. Тогда он был капитаном. Хотел увидеть вас, чтобы узнать, не родственник ли вы ему, но не застал.

— А теперь помогите мне встать...

...Принявший на себя командование батальоном Матвей Васильев доложил командиру полка о том, что майор Мирзоян тяжело ранен.

В то время, когда хирург накладывал последний шов на руку Арама, в зарослях кустарника предали земле погибших бойцов его батальона. Замполит произнес прощальное слово:

— Мы не забудем вас! Клянемся отомстить за пролитую вами кровь. Вас не забудет и польский народ, за освобождение которого вы отдали свои жизни. Прощайте, наши боевые друзья...

Многие бойцы батальона были ранены. Часть их осталась в строю. Среди них и старший сержант пулеметчик Машкин.

Когда осколок угодил ему в ягодицу, Александр от злости выругался и, заикаясь, произнес тираду, вызвавшую смех товарищей.

— Так и разе-зе-так те-тебя!.. Другого ме-места не на-нашел? Как тут пере-ревяжешь, а? Срам-то какой!

— Вызови санитара, Саша, чего стесняться-то, — посоветовал один из солдат.

К нему уже ползком пробралась санинструктор роты.

— А ну-ка, ложись на живот да спусти брюки! — скомандовала девушка покрасневшему Машкину. — Не велика беда, перевяжу. И за несколько дней зарастет — мяса здесь много.

Когда наступил вечер, Матвей увидел пулеметчика лежащим на животе. Тот преспокойно ел кашу.

— Че-чертов ффриц лишил мменя спа-спа-собности сидеть. И на сспину не ммогу лечь, — пожаловался он Васильеву. — Я их... Ккак майор?

— Говорят, плох он...

— Вранье, не-не умрет он, — позабыв про рану, Машкин вскочил на ноги и охнул, схватившись рукой за больное место.

...Ночью из армейского запасного полка в батальон прибыло пополнение.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

С глухим стоном Арам открыл глаза. Увидел сидящую у изголовья женщину в белом халате. Затем все поплыло перед глазами. Куда его несут?

Впавшая в дремоту сестра вздрогнула.

— Воды...

Она провела влажной ватой по его запекшимся губам.

Носилки рядом с майором были пусты.

— Ушел Алеша, — с грустью сказала она.

— Кто? — со свистом вдыхая воздух, спросил Арам.

— Ваш спаситель. Вас ведь без двух минут покойником доставили.

Под утро у кровати Арама появился хирург.

— Спит? — щупая пульс, спросил он. — Не мучается? Пульс не плохой. Идите, отдохните.

Сестра ушла.

Подполковник склонился над раненым.

— Ну, как себя чувствуешь, земляк? — спросил он по-армянски.

Произнесенные по-армянски слова царапнули его сознание, он широко открыл глаза.

— Кто вы?

— Хирург. Рад за вас. Вы родились в сорочке, майор. Держитесь! Комдив вчера спрашивал о вас.

— Вчера?

Его сознание заволокло туманом. Вчера? Он попытался вспомнить, перед глазами поползли танки, с воем пронеслись «мессеры», упали рядом сраженные бойцы, батальон бросился в атаку. Затем все смешалось...

— Кто вы? — кусая губы, повторил он.

— Мы виделись всего один раз. Вам нельзя много говорить. Хотите спать?

— Голова раскалывается...

Хирург сделал ему укол, медленно вышел из палаты.

Григория Мирзояна ожидало блестящее будущее ученого. Он был ассистентом профессора Антонова, ученого с мировым именем. Именитый доктор по-отечески относился к худощавому невысокому юноше, подававшему большие надежды. Но война смешала все планы. Перед отправкой на фронт Григорий побывал у своего учителя, услышал сказанные на прощание слова: никогда не отступать от заповеди врача, отдать все силы спасению людей...

Нарушал ли он когда-нибудь эту заповедь? Совесть его была спокойна. Будучи искусным хирургом, внимательным врачом, он быстро продвинулся вперед. Его доклад на общеармейской конференции хирургов привлек внимание коллег. На стендах зала он увидел рентгеновский снимок двадцатилетнего Арама Мирзояна до ранения и после лечения. И вот он снова встречается с ним. Еще вчера его считали безнадежным, а сегодня он уже пытался задавать вопросы. Да, жизнь крепко сидит в этом юноше.

Жизнь.

Сам он причастен к священной армии, призванной спасать людей. Многим он обязан своему учителю, незримое присутствие которого чувствует каждый раз, когда вступает в самоотверженную борьбу за жизнь человека.

Сегодня утром он отправил в тыловой госпиталь трех бойцов, вчера вступивших в яростный бой с врагом. Перед тем, как уехать, молодой лейтенант с бледным лицом попросил хирурга подойти к нему.

— Я не знаю, кто вы, доктор. Но вы спасли мне жизнь. Наверное, вы никогда не были в моем родном городе. Я сын железнодорожника, дома ждут меня мать и четыре сестры. Мне двадцать два года, два года я уже воюю. Возьмите, доктор, эту фотокарточку. Кто знает, может, когда-нибудь мы с вами встретимся.

Машина тронулась. Врач долго смотрел ей вслед. Затем, очнувшись, прошел в палату, где лежал Арам.

— Спит? — спросил он сестру.

— Недавно заснул. Мучился очень.

— А вы когда будете спать?

— Эх, Григорий Амбарцумович, все никак не могу опомниться после вчерашнего. Совесть замучила. Ес-

ли б не вы, ведь санитары отнесли бы его в мертвецкую.

— Что вы напрасно терзаете себя? Ведь мы с вами спасли майора! Признаюсь, когда я подошел к носилкам, у меня было то же чувство. Мне показалось, что молодой человек уже распрощался с жизнью. Идите, отдохните. Сегодня у нас снова будет трудный день. Дивизия продолжает наступление.

Наступление, контратаки врага, которые часто завершались штыковым боем, держали полковника Музыкина в постоянном напряжении. Офицеры штаба день и ночь были на ногах, под непрерывной бомбежкой.

На четвертый день после ранения Арама Матвей Васильев отпросился у командира полка побывать в медсанбате, воспользовавшись наступившим на фронте кратковременным затишьем. С ним собрался и замполит.

— Так не пойдет, Иван Гаврилович, кто-то из нас должен остаться в батальоне.

— Ну, хорошо, завтра я отправлюсь с Дурдиевым,— согласился капитан. — Вы один пойдете?

— С Машкиным.

До леса, где разместился санитарный батальон, было недалеко. Быстро доехали. Часовые остановили машину.

— В санбат въезд запрещен.

Матвей забеспокоился.

— Я командир батальона. Вызовите вашего старшину.

Появился лейтенант. Объяснили ему. Тот разрешил пройти в штаб медсанбата. Там указали, где находится майор Мирзоян.

Когда они вошли в блиндаж, хирург сидел у постели Арама. В палате царил полумрак.

— Матвей, я здесь, — еле слышно произнес Арам.

Матвей и Саша отдали честь подполковнику.

— Это наши, Григорий Амбарцумович. Я знал, что вы навестите меня. Знаете, какие орлы, — продолжил он по-армянски. — С первого дня вместе воюем. Какие новости, Матвей? Как здоровье, Саша?

— Я, ттоварищ майор, чувствую ссебя хорошо, ттолько вот ссидеть нне могу. Фриц угодил ммне в ягодицу...

— Ну хватит, Сашка, есть вещи посерьезней, чем твой драгоценный зад, — прервал его Матвей.

Подполковник вышел.

— Кто меня заменяет? Ты? Прекрасно. А как ведет себя замполит?

— Хороший он человек. Ребята его полюбили. И воюет отлично.

— Что делает Берман?

— Перевели его из штаба. Сейчас он командиром взвода у Хаджи Дурдиева.

— Скажи Хаджи, пусть не обижает его. Парень он стоящий.

— Ну, а как вы, товарищ майор?

— Уже третий день нормальная температура. Значит, недолго продержат здесь. Заставляют лежать на спине. Послушай, Саша, это что-то на тебя не похоже! Как же получилось, что осколок угодил тебе в такое место? Неужто драпать собрался? — пошутил Арам.

— Да я, ттоварищ майор, отстреливался ллежа. И вдруг что-то обожгло, будто клюнул кто-то.

— А штаны ему сестра спустила. Ай-ай-ай! — усмехнулся Матвей.

Еще по дороге Матвей предупредил Сашу, чтобы тот не заикнулся при майоре о потерях, которые понес батальон.

— Значит, продвигаетесь? — спросил Арам.

— Да, уже на четыре километра.

— Много убитых?

— Не очень. Пополнение прибыло. Хороший народ из армейского запасного полка.

— Я скоро вернусь к вам. Комдив приказал не отправлять меня в госпиталь.

2

О тяжелом ранении Мирзояна начальник разведки Белов узнал лишь на второй день.

— Черт знает, что такое! — воскликнул он в сердцах, — я уже потерял счет его ранениям.

В медсанбате подполковника встретил хирург.

— Кто этот великан, Григорий Амбарцумович? — спросил Белов, кивая на Евдокимова.

— Незаменимый человек в нашем батальоне, обслуживает трех хирургов. И еще Евдокимов — наша станция переливания крови. За два года он дал кровь двадцати восьми тяжелораненым. Майор Мирзоян...

— Проводите меня к нему. Вчера комдив сказал, что майору лучше. Вот я и пришел лично удостовериться в этом.

— Да, я докладывал комдиву. Дела майора идут на поправку, температура уже нормальная, самостоятельно ест.

Когда они вошли в палату, Арам стоял у постели соседа. Широкоплечий, с густыми черными усами, с повязкой на голове он напоминал арабского халифа.

— Майор Мирзоян, вам никто не позволял вставать с постели! — воскликнул обескураженный хирург.

— Извините, доктор, я только на несколько минут.

— Здорово, Арам Шамирович!

— Здравствуйте, Владимир Ефимович! Спасибо, что не забываете. Разрешите лечь?

— Ложитесь. Здесь командует подполковник Мирзоян.

Арам лег.

— Да, выглядите вы не плохо. Что, снаряд разорвался рядом? — спросил Белов.

— Как видно, я для врага удобная мишень, быстро меня замечают, — улыбаясь, ответил раненый.

— А зачем же вы сами пошли в атаку? Место командира батальона — на командном пункте, а не в цепи атакующих.

— Критический момент боя настал, Владимир Ефимович. Хотелось быстрее вырваться на берег Вислы. Атака же развивалась не слишком энергично. Вот и не выдержал.

— Я ведь давно вас знаю: осторожный в разведке и горячий в бою. Ну да ладно, не будем ссориться. Выздоравливайте и возвращайтесь в дивизию.

...После отъезда Белова Арам заснул.

Почувствовав легкий аромат духов, Арам открыл глаза. В палату вошла медсестра Анна Павловна.

— Как самочувствие? — присаживаясь рядом, спросила она.

— Лучше.

— Доктор разрешил провести вас в перевязочную. Говорит, пусть начинает учиться ходить.

Когда сестра, держа Арама под руку, вошла в перевязочную, хирург широко улыбнулся.

— Анна Павловна, вы не считаете чудом, что наш больной уже ходит? Земляк, видишь, какая забота к тебе, — перешел он на армянский.

— Я очень благодарен, Григорий Амбарцумович. Анна Павловна стала мне родным человеком. Сколько бессонных ночей провела она у моей постели.

Сестра осторожно стала снимать повязку.

— Не больно? — часто спрашивала она.

— Да вы смелее, Анна Павловна! Слышали такую армянскую поговорку: «Пловец дождя не боится»?

— Нет, не слышала. Вы второй армянин, которого я знаю.

— Глядите, не влюбитесь в него!

— Э, Григорий Амбарцумович, не до этого мне.

Хирург начал осматривать раны Арама.

— Да-а, понемногу заживают. Приготовьте бинты и мазь, Анна Павловна. Я могу гордиться тобой, земляк. Долго тебя здесь не продержу. Если так пойдет дальше, через недельки две-три выпишу.

— Две-три недели? — вздохнул Арам. — А раньше нельзя?

— Да ты что, в своем уме?

Анна Павловна наложила мазь и начала осторожно перевязывать, поглядывая на стиснувшего зубы майора.

— Больно?

Арам не ответил.

Сестра вывела его из перевязочной.

— Легко мне сегодня дышится! И воздух такой необычайно ароматный.

3

В тот день медсанбат посетил командир дивизии.

— Как здоровье майора Мирзояна? — выслушав доклад командира медсанбата, спросил полковник.

— Плох был, но опасность уже миновала.

— Пойдем к нему.

Переходя из землянки в землянку, комдив находил ободряющее слово каждому раненому. Высокий, с веселыми синими глазами, он совсем не походил на грозного военачальника.

Старшая сестра бросилась в землянку к Араму. Услышав о приезде комдива, сидевший у него Евдокимов заторопился уходить.

— Останься, — попросил его Арам.

— Я отродясь комдива вблизи не видел, еще испугаюсь.

— Не уходи! Тебя он тоже должен увидеть.

В это время полковник с командиром медсанбата и хирургом уже вошли. Евдокимов застыл на своем месте, Арам не без усилий сел на своей постели.

— Здорово, гвардии майор, рад вас видеть! Выздоравливаете?

— Здравия желаю, товарищ полковник! Поправляюсь, только медленно.

— А вы, сержант, и есть Алеша Евдокимов? — приветливо спросил командир дивизии. — Ничего себе, даже меня обогнал ростом.

Полковник пробыл в медсанбате не больше часа — дела требовали его на командный пункт.

— Слава тебе господи, — облегченно вздохнул хирург, — пронесло благополучно: никто не получил нагоняя. Много еще бед свалится на мою бедную голову из-за моего земляка. Начальник разведки, командир дивизии, а может, завтра сюда нагрянет сам командующий армией?

...Хирург очень тепло относился к своему земляку. Правда, с такой же душевностью он заботился о каждом раненом.

— Ну, земляк, скоро тебя выпишем, через каких-нибудь семь-восемь дней, — сказал он однажды во время очередного осмотра.

— А вы не боитесь, что я получу разрыв сердца? Перед кем вы тогда будете держать ответ? Если еще два дня продержите, напишу жалобу. Так и знайте, Григорий Амбарцумович.

Хирург тяжело вздохнул.

— Что с вами, Григорий Амбарцумович?

— Десять дней прошло, а все не могу отправить в Армению это извещение о смерти. Вы знали его? — врач протянул фотокарточку.

С фотокарточки смотрели двое.

— Если не ошибаюсь...

— Да, вначале был командиром вашего батальона, затем его взяли в штаб дивизии. Не успел оказать помощь — скончался.

Арам узнал жену погибшего майора — черноглазую женщину, которую случайно видел на митинге, когда приезжал на родину.

— У майора есть дети?

— Да, двое. Вот их фотокарточка. Смотрите, какие славные ребята. Бедная женщина, ведь ждет-не дождется письма. Не могу я отправить ей это извещение.

— Это ваш долг.

Лежа в полутемной палате, Арам долго думал о погибшем майоре и его черноглазой жене. Заснул только под утро.

А днем в санбате поднялся переполох: исчез гвардии майор Мирзоян.

Старшая сестра Анна Павловна нашла под его подушкой записку: «Никого не вините. Я больше не могу оставаться здесь. Большое вам спасибо, Григорий

Амбарцумович и Анна Павловна! Я вас никогда не забуду. Будьте здоровы! Всегда ваш Арам».

4 Переполох в медсанбате продолжался. Разгневанный хирург набросился с бранью на начальника караула. В это время его вызвали к телефону.

— Кто, черт побери? Нашли время...

— Из штаба дивизии, подполковник Белов...

Дрожащий от возмущения врач поднял трубку.

— Здравствуйте, Григорий Амбарцумович. Надеюсь, что в последнее время вы не очень заняты? Как поживает ваш земляк майор?

— Хорошо, только вот...

— Что?

— Удрал два часа назад, прах его возьми!

Белов звонко засмеялся.

— Я ведь говорил вам, товарищ подполковник. Предчувствие у меня какое-то было. Ну ладно, теперь его силком к вам не затащишь. Наверное, он уже в своем батальоне.

— Анархистов наказывают, я доложу комдиву.

— Может, обойдетесь без этого?

— Тогда сами и наказывайте его.

— Я обещаю вам...

Старший лейтенант Васильев, замполит и начальник штаба обсуждали неотложные дела, когда в блиндаж вошел Арам. От неожиданности все трое вскочили с мест.

— Ничего не спрашивайте, удрал из санбата, потому что уже могу вставать. Как дела?

— Топчемся на месте.

— Плохо!

— Ждем командира полка, — доложил начальник штаба.

— Как ребята, Берман, Нури, Нико?

— Легко ранены, но все в строю.

В блиндаж энергичной походкой вошел командир полка подполковник Кцоев. Майор Мирзоян доложил ему. Подполковник с изумлением смотрел на него.

— Вольно! Собирался вот проведать вас в санбате, товарищ майор, а вы уже здесь. Дайте дотронуться до вас: хочу убедиться, вы ли это? Тяжелораненый, и вот тебе на — через пятнадцать дней жив-здоров! Как это получилось?..

— Я уже чувствую себя хорошо. Оделся и улизнул.

Подполковник пристально посмотрел на командира батальона — бледное лицо, забинтованная голова, повязка на руке — и тяжело вздохнул.

— Ну ладно, за дело...

Начальник штаба подал командиру полка оперативную карту. Он долго изучал участок, по которому с боями должен был пройти батальон.

— Разведка выяснила — завтра снова возможны контратаки. Может, это и плохо. А послезавтра, — он указал пальцем на пригород, расположенный в южной части осажденного города, — надо ударить отсюда. Командовать батальоном будет старший лейтенант Васильев. Майор Мирзоян еще нуждается в лечении.

Вместе поужинали.

— Я еще поговорю с тобой, — шепнул на ухо майору подполковник. — Ах ты, мать честная, ну что я доложу комдиву?

— А зачем докладывать? Сам по себе со временем узнает.

— Еще спрашивает! Если не доложу, — не сносить мне головы. Может, тихонечко, без лишнего шума, обратно в санбат, а?

— Этого не будет, Вадим Кириллович.

— Не будет? А кто ответит полковнику?

— Я прошу...

— Ладно, черт с тобой, делай что хочешь...

Подполковник ушел. Арам попросил вызвать Бермана и Машкина.

Представились.

— Давайте-ка выйдем, ребята. Не будем мешать начальнику штаба.

— Ну, как, Саша, болит? — спросил он, обнимая за плечи Машкина.

— Ннет не бболит, ззапросто могу ссидеть.

— А как ты, Берман?

— Ничего, товарищ майор. Я вот думаю, готовимся к наступлению, а силы врага не прощупали.

— Мы об этом уже позаботились, Арам Шамирович. Есть приказ командира полка, завтра троих отправим на охоту,— доложил Васильев.

— Кто пойдет?

— Нури Алимджан, Нико, Берман.

— Согласен. А среди новичков никого нет?

— Двое из роты Дурдиева попросились. Один ваш земляк.

— С ними завтра поговорим. Ты чего молчишь, Саша?

— Я, товарищ майор, нне молчу. Только нникак не пойму, чем я не угодил старшему лейтенанту Васильеву?

— Это ты зря! Новичков поведешь. У Васильева, пожалуй, во всем батальоне нет такого друга, как ты.

Когда машина подполковника Белова остановилась у блиндажа командира дивизии, на небе замигали первые звезды.

— Присаживайся, дружище, вместе поужинаем, — сердечно приветствовал его Музыкин. — Что нового?

— Новостей много, Михаил Максимович. Вам известно, что майор Мирзоян...

— Что? — изумился комдив. — Это точно?

— Совершенно точно.

— Удрал говорите?

— И письмо оставил. Чтобы никого не винили.

— Как вы к этому относитесь?

— Этого армянина надо понять.

— Но ведь он был в очень тяжелом состоянии.

— Это не первый случай. Я-то хорошо его знаю.

— Бедный подполковник! Представляю, каково ему. Чтобы армянин провел армянина! Григория Амбарцумовича не так-то легко надуть. Да и майора надо понять. Скажите, а Кцоев знает об этом?

— Майор уже доложил ему.

— Надо позвонить, предупредить его.

Командир полка тут же ответил:

— Были в батальонах? Только что вернулись? Все в порядке? Какие новости? Никаких? Состояние майора Мирзояна все тяжелое, он, наверное, долго пролежит в санбате? Завтра прими нового. Утром пришлю.

Подполковник тяжело вздохнул в трубку.

— Что с вами, Вадим Кириллович? — улыбаясь, спросил комдив. — Что? Майор вернулся? Может, вам показалось? Даже пощупали его? Что же собираетесь делать? Не знаете? Пусть примет батальон и командует, раз сбежал из санбата.

Комдив весело посмотрел на начальника разведки.

— Хорошо армяне воюют! — похвалил командир дивизии. — Геббельс не зря говорил: хотя армяне и арийцы, они заклятые враги немцев...

Фашистская армия таяла под ударами перешедшей по всему фронту в наступление Советской Армии. Река Мендзижец вышла из берегов. Прорвавшись к реке, части польской армии яростными атаками преграждали путь отступавшему врагу. Поляки стремились окружить разрозненные немецкие подразделения, отступившие к реке, а батальон майора Мирзояна обрушил огонь на район переправы, преследуя по пятам обезумевших от страха фашистов. Надеясь вывести свои подразделения из окружения, немцы не взорвали переправу. Решительной атакой батальон Мирзояна захватил переправу. Рота Дурдиева первой перешла реку, и вскоре батальон уже вел бой в окрестностях города Мендзижец.

Подполковник Кцоев не поверил своим ушам, когда Арам доложил ему об этом по телефону.

— Что? Сражаетесь в южной окраине города? Переправа находится под контролем вашей роты? Ах, ты сукин сын! — не удержался подполковник от любимой поговорки, часто означавшей похвалу действий подчиненного. — Закрепляй позиции! Высылаю тебе на подмогу артдивизион и две стрелковые роты.

Воля врага была сломлена. Над осажденным городом повисли наши бомбардировщики. Арам снова повел свой батальон в атаку.

В полдень гул орудий удалялся от города. Вошедший в него первым батальон Мирзояна получил кратковременный отдых. Над старинным городом загудели колокола, на пустынных улицах, где все еще дымились дома и подбитые танки, появились люди. Женщины плакали, обнимали своих освободителей. Над городской

ратушей взвились флаги: польский и советский. Полковник польской армии на глазах тысяч людей обнял майора Мирзояна.

Прибывший в город командир полка выразил благодарность Араму.

— Успех боя обеспечен ротой старшего лейтенанта Васильева, — сказал комбат.

— Ты что делишь лавры с другими? — засмеялся командир полка.— Вижу, что все дрались хорошо. До вечера оставайся со своим батальоном в городе: отдыхайте, приводите себя в порядок. Завтра догонишь нас.

При выходе из ратуши Арам столкнулся с хирургом Мирзояном. Обнялись.

— Поздравляю, майор, с победой!

— Я вам очень благодарен за то, что вы снова не затащили меня в медсанбат.

— Что греха таить — хотел, только не посоветовали, — засмеялся подполковник.

— Как Анна Павловна?

— Ты ее можешь сегодня увидеть.

— К сожалению, едва ли, — вздохнул Арам. — Дел у меня по горло, — он достал из сумки две шоколадные плитки. — Передайте, пожалуйста, Анне. А Евдокимову прошу устроить генеральское угощение. Ведь его кровь течет в моих жилах. Вы представили его к награде?

— В тот же день.

Батальон получил новое пополнение и на рассвете оставил город. Колонна машин потянулась по пыльным дорогам к Праге — пригороду Варшавы на восточном берегу Вислы. Сидя рядом с раненным в плечо Алимджаном Нури, Нико утешал его:

— Ва, генацвале, не горюй! В Варшаве обженим тебя.

— Не забудь меня, генацвале! Нури не до свадьбы, — выпуская дым из ноздрей, сказал Машкин. — У меня, брат, в жилах течет польская кровь.

— Как это?

— Бабка моя была полячка, Василисою ее звали. Когда сердилась на меня, ругалась по-польски. Голос крови! Это ты имей в виду.

— Ладно, Сашка, первым женихом ты будешь. Только с одним условием!

— Согласен на любое.

— Кумом твоим я буду.

— Придумываешь, Сашка, — засмеялся Васильев. — Деду твоему и во сне полячка не снилась.

— Хочешь поклянусь?

— Болтаешь. Ну, чем ты будешь клясться?

— Головой Нико.

— Не зря тебя Сашкой зовут, — отозвался Нико.— Генацвале, а у тебя есть сестра?

— Хочешь зятем моим стать?

— Просто спрашиваю.

— Мои сестры все замужем, кацо. Вот не знаю только. понравится ли тебе моя двоюродная сестра?

— Хороша?

— Тебе в самый раз! Малость косит и хромая на одну ногу.

— Не хочу! — схватился за голову Нико.

Снова смех и шутки.

Гул приближавшегося фронта погасил улыбки на лицах бойцов. Машины остановились в небольшом лесу.

— Три часа мчались, — вон как махнули за одни лишь сутки! — заметил Алимджан Нури. — А у Мендзиженца столько топтались на одном месте.

— Это понятно, — ответил Нико, — пока волка не огреешь по голове, он не задерет ноги. Это тебе, генацвале, не первый год войны. Мы теперь можем совершить бросок и на триста километров.

— Верно все, только Гитлер не собирается преподнести нам Берлин на золотом блюдечке.

Постепенно сгущались сумерки, лес погрузился в темноту. Собравшиеся у командира батальона офицеры поздно разошлись по своим ротам. В полночь батальон занял свое место на передовой.

5

Тяжелые раздумья не давали покоя полковнику Музыкину: до Вислы рукой подать, видна уже в бинокль, но наступление застопорилось. Понесла тяжелые потери и польская армия, действовавшая левее. Стало известно, что у Вислы обороняется большая группировка вражеских войск. Прага превращена в мощный опорный пункт.

Едва батальон закрепился на достигнутом рубеже, Мирзояна и Васильева вызвали в штаб полка.

— Как ты думаешь, зачем? — спросил Арам.

— Наверное, понадобились. Вас-то понятно, а меня чего тащат?

Арам засмеялся.

— Значит, мы с тобой что-то натворили.

— Умираю, хочу спать: уже три ночи почти без сна.

Дежурный провел офицеров к командиру полка. Подполковник Кцоев, встретив офицеров, объявил, что его вместе с ними ждет командир дивизии.

Командир дивизии подозвал всех к карте. Объясняя по карте, он поставил перед ними боевую задачу.

— Вот Варшава, столица союзной нам Польши, а вот пригород Варшавы — Прага. Ваш батальон, майор

Мирзоян, проведет разведку боем. Очень нужно узнать, что у фашистов в Праге. Хорошо бы пробиться к берегу Вислы и посмотреть, какие возможности есть для форсирования. Вам придается танковая рота и две батареи противотанкового дивизиона. Батальон будут поддерживать два артполка — пушечный и гаубичный. Левее, в другом полку, с такой же целью будет действовать усиленная рота. Но Прага это не Мендзижец, бой будет ожесточенным. Можно ожидать разные сюрпризы, в том числе и сильные контратаки танков. Подробно с планом вас ознакомит начальник штаба и начальник разведки. Требую не выходить за пределы плана, если сверхплановые эксперименты будут связаны с большим риском. Вы, подполковник Кцоев, вместе с комбатом ответственны за подготовку батальона. Срок — двое суток. Боем буду управлять я с вашего наблюдательного пункта. Все ясно?

— Ясно, товарищ полковник, — ответил командир полка.

— Можете идти.

Разведка боем... Нередко велись такие бои для уточнения группировки войск противника и характера его обороны. Иногда такие действия переходили в общее наступление, если действия ведущих разведку боем были успешными и деморализовали противника.

Начальник разведки дивизии Белов прибыл в батальон. Организовав сеть наблюдательных пунктов, он вместе с командиром полка приступил к подготовке батальона к бою.

Разведка боем... Чудовищная тишина давила людей. Пожалуй, каждый понимал, что в таком виде боя побеждает тот, кто наиболее отважен и опытен. Здесь весь расчет на ошеломляющую внезапность, отчаян-

ную храбрость, решимость и инициативу каждого солдата. И поневоле участники предстоявшего боя думали о том, каков будет его исход, о доме и семье. Каждому хотелось возвратиться домой с победой. И все понимали: не каждому это суждено.

Глубокой ночью батальон с двумя противотанковыми батареями, соблюдая максимум осторожности и тишины, двинулся вперед. Танковая рота должна была вступить в бой после овладения первой траншеей врага, поэтому оставалась на месте.

Ночь дышала влагой и прохладой. Низко нависшие тучи едва не задевали верхушки деревьев. Время и погода были удачными.

И вдруг тишину ночи раскололи автоматные и пулеметные очереди. Грянули выстрелы противотанковых пушек. Словно откликаясь на их призыв, открыли сокрушительный огонь с закрытых позиций два артиллерийских полка.

В нескольких метрах от бруствера вражеских траншей батальон ринулся в атаку.

Над позициями фашистов взвились разноцветные ракеты. Гитлеровцы обрушили шквал огня на свою первую траншею, не считаясь с тем, что в ней их же солдаты вели рукопашный бой.

Артиллерия дивизии Музыкина, перенеся огонь на артиллерийские позиции, успешно давила огонь одного за другим вражеских орудий. Над позициями фашистов зарокотали наши ночные бомбардировщики. Отважные летчицы-женщины метко накрывали фашистов своими «конфетами».

Мирзоян, используя любую возможность для передвижения вперед, появлялся то в одной, то в другой роте. Он всегда был там, где требовалось вмешательство командира батальона.

На участке 257-го полка тоже начался жаркий бой подразделений, осуществлявших разведку. Постепенно он расширялся по всему фронту.

Не отходивший от телефонного аппарата подполковник Кцоев вздрогнул, услышав голос Арама.

— Батальон овладел первой траншеей, — докладывал тот, — прошу вводить танки!

— Молодцы, сукины сыны! — не сдержался на радостях командир полка. — Насчет танков доложу дяде! — пробасил он в трубку.

Полковник Музыкин, внимательно следивший за ходом боя, не ожидал доклада Кцоева. Он уже приказал:

— Танки вперед! Батальону развивать успех. Быть готовым к отражению контратаки. Огонь артиллерии перенести на третью траншею обороны противника и окраины города!

Не успел он передать трубку связисту, как небо озарилось ослепляющим светом: фашистское командование начало контратаку.

— Потери, какие потери? — неслось от Кцоева по проводу к Араму, когда комбат доложил, что контратака сорвана, противник отброшен и занята вторая траншея. — Что? Совсем небольшие? Ах ты, сукин сын! Молодец! Здорово! Что? Трое пленных? Один из них обер-лейтенант? Направляй их к Белову. Закрепляйся и высылай разведку к реке. К утру пробьюсь к тебе с главными силами. Дядя благодарит! Успехов тебе и твоим орлам!

Арам не доложил командиру полка о новом ранении. Он понимал, что покинуть батальон в таком тяжелом бою не имеет права.

— Старую рану задело, товарищ майор, — говорила медсестра, перевязывая руку. — Пуля прошла сквозь недавно зарубцевавшуюся рану.

— Ничего, ничего, ты только не говори никому!

Командир пулеметного взвода старший сержант Машкин растянулся на дне траншеи, отбитой у фашистов. Попросил у Нико закурить.

— Ей богу, я родился под с-счастливой звездой! Ведь эти га-гады осыпали нас градом пуль. И ни одна не за-задела!

— Ты у нас молодчага, как лев дрался, — подтвердил Нико.

— Поздравляю, товарищ старший лейтенант, — пожал руку Матвею Арам. — Твоя рота провела бой без потерь. Так редко бывает. Садись, теперь можно и подзаправиться.

— Это вы верно сказали.

Арам протянул ему фляжку.

— Наливай, герой.

— Неужто опять? — спросил Матвей, заметив на его руке повязку.

— Что опять?

— Ранило.

Арам засмеялся.

— Ничего страшного, Матвей Терентьевич. Потом, это не новая рана.

— Не понимаю!

— Что же тут непонятного? Пуля попала в старую рану.

— Твое здоровье, Арам Шамирович!

— Будь здоров, Матвей!

Выпили положенные сто граммов, закусили куском черствого хлеба с салом.

— Командир полка знает, что вы ранены?

— Не его это дело! И рана пустяковая.

— Ведь все равно завтра узнает.

— Ну и пусть.

6 На рассвете Арам отправил в штаб полка пленного обер-лейтенанта. Тот, изрядно струсив, сам предложил свои услуги, заявив, что выполнит любой приказ.

— Господин майор, я окончил специальную школу. Знаю английский, французский и русский. Готов отвечать на все ваши вопросы.

— Этим вы облегчите свою участь. Мы гарантируем вам сохранение жизни.

В штабе полка Белов, склонившись над оперативной картой, записывал данные о противнике. Пленный офицер располагал очень ценными сведениями.

— Я сжег за собой все мосты, господа, когда сдался в плен. Поэтому по мере сил и возможностей постараюсь быть вам полезным, — заверил он в конце беседы.

14 сентября 1944 года предместье Варшавы Прага была освобождена от фашистских захватчиков. Передав оборону на восточном берегу Вислы частям Первой Польской армии, дивизия Музыкина заняла исходный рубеж в междуречье Висла—Западный Буг для наступления на Варшаву.

Арам не знал, какие громадные силы сосредоточило советское командование для форсирования Вислы и освобождения Варшавы. Он лишь видел своими глазами, как закипел западный берег реки, где укрепились фашистские войска, от разрывов тысяч снарядов и авиационных бомб.

Где-то позади батальона все грохотало от канонады тысяч орудий. Казалось, их поставили одно к одному, ось к оси, на протяжении десятка километров, чтобы в укреплениях врага не осталось ничего живого.

Вместе с артиллеристами фашистские укрепления громили сотни бомбардировщиков и штурмовиков.

Авиаторы действовали, как говорилось на фронте, в 3 этажа. Почти над самым берегом с оглушительным ревом носились штурмовики. Они в упор расстреливали фашистов в траншеях, накрывали их дзоты и блиндажи ракетными залпами. Выше гудели огромные косяки пикирующих бомбардировщиков. Их могучие бомбовые удары обрушивались на штабы, узлы связи, артиллерийские позиции и резервы, которые фашистское командование пыталось подтянуть поближе к берегу. Еще выше мелькали стайки юрких истребителей. Они мгновенно набрасывались на фашистские самолеты, как только те пытались прорваться к нашим штурмовикам и бомбардировщикам или к восточному берегу, чтобы нанести удар по нашим войскам, изготовившимся к броску через реку.

Батальон Мирзояна разместился на лодках и плотах, замаскированных в прибрежных кустарниках. Ему предстояло первому прорваться к западному берегу Вислы и захватить там плацдарм для переправы всего полка.

Когда почти непроницаемая стена дыма и пыли поднялась на десятки метров над позициями фашистов, последовал приказ начать форсирование реки. Из кустарников показались лодки и плоты. Работая веслами, воины батальона заспешили к противоположному берегу. Артиллерия еще больше усилила темп огня, чтобы лишить врага возможности наблюдать за рекой и сорвать ее форсирование.

Арам находился на лодке, шедшей вслед за ротой Васильева, которая в этом бою действовала головной. Сидевший на корме телефонист разматывал бронированный кабель, чтобы сразу после высадки обеспечить связь батальона с восточным берегом. Рядом с ним двое радистов непрерывно «держали» радиоволну пол-

ковой рации, готовые немедленно связать комбата с командиром полка по радио.

Фашисты вяло отстреливались из уцелевших орудий и минометов. На глади реки то и дело вздымались гейзеры воды, поднятые разрывами вражеских снарядов и мин. Но неприцельный огонь не наносил урона батальону.

Когда до берега осталось не больше ста пятидесяти метров, вся наша артиллерия перенесла огонь на вторую линию траншей врага. Лодки и плоты с еще большей скоростью устремились вперед. Вот с них уже начали прыгать в воду и выбираться на берег первые группы бойцов. Крутой берег надежно прикрыл их от вражеского огня.

Как только вся рота Васильева оказалась на берегу, а две другие роты преодолели средину реки, Мирзоян доложил подполковнику Кцоеву по телефону:

— Головная рота готова к атаке для захвата первой траншеи. Остальные через пять минут будут на берегу. В атаку поведу сам. Разрешите начинать?

— Давай, дорогой! Сам особенно-то не рвись в пекло. Как только захватишь подходящее место для своего командного пункта, оставайся там и управляй боем. Командиры рот справятся со своими задачами.

— Слушаюсь!

Пока комбат докладывал Кцоеву, остальные роты достигли берега. Передав трубку телефонисту, Мирзоян подал команду:

— Цепью в линию взводов, вперед!

Быстро рассредоточившись в цепь, бойцы и командиры батальона начали карабкаться наверх.

Как бы ни была сокрушительна артиллерийская и авиационная обработка заблаговременно подготовленной обороны врага, она никогда не способна истребить всю его живую силу и огневые средства. Едва наши артиллеристы перенесли огонь в глубину обороны, в первой траншее одна за другой начали оживать огневые точки. И когда подразделения батальона оказались наверху, фашисты обрушили на них огонь из всех уцелевших дзотов.

Только стремительная атака и отвага каждого воина могли обеспечить захват плацдарма. И по команде Мирзояна батальон ринулся вперед.

Ведя огонь короткими очередями из автомата, майор бежал в цепи батальона. Увлеченные его бесстрашием, бойцы и командиры неудержимой лавиной приближались к первой траншее врага, развороченной снарядами и бомбами. В дзоты и уцелевшие участки траншей полетели гранаты. Вслед за взрывами в траншеи прыгали солдаты. В скоротечной рукопашной схватке они добили гитлеровцев.

— Не останавливаться! — крикнул комбат. — Атаковать вторую траншею!

Подразделения снова бросились вперед. До второй траншеи им предстояло пробежать около трехсот метров. Пробежать под огнем — некоторые пулеметные дзоты ожили и там. Арам решил действовать вместе с бойцами рот до захвата второй траншеи. «Там остановлю батальон до подхода полка, — думал он. — Там и командный пункт расположу».

Сердце его готово было выпрыгнуть из груди. Не только от стремительного бега и напряженного, хотя и скоротечного, боя, но и от сознания того, что боевая задача будет выполнена: плацдарм уже завоеван! Он будет достаточен для развертывания всего полка!

Но почему вдруг померкло солнце? Будто кто-то обрушил на голову майора пудовый кулак. Зашатался он, потемнело в глазах.

— Вы ранены товарищ майор? — крикнул Нико.

— Держи меня покрепче. Воды...

Нико поднес к запекшимся губам фляжку.

— Помоги мне пройти несколько шагов... Еще воды! Вот теперь я тебя вижу, — майор вытер окровавленное лицо. — Голову разламывает, — он провел ладонью по лицу. — Вроде не ранен.

По лицу майора обильно текла кровь.

— Вас надо в укрытие, товарищ майор.

— Нет. Вперед! Санинструктора ко мне. Бинт найдется?

— Найдется.

— Сними с меня каску и перевяжи быстрее.

От удара по каске не то осколком, не то камнем раскрылась еще непрочно зарубцевавшаяся рана на голове. Подбежавший санинструктор намочил вату в йоде, приложил к ране, забинтовал наскоро голову.

Надев каску, майор снова попросил воды. Силы его восстанавливались.

— Теперь догнать наших!

— Товарищ майор, нельзя вам.

— Слушай, что тебе говорят! — вспылил комбат.

Вот и окраины польской столицы. Повсюду трупы, подбитые танки. И радостные возгласы бойцов батальона:

— Майор с нами, ребята! Бей гадов!

С разных направлений в город ворвались советские и польские дивизии.

В руинах Варшавы еще продолжался бой, когда полковник Музыкин приказал представить к правительственным наградам отличившихся воинов. Они

первыми форсировали Вислу, первыми ворвались в Варшаву.

Как только затих бой, к майору подбежала санинструктор Тая.

— Товарищ гвардии майор, теперь разрешите перевязать голову как следует.

— Действуй, Таечка.

Очистив рану и перевязав голову чистым бинтом, Тая поцеловала майора в лоб.

— Поздравляю вас, товарищ гвардии майор, с большой победой! И с тем, что вы остались живы.

— Можно еще раз, Таечка? — смеясь, спросил Арам.

Смутившаяся девушка убежала.

7 Необъятная Советская страна, покрытая кровавыми ранами войны, перенесшая столько потерь, ценой огромных усилий всего народа обеспечивала наступавшие армии всем необходимым для того, чтобы сломить врага, поставить его на колени. Для фронта день и ночь самоотверженно трудилась Москва, прорвавший блокаду Ленинград, могучий Урал, глядящий на Арарат Ереван, нефтяной Баку, раскинувшийся на берегах Куры Тбилиси, хлебный Ташкент, все необъятное государство. В массовом героизме на фронте и самозабвенном труде в тылу проявлялась единая воля народа к победе.

Подлинные хозяева фашистской Германии — некоронованные короли промышленного и банковского капитала — с ужасом переставляли флажки на огромных картах, развешанных на стенах их фешенебельных кабинетов. Фронт перемещался на запад с такой непостижимой быстротой, что кровь стыла в жилах этих господ. Еще неделю назад изолгавшийся Геббельс сво-

им лающим голосом верещал на всех перекрестках Германии, что Висла станет неодолимым барьером на пути советских войск, а, накопив силы и получив в свои руки новое оружие невиданной мощи, немецкие армии сами перейдут в наступление. И вот цена заверениям пресловутого лжеца!..

Генерал Гофман, в штабе которого некогда бывал сам фюрер, с содроганием вспоминал советского разведчика, на спине которого по приказу начальника гестапо были вырезаны фашистская свастика и пятиконечная звезда.

Его начальник штаба полковник Штульц, кажется, навсегда потерял покой и уравновешенность. Он осунулся, побледнел, глаза его потускнели. Он получил полное упреков письмо жены и неоплаченный чек на двадцать тысяч марок, скрепленный печатью и подписью «совладельца» бухарестской фирмы теплой одежды: чек оказался недействительным.

Корпус Гофмана, разгромленный в боях за Варшаву, спешно отступал к Шнайдемюлю. Он получил приказ самого фюрера: остановить наступление Советов у крепости на немецко-польской границе. Генерал Гофман прочитал этот приказ с горестным вздохом. Багровое зарево, тяжелый запах горелого железа и опаленной земли будили его по ночам.

Отто Штульц находился в каком-то оцепенении. Капитан из отдела тыла вручил ему газету, напечатанную в Варшаве. На первой странице он увидел обращение за подписью ста одного пленного солдата и офицера к немецкой армии прекратить войну, сложить оружие. «Обычная советская пропаганда»,— подумал Штульц. И вдруг его опустошенная душа словно рассталась с телом. Он не поверил своим глазам: на странице газеты были напечатаны портреты нескольких

советских солдат и офицеров. Подпись гласила, что это — герои боев за освобождение Варшавы. Среди них — румынский офицер Георгис Григореску в форме советского майора.

— Узнали, господин полковник? Это же Георгис Григореску, сынок того румынского фабриканта...

— Что вы хотите этим сказать? — резко прервал его полковник.

— Ничего, просто так, — вытянулся капитан.

— Идите, я жду генерала.

Полковник Штульц с тяжелым вздохом нащупал в кармане кителя фальшивый банковский чек, который вернула ему жена.

«А он еще обещал вчетверо больше, — вспомнил Штульц. — Какое издевательство!»

Штульц брезгливо отодвинул газету. В это время вошел Гофман.

— Чем это вы заняты? — мрачно спросил он.

Полковник молча протянул ему газету.

— Кажется, это ваш друг, полковник? Попадись он мне в руки!.. Гвардии майор, — прочел он. — И не русский.

— Армянин.

— Армянин? Мстит нам, сатанинское отродье. В годы первой мировой войны я бывал в армянских районах Турции. Видел армянские погромы. В то время я был очень молод и даже сочувствовал этой нации. А сегодня... Истреблять их надо! Всех до одного! — с животной злобой прохрипел генерал.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Немецкая земля...

Заря окрасилась кровью. Обезумевшие от страха перед неотвратимым возмездием, отравленные ядом фашистской пропаганды, немецкие дивизии продолжали яростное сопротивление с упорством обреченных.

В то время город Шнайдемюль на немецко-польской границе, а ныне город Пила на польской земле, представлял собой важнейший узел дорог, ведущих в глубь Германии. Учитывая оперативное значение этого направления, немецко-фашистские войска заблаговременно превратили город в полевую крепость. Сам Гиммлер как командующий группой армий «Висла» возлагал большие надежды на Шнайдемюль. Он считал, что здесь удастся задержать наступление советских войск.

Наблюдая за полем боя с командного пункта, Арам запомнил этот рассвет на всю жизнь. Невероятная по силе артиллерийская подготовка, в ходе которой одновременно вели сокрушительный огонь тысячи орудий и минометов от самого малого калибра до таких громадин, каждый снаряд которых весил по несколько пудов, подняла над позициями врага гигантскую

стену пыли и дыма. В этой зловеще черной стене ударами молний одновременно вспыхивали тысячи разрывов снарядов. Налетевшие целыми полками краснозвездные бомбардировщики и штурмовики ныряли в высоченную стену дыма и пыли, обрушивая свои могучие удары по резервам, танкам и артиллерии, штабам и узлам связи врага, парализуя его волю к сопротивлению, окончательно дезорганизуя управление войсками. Эти удары артиллеристы, минометчики и авиаторы наносили с особым чувством беспощадного мщения: развертывался первый бой на земле проклятой фашистской Германии.

В душе Арама все ликовало от бурной радости: его батальону предстояло в числе первых ступить на землю врага и жестоко покарать его за все страдания советского народа, причиненные гитлеровским зверьем. «Вот теперь, мерзкие гады, и вы познаете, что такое война, которую вы навязали народам всей Европы,— думал он.— Ответите нам за все бесчисленные преступления, совершенные вами на нашей земле».

Раздался громовой рев десятков батарей «катюш»— сигнал к общей стремительной атаке. В небо взвились красные ракеты.

— Вперед! — продублировал по телефону команду Арам.

Выскакивая из траншеи, бойцы батальона бросились к позициям врага, еще не пришедшего в себя от бушевавшего больше двух часов огня артиллерийской и авиационной подготовки.

Не в силах противостоять неудержимой лавине советских войск, разгромленные фашистские дивизии откатывались к Шнайдемюлю. И хотя колченогий Геббельс с пеной у рта продолжал верещать о готовящем-

ся новом наступлении, никто из гитлеровских вояк этому уже не верил.

Дивизия полковника Музыкина, преследуя с боями отходившие части противника, вышла на подступы к городу 10 февраля 1945 года. Штурм города с ходу оказался безуспешным. Город был окружен. Гарнизон немецко-фашистских войск численностью до восемнадцати тысяч человек под командованием «старого знакомого» Арама — генерала Гофмана — оказался отрезанным от основных сил гитлеровцев, оборонявших подступы к Одеру.

Дважды в течение трех дней Гофман пытался вырваться из окружения. Для этого он обрушивал удары своих войск то в западном, то в северо-западном направлениях. Но части дивизии вместе с танковой бригадой полковника Коростий сорвали замыслы гитлеровцев и отбросили их в исходное положение.

В этих ожесточенных боях, где успех часто решался в рукопашных схватках, особо отличился 1319-й стрелковый полк. За геройский подвиг в боях за Шнайдемюль командиру полка полковнику Кцоеву было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В составе полка отлично действовал первый штурмовой батальон майора Арама Мирзояна

На подразделения Мирзояна навалились два батальона фашистов-монахов из монастыря «Святая Мария». Видно, плохи были дела фашистских заправил, если они поставили под ружье даже монахов. Более семисот этих головорезов в черных сутанах со знаками свастики на груди, издавая звериные крики, бежали за танками и прорвались к позициям батальона. Но солдаты, подбив танки, неудержимой лавиной бросились в контратаку.

Разгорелся яростный рукопашный бой. На гитлеровцев в сутанах обрушились удары прикладов автоматов и карабинов, малых саперных лопат. В ход пошли штыки и ножи, ручные гранаты. Скрежет боя и стоны раненых то и дело перекрывал голос комбата:

— Бей, долгогривых! Отучим их не только воевать, но и в кирхах народ обманывать!

«Дети святой Марии» не помогли генералу Гофману. Они были разгромлены. Лишь единицам из них, задрав сутаны, удалось убежать. Если бы знал генерал, что его «святых отцов» разгромил батальон того самого «Григореску», который испортил ему столько крови в ту незабываемую зиму в донских степях!

Арам был доволен действиями подчиненных. Только большие потери в батальоне — тридцать пять убитых и более восьмидесяти раненых солдат и офицеров — лежали тяжелым грузом на сердце этого отважного командира, чуткого товарища и друга своих воинов.

Разгромленные фашистские части откатывались в оборонительные сооружения, оборудованные в каменных домах окраин города.

Колченогий Геббельс с пеной у рта продолжал верещать о стойкости и исключительной боеспособности гарнизона Шнайдемюля. Но никто из фашистских вояк не был уверен в завтрашнем дне.

Вторая попытка прорыва гитлеровцев была также безуспешна, хотя и предпринята она в другом направлении.

13 февраля во второй половине ночи корпус Гофмана попытался в третий раз вырваться из окруженного города. На этот раз направлением прорыва было асфальтированное шоссе, идущее вдоль железной дороги на Данциг.

Замысел генерала был бесчеловечным, варварским. Впереди его войск, подгонямые штыками, шли немецкие же дети, женщины и старики — больше пяти тысяч человек. Их заставили прикрывать собой танки, самоходки, автомашины, артиллерийские орудия, пехоту. Фашистское командование рассчитывало, что советские войска не откроют огонь по мирным жителям и корпусу Гофмана удастся вырваться из окружения.

В 3 часа ночи, освещаемая с тыла фарами автомашин и прожекторами, установленными на автомашинах, сопровождаемая воплями женщин и плачем детей, колонна стала приближаться к позициям частей дивизии Музыкина.

Командир дивизии заранее получил сведения о замысле фашистского сатрапа Гофмана. За первую половину ночи он сосредоточил на этом направлении 120 пушек и гаубиц, 2 батальона танков и 5 стрелковых батальонов.

Нелегко было полковнику решить, каким образом вести огонь, чтобы избежать жертв среди гражданского населения и не допустить прорыва фашистов.

Первой открыла огонь гаубичная артиллерия, нанося удары по глубине колонны. Женщины и дети, увидев позади себя разрывы снарядов, бросились врассыпную. Они прятались в кюветах, за насыпью железной дороги, за деревьями. Так открылась головная колонна фашистских войск. По ней немедленно открыли огонь орудия, стоявшие на прямой наводке, и вся артиллерия, привлеченная к этому бою. Главный удар артиллеристы сосредоточили на боевой технике врага.

В течение часа колонны корпуса Гофмана были расстроены, разорваны на части и разгромлены. Деморализованных гитлеровцев добили батальоны 280-го

стрелкового полка и танки полковника Коростий. Велики были потери и наших частей — гитлеровцы рвались вперед с упорством обреченных.

В результате этого боя фашистский гарнизон Шнайдемюля перестал существовать. Более четырех тысяч гитлеровцев было убито и ранено и до восьми тысяч взято в плен только дивизией полковника Музыкина. Лишь генералу Гофману и части офицеров его штаба удалось удрать на самолете.

14 февраля над городом начали реять советский красный флаг и государственный флаг Народной Польши.

Батальон Мирзояна после Шнайдемюля вместе с частями 185-й стрелковой Краснознаменной ордена Суворова Понкратовско-Пражской дивизии сражался за Альтдамм, крепость Кольберг, за многие другие населенные пункты исконной польской земли. Во всех боях Арам оставался отважным солдатом, верным сыном Советской Отчизны.

2 Дивизия полковника Музыкина, продвигаясь с боями вперед, готовилась форсировать Одер в составе ударной группировки войск 47-й армии. 1319 стрелковому полку полковник приказал первому выполнить эту трудную боевую задачу. Передовым батальоном полка опять, как это уже не раз случалось раньше, был батальон Мирзояна.

Прикрытые мощным артиллерийским огнем и небольшим плацдармом, саперы за ночь перекинули через реку понтонный мост. Как только было закреплено последнее звено моста у противоположного берега реки, по нему вперед устремился батальон Мирзояна. Выскочив на противоположный берег, подразделения

батальона вступили в бой, расширяя плацдарм для частей дивизии.

Немало случайностей было на фронтах почти за четыре года войны. Одна из них произошла и западнее Одера. Рота Дурдиева захватила в плен уцелевшую часть штаба Гофмана. Вместе с полковником Штульцем офицеров штаба привели к командиру полка. Поблизости находился и Мирзоян.

— Знакомых твоих привели,— весело крикнул полковник Кцоев Араму,— иди принимай гостей.

Штульц еще издали узнал своего «румынского коллегу» и задрожал от страха и злости.

— Господа фашистские вояки, советское командование гарантирует вам сохранение жизни. Никто не будет истязать вас, — мрачно произнес Арам, повернулся и пошел прочь, не желая смотреть на выродков.

Вдали на горизонте угасало солнце. Густой туман и вечерние сумерки спускались на Одер.

3 Тридцать километров отделяло фронт советских армий и Первой Польской армии генерала Поплавского от Берлина. Давно уже сопротивление фашистских войск стало совершенно бессмысленным кровопролитием. Однако Гитлер продолжал бросать в сражения все, что осталось от некогда могучей армии.

Фашистскую Германию ждал полный крах. Предстоял завершающий штурм Берлина.

Дивизия полковника Музыкина наносила удар севернее Берлина, по населенному пункту Бернау. Она имела задачу обойти Берлин с севера и западнее его соединиться с войсками Первого Украинского фронта, наступавшими с юго-востока также в обход фашистской столицы.

В ожесточенном бою за Бернау случилось так, что батальон Мирзояна был отрезан от основных сил полка. Заняв круговую оборону на западной окраине Бернау, он оказался в тылу врага.

Не имея связи с командиром полка, Арам решил с небольшой группой солдат и офицеров произвести личную разведку и разобраться в обстановке.

По заброшенной канализационной трубе большого диаметра смельчакам удалось проникнуть в расположение обороны фашистов. То ли фашисты забыли об этой давно бездействовавшей трубе, то ли в растерянности от неотвратимо надвигавшегося разгрома перестали соблюдать необходимые предосторожности, но разведчики прошли в тыл врага без помех. Правда, у одного люка с металлической лестницей они неожиданно наткнулись на двух солдат, вероятно, охранявших люк, а может быть, забравшихся в него от бомбежек и артиллерийского обстрела. Гитлеровцы были настолько ошеломлены появлением советских воинов, что не успели открыть стрельбу из автоматов. Одного из них разведчики прикончили ударом ножа, второй, посинев с перепугу, бросил автомат и поднял руки.

— Господа, не убивайте меня! — заверещал он. — У меня жена, двое детей. Как же они будут жить без меня?

— Ишь, гад, детей и жену ему жалко, — возмутился Васильев. — Небось, наших пленных расстреливал, не спрашивал, кто вырастит их детей.

По хмурым лицам разведчиков пленный заметил, что ссылаться на детей и жену, видимо, не главное средство остаться живым. И он решил воспользоваться иным средством, полагая, что оно, вероятно, окажет бо́льший эффект. Обращаясь к Араму, который, как

он понял, был старшим в группе, пленный зачастил снова:

— Господин офицер, умоляю вас не убивать меня! Вы не раскаетесь в том, что оставите меня живым. Для меня война уже закончилась, а вам я могу быть очень полезным. Я могу сообщить такие сведения, которые покажутся вам даже невероятными. И все же они — не фантазия. Только не убивайте меня! Я, ефрейтор Данш, клянусь вам, что вы будете довольны моими сведениями.

— Вот это уже деловой разговор, — прервал его Арам. — А болтовню о том, что вам обязательно нужно остаться живым, прекратите, надоело. Никому ваша жизнь и не нужна. Где мы и что находится наверху?

— Мы под двором отеля, — ответил пленный. — До него отсюда двести метров. Но само здание разрушено, а в его подвале размещен штаб двенадцатой зоны обороны Берлина. Там есть большие начальники.

— Куда же вы проведете нас?

— К офицерской уборной, господин офицер, — ответил пленный. — Она охраняется только одним часовым, которого нетрудно снять — я знаю, где он стоит. А в уборной вы сможете захватить офицера любого ранга. И никто не услышит: от штаба до нее больше ста метров.

— Ведите! И не вздумайте обмануть — сразу прихлопнем.

— О нет, господин офицер! Война для меня закончена, зачем мне умирать? Я не враг себе! Все будет в порядке.

Пройдя по трубе около трехсот метров, немец повернулся к Араму и приложил указательный па-

лец правой руки к губам. Арам понял знак. Подождав, когда все разведчики подошли вплотную, шепнул им:

— Теперь не дышать, фонарики не включать!

Своим фонариком, испускавшим через узкую прорезь плотной шторки едва видимую полоску света, он освещал дорогу, чтобы не натолкнуться на какое-либо препятствие. Впереди сверху показался едва видимый отсвет.

— Люк, — шепнул немец.

Арам выключил и свой фонарик. Разведчики неслышно подошли к железной лестнице, вмонтированной в кирпичную кладку люка. Немец шепотом объяснил майору, что люк расположен у сплошного забора, за углом которого стоит часовой. Офицерская уборная находится тоже за углом, в полсотне метров.

Бесшумно снять часового для опытных разведчиков оказалось минутным делом. Труп его бросили в люк. На место часового Арам поставил пленного с разряженным автоматом.

— Малейший шум с вашей стороны, — предупредил он его, — и вы никогда не увидите ни детей ваших, ни жены. Поняли?

— Понял, господин офицер, — шепнул пленный. — Мне надо жить, поэтому буду делать все, что прикажете.

В двух шагах от пленного за углом забора Арам поставил надежного разведчика.

— В случае чего, прикончите его. Понятно?

— Так точно, товарищ майор. И пикнуть не успеет.

Впереди маячил силуэт уборной. Сквозь щели в дверном проеме едва проникал тусклый свет. В десятке шагов от уборной находилась куча камней, ка-

кого-то строительного мусора. За этой кучей и притаились разведчики.

Прошло десять, двадцать минут, полчаса — никто не появлялся.

— Скоро уж светать начнет, — сердито зашептал Матвей, — проторчим здесь до утра бесполезно. Обманул нас фриц.

— Стоп! — успокоил его Арам. — Кто-то идет.

Из темноты, разговаривая, приближались двое. Не спеша, они вошли в уборную. Немного погодя за ними последовали Арам и Матвей. Хаджи встал у двери. Все это заняло меньше минуты. С завязанными сзади руками и кляпом во рту пленный вслед за Матвеем вышел из уборной. Арам замыкал шествие. Спутник пленного, очевидно, навсегда остался в уборной. Когда разведчики поравнялись с Данишем, тот застыл от удивления и, наконец, прошептал:

— О, господин полковник!..

Берман зажал рукой ему рот.

— Заткнись, тебе просто показалось.

Вскоре группа подошла к трубе.

— Следуйте за нами, другой дороги мы, к сожалению, не знаем, — сказал Арам пленному и первым спустился в трубу.

Обратный путь оказался удивительно легким и занял немного времени. Было далеко за полночь, когда дежурный офицер разбудил задремавшего полковника Кцоева.

— Что случилось?

— Майор Мирзоян у микрофона, по важному делу.

«Вот чертовы сыны, — добродушно заворчал полковник, — и ночью спать не дадут».

Подойдя к рации, он спросил:

— Как у вас там, до утра продержитесь?

— Продержимся, товарищ первый, — ответил Арам.

— Ну, держитесь! Утром будем у вас.

— Товарищ первый, мы только что вернулись с охоты. Присмотрели тут кое-что. И Брандта прихватили.

— Что? Шутить изволите? Или испугались, оказавшись без нас? Я же говорю, держитесь! У нас уже все приготовлено. Рано утром встретимся.

Арам засмеялся.

— Нет, товарищ первый, проверил документы. Действительно, один из старых волков. Держу его у себя в подвале.

— Ну, держи до утра! Он еще понадобится. А кто взял его?

— Да ребята мои. Васильев и Дурдиев были.

— Ах ты, сукин сын!— сиял от радости командир полка. — Признайся, без тебя не обошлось?

— Да не обошлось, товарищ первый...

4

Брандта усадили на ящик от патронов в углу подвала, где разместился командный пункт Мирзояна. Арам вежливо предложил ему передохнуть.

— Если желаете кушать, — могу угостить.

Пришедший в себя полковник отрицательно покачал головой. Он вскинул глаза на Арама, потом перевел взгляд на Данша. Достал из позолоченного портсигара сигарету, жадно закурил и снова мрачно уставился на Данша. Тот невозмутимо тянул из кружки чай.

— Ты немец? — брезгливо спросил его полковник.

— Немец, господин оберст, два часа назад сдался в плен.

— Сдался?

— Так точно! Жить хочу...

Полковник Музыкин, разбуженный телефонным звонком Кцоева, тоже не сразу поверил в успех разведчиков. Утром, когда полк соединился с батальоном Мирзояна, комдив увидел Брандта на своем командном пункте, убедился, что это не выдумка. Он приказал Кцоеву немедленно установить, кто захватил такую важную птицу.

Через полчаса в батальоне появился офицер штаба полка. На его придирчивые вопросы старший лейтенант Васильев, сначала отнекивавшийся, наконец, ответил:

— Ну, было нас восемь человек. Разведкой руководил гвардии майор Мирзоян. Полковника брал он сам. А я успокоил сопровождавшего его капитана.

Через час Музыкин доложил о пленном командарму.

— Представьте отличившихся к наградам,— приказал генерал-полковник...

Командир дивизии побрился и приказал ввести пленного для допроса.

Брандт чувствовал себя прескверно: его, офицера такого высокого ранга, служившего даже в ставке Гитлера, взять в плен, да еще в таком месте. Позор!

— Вы нездоровы? — спросил командир дивизии через переводчика.

— Здоров,— буркнул тот. — Но мне кажется, что я вижу какой-то кошмарный сон.

— Какой сон? Вы находитесь в плену!

— Вероятно. Но как это бесчеловечно напасть в туалете...

— Весьма сожалею, — с улыбкой ответил командир дивизии. — Мы, русские, говорим — бывает и хуже.

Адъютант доложил о прибытии командующего армией и начальника разведки. Комдив пошел им навстречу, доложил.

— Поздравляю, — сердечно пожал ему руку генерал-полковник. — Садитесь.

— Позвольте и мне поздравить вас, Михаил Максимович, с такой крупной удачей, — сказал начальник разведки армии полковник Белов, пожимая ему руку. — Такое бывает не каждый день.

— Спасибо, Владимир Ефимович!

— А теперь перейдем к делу, — произнес командарм. — Начинайте, Владимир Ефимович.

Брандт предъявил свои документы, а также фотокарточку, на которой он был снят с Гитлером.

Белов мельком взглянул на фотокарточку.

— Вы знаете наше условие капитуляции, — сказал он. — Советское командование интересует вопрос: каковы планы фашистского командования. Сориентируйте нас по карте.

Пленный молчал.

— Вы, культурный человек, должны понимать, что дальнейшее кровопролитие бессмысленно.

— Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, — буркнул немец. — Вы должны знать — я давал клятву моему фюреру.

— Кому теперь нужна ваша клятва?

— Конечно, вам она не нужна. А завтра вы напишете в ваших газетах о том, как я был взят в плен.

— Может, и не напишем, — ответил Белов. — Это вас пугает?

— Как видно, в вашей армии пренебрегают законами войны. Офицер должен погибнуть на поле брани. А не подвергаться нападению в клозете...

— Оставим разговор о законах войны в покое! Он может быть очень неудобным для вас и вашей армии, — сказал Белов. — Ну, а если вы не желаете жить, мы можем передать вас в руки тому, кто совершил на вас нападение.

— Дайте мне оружие, господа, и я умру с честью.

— Это что же, ваше окончательное решение или просто разговор под настроение? Мы вам советуем: воспользуйтесь нашим великодушием, и вы будете жить. Конец войны не за горами. Вы, безусловно, знаете, фельдмаршала фон Паулюса. Мы можем устроить вам встречу с ним, и вы воочию убедитесь в том, что мы всегда выполняем свои обещания.

После долгого раздумья, вздохов и покашливаний, пленный вдруг сказал:

— Хорошо, я буду говорить. Но при условии, что отныне я не буду иметь никакого дела с тем страшным человеком, который напал на меня.

— Я думаю, ваше решение правильное. Давайте обстоятельно и серьезно поговорим. Это в ваших и в наших интересах,— сказал командующий армией.

Пленный располагал ценнейшими сведениями о характере обороны Берлина. Стало известно, что основные силы войск Гитлер сосредоточил на внутреннем кольце оборонительного рубежа. Выявилась возможность обхода Берлина по окраинам города, где фашисты имели только прикрытия из подразделений частей, разгромленных на Одере. Пленный сообщил также, что ставка Гитлера надеется на подход резервов

с юга и с севера, и соответствующие меры в этом отношении уже приняты.

Выяснив все, что его интересовало, командарм приказал отправить пленного в тыл, а сам уехал.

5 Когда Музыкин передал план Кцоеву и приказал взять его за основу при проведении операции «Коршун», тот попросил дать ему один день для уточнения некоторых данных и подготовки.

Комдив не возражал. Он только напомнил:

— Все должно быть продумано до мельчайших деталей, чтобы не допустить напрасных жертв.

Использовав показания пленного полковника, следующей ночью дивизия свернула свои боевые порядки и незаметно снялась с занимаемых позиций.

Предстоял рейд по тылам врага для выхода к Берлину с запада. Учитывая слабое прикрытие пригородов Берлина — Шельдова, Фронау, Дольгова и населенного пункта Науена, комдив решил овладеть ими, захватить в Науене правительственную радиостанцию, перерезать дороги, идущие из Берлина на запад и на север. После этого обеспечить выход Первой Польской армии на линию Ораниенбаум—Науен, соединиться с передовыми частями Первого Украинского фронта и, замкнув кольцо окружения Берлина, наступать на Шпандау, захватив его, развернуться на запад и наступать на Бранденбург.

К 29 апреля части дивизии после небольших боев за Шельдов и Фронау вышли к военному аэродрому Шпандау и были остановлены, встретив сильное сопротивление гитлеровцев. Фашисты стремились любой ценой удержать это направление, чтобы обеспечить вывод берлинской группировки войск в случае неудачного исхода боев за столицу. Дивизии предстояло

провести ряд боев местного значения, чтобы определить начертание основного рубежа внешнего оборонительного пояса Берлина с запада.

Арам и Матвей долго думали о внезапном захвате фашистского аэродрома. Рассчитывали, прикидывали, использовали данные наблюдения, а потом составили план и, получив разрешение, приступили к подготовке.

Операция «Коршун» сама по себе была несложной, но требовалось провести много предвходящих действий, чтобы обеспечить ее успех. Подготовкой руководили начальник разведки дивизии и командир полка, а действовал батальон Мирзояна.

Радостно было на душе Арама. После взятия в плен фашистского полковника его наградили орденом Красного Знамени. Награждены были и другие участники — Васильев и Дурдиев. Они получили и очередные звания: Матвей — капитана, Дурдиев — старшего лейтенанта. Старшинами стали Нико, Нури Алимджан и Берман. Ожидали приказа о присвоении звания младшего лейтенанта Машкину.

— Товарищ майор, надо бы обмыть это дело, — предложил Васильев.

— А ты не боишься разговоров сверхосторожных болтунов?

— А чего их бояться? Дальше передовой нас все равно посылать некуда.

— Согласен, давай! — усмехнулся комбат.

Повар раздобыл кусок отварного мяса, Хаджи — три банки тушенки.

— Ну, хлопцы, ваше здоровье! — поднял стакан Арам. — Отличные вы ребята. До сих пор не ударили лицом в грязь. Надо бы и эту операцию с аэродромом завершить успешно.

Расстались поздним вечером. Арам собирался лечь, когда дежурный доложил:

— Товарищ майор, прибыл новый замполит, Яков Зинков.

— Пусть войдет.

— Очень рад, в хорошее время прибыли, — осмотрев его документы, сказал Арам.

— Вы меня не помните, товарищ майор? — спросил Зинков.

— Мы с вами встречались?

— В Бресте, двадцать второго июня.

— Что-то не помню.

— Я тогда только прибыл в дивизию. Помните, во время танковой атаки к вам подошел?

— А это были вы? Вот так встреча!

— В тот же день меня перебросили в другую дивизию.

Помолчал, скрутил цигарку.

— Моя судьба сложилась трудно. Мы не попали в окружение, но нашу дивизию здорово потрепали немцы. В сорока километрах от Брянска меня тяжело ранило. Видите, рубец на лбу? Рана была глубокой, я ослеп, не видел целый год. Доставили меня в Баку, в Баиловский госпиталь. Еще при царе Николае построен. Думал, так и останусь слепым. После третьей операции прозрел. Выписали из госпиталя, дали трехмесячный отпуск. Деться некуда. Написали мне, что мать, две сестры, жена и сын погибли во время бомбежки. Явился к командующему фронтом, рассказал все, попросился в действующую часть. Назначили командиром батальона, а через неделю снова ранило.

— Да, на войне всякое бывает. Вы не голодны?

— Нет, сыт.

Помолчали. Замполит уснул. Лежа на спине, Арам долго не мог заснуть.

Немецкое небо было хмурым и тревожным.

6 Полковник Кцоев внес в план Арама свои коррективы, Музыкин утвердил его — подойти к аэродрому небольшими силами, захватить его, сохранить боевую технику и оборудование.

Задолго до рассвета Михаил Максимович Музыкин прибыл в батальон. Он решил побывать у бойцов, проверить, как они подготовлены к этой необычной операции, поговорить напоследок с комбатом.

Командир батальона не ждал комдива в столь ранний час. Но был очень рад тому, что он прибыл в батальон. По его приказу он вызвал на командный пункт всех командиров рот.

— Ну, майор, доложите-ка обстоятельнее ваш план.

— Я наметил пробраться к аэродрому со стороны кирхи. Видите, от аэродрома до кирхи всего один километр.

— А вы не боитесь наткнуться на засаду?

— Думаю, что у кирхи ее нет: это подтвердила разведка. В кирхе мы попытаемся переодеться. Если это удастся, вечером пойдем на аэродром, чтобы сменить состав караула. Должно получиться — проверили это показаниями пленных.

— А вы что думаете? — обратился комдив к командиру полка.

— Мне кажется, это единственно верный план.

— Вы тоже уверены, что не попадете в засаду?

— Уверен.

— А вы, капитан Васильев?

— Я целиком согласен с планом майора.

— Ну, орлы, ни пуха вам, ни пера! — сказал, поднявшись, Музыкин. Взяв командира полка под руку, он отвел его в сторону и сказал:

— Как только уйдет батальон Мирзояна, весь полк со всеми средствами усиления подтяните ближе к аэродрому. И будьте готовы к бою, если Мирзоян попадет в беду и не выполнит намеченный план. У меня тоже будет кое-что подготовлено. На всякий случай.

После отъезда комдива, Кцоев разрешил Мирзояну приступить к выполнению задачи. Попрощавшись, сказал:

— Пойду проверю готовность тех, кто будет поддерживать ваш батальон.

— Перейдем к делу, — начал Арам, когда остался с командирами рот. — Первое — без шума выйти к кирхе. Это будет опорный пункт батальона. Там остаются до сигнала основные силы. Для взятия кирхи не потребуется много сил. Этим буду руководить я.

— Товарищ майор...

— Что?

— Поручите мне это дело.

— Нет, капитан Васильев. Со мной пойдут Машкин, Берман, Нико, связной Вандунц и два пулеметчика.

Матвей вздохнул.

— Второй группой, — продолжал майор, — которая будет в пятидесяти метрах от нас, руководите вы, Матвей. Возьмете Нури Алимджана и двенадцать автоматчиков. Третьей группой будет руководить Хаджи Дурдиев, четвертой...

Приказ командира батальона привел в движение все роты.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Удивительная была ночь. С вечера монотонно лил дождь. Под утро будто кто-то стер невидимой рукой с нахмуренного неба последнее облачко, разбросал пригоршнями звезды. Когда появилась луна, младший лейтенант Машкин припал к земле.

— Плохо, товарищ ммайор, — зашептал он Араму.

— Ничего не поделаешь.

В небе непрестанно разгорались ракеты. Их игра казалась бесконечной. Но не раздавалось ни единого выстрела.

И вдруг вблизи, левее кирхи, зарокотал вражеский пулемет, вспыхнула ракета.

— Заметили? Разрешите открыть оггонь?

— Погоди, Саша, — зашептал Арам. — Надо правильно сориентироваться. Откроем огонь, тогда нам не прорваться.

Зловещую тишину снова прошили пулеметные очереди. Командир батальона понимал, что этот пулемет не позволит добраться до кирхи.

— Товарищ ммайор, — снова зашептал младший лейтенант. — Разрешите. Я расправлюсь с ним. Без шу-шума.

— Сколько у тебя гранат?

— Семь. И автомат захвачу. Но ппопробую без шума.

Машкин пополз. Боевые группы батальона лежали, прижавшись к мокрой прохладной земле. Мучительно медленно тянулись минуты.

Вражеский пулемет снова дал длинную очередь и замолчал. Переждали несколько минут. Ни выстрела, никакого шума. А что если немец хитрит? Почему Машкин не пустил в ход гранаты? Ответить на эти вопросы Арам не мог.

И вдруг из темноты раздался заикающийся шепот:

— Я здесь, товарищ ммайор. Пристукнул его, можно идти.

Группы ползком направились вперед. В серебристом свете луны кирха походила на замок. Достигнув ее, разведчики проверили все ее укромные места. Она была пуста. Арам поднялся с разведчиками наверх.

Одна за другой боевые группы прибыли в кирху. Командиры рот приказали бойцам подготовиться к бою и соблюдать абсолютную тишину, запретили курить. Узкие окна кирхи стали отличными бойницами.

Задолго до рассвета Арам связался по рации со штабом полка, доложил, что первая часть боевой задачи выполнена, потерь нет, лишь один легко ранен (шальная пуля задела Машкина, содрав ему кожу на ладони).

— Ах ты, сукин сын! — не удержался Кцоев. — Слышите, — обратился он к начальнику связи полка, — наш армянин уже захватил кирху! Всего в восьмистах метрах от аэродрома. Держать с ним связь непрерывно!

— «Сани», я «Изумруд», я «Изумруд», «Сани»... — забубнил радист в микрофон рации.

Забравшись на самый верх кирхи, Мирзоян посмотрел в сторону погруженного в полумрак аэродрома. Узкие стрельчатые окна давали прекрасный обзор всей местности. С юга доносились приглушенные расстоянием взрывы: наша авиация бомбила Берлин. А здесь, во всей округе, было тихо. Только в небе непрерывно лопались осветительные ракеты да где-то за аэродромом изредка начинал свою скороговорку то один, то другой пулемет.

Рассветало. Не отрываясь от бинокля, Арам продолжал наблюдение. Сверху все было видно как на ладони. Вот к аэродрому промчалась черная машина. Затем прошла колонна грузовиков. Казалось, все вокруг мирно и спокойно. И вдруг к аэродрому подлетели наши бомбардировщики. Зенитчики встретили их шквалом огня. Самолеты свернули в сторону.

— Вот это оборона! Машкин, ты засек огневые точки?

— Так точно, товарищ майор.

Координаты позиций зенитчиков полетели по радио в штаб Кцоева.

Неожиданно Арам увидел: к кирхе от аэродрома направляется группа офицеров, около полсотни человек.

— Вот уж не вовремя эти господа решили молиться, — проворчал майор. — Ну что ж, как говорится, нет худа без добра! Но где же найти пастора?

— А он здесь, товарищ гвардии майор, — ответил только что поднявшийся наверх начальник штаба капитан Захаров. — Полчаса назад обнаружили его в одном из отсеков подвала.

— Всем быстро вниз! — скомандовал Арам. — Здесь для наблюдения остаются капитан Васильев и старшина Вандунц.

Сапоги десятка людей застучали по ступенькам крутой винтовой лестницы.

— Весь состав батальона надежно упрятать в боковых пристройках, — приказал Мирзоян начальнику штаба. — И никаких следов нашего пребывания в кирхе! Отвечаете за это вы, товарищ капитан. Пастора ко мне!

Вандунц и Берман подошли к Араму.

— Товарищ майор, — доложил Берман, — пастора спрятали в подвал кирхи. Там он под надежной охраной. Больше никого нет. Говорит, что семья его неделю назад выехала в горы, к родственникам. Он остался один, чтобы продолжать службу.

— Неужели кто-то ходит сейчас в кирху? — спросил комбат.

— Ходят, товарищ майор. Почти каждый день — офицеры и солдаты с аэродрома.

— Грехи замаливать? Поздно спохватились! Об этом надо было думать много лет назад, когда Гитлера тащили к власти.

— В боковом приделе, товарищ майор, — вступил в разговор Вандунц, — мы обнаружили большой гардероб. Там полно церковной одежды — сутаны, какие-то кафтаны поменьше, куртки. Наверное, для попа и его помощников. Не знаю, как их называют, — послушники. что ли?

— А это мы с кафедры пастора взяли — библия и молитвенник, — добавил Берман. — Почитайте от скуки...

— Стоп, друзья! — прервал сержанта Арам. — Дайте подумать.

Все затихли, не догадываясь, о чем задумался их командир.

— Случайно, не спрашивали пастора, один он ведет здесь службу или бывает кто-либо старше его чином?

— Спрашивали, — ответил Берман. — Он говорит, что в последнее время к нему зачастили посланцы берлинской, как ее называют, — запнулся сержант, — ну, по-нашему, епархии. Приедут, проведут службу, призовут фашистских вояк отдать жизнь за фюрера и уедут. Только не в Берлин, а куда-то в сельскую местность.

— Показывайте, где эти самые сутаны спрятаны!

Арам шагнул к лестнице, которая вела с колокольни вниз. Недоуменно пожав плечами, Берман и Вандунц пошли за ним.

— Опять наш майор что-то придумал, — шепнул Вандунц сержанту.

— Похоже.

Через несколько минут в сопровождении ухмылявшихся Вандунца и Бермана на колокольню поднялся пастор в длинной черной сутане и шапочке. На серебряной цепочке на его груди висел крест. Все обомлели, глядя на суровое лицо священнослужителя. Он сам не выдержал, беззвучно рассмеявшись.

— То-то-вварищ м-майор, — больше обычного заикался Машкин, — в-вас т-т-трудно у-у-узнать!

— А ну-ка, хлопцы, куда дели библию и молитвенник? — спросил Арам. — Подберем подходящие страницы, может, пригодятся.

Кто-то подал ему книги.

— Товарищ майор, — тревожно заговорил Васильев, стоявший у ниши,— фашисты приближаются к кирхе. Судя по мундирам, все — офицеры.

— Много их?

— Да больше полсотни будет.

— Вот и может пригодиться наш маскарад. Службу веду я. Ты, Матвей, командуешь взводом, размещенном в боковом приделе кирхи. Вы, Берман и Вандунц, — на балкон хора...

За две-три минуты Арам четко разъяснил порядок действий всех, кто находился в кирхе.

— Все команды я подам с кафедры пастора. Задачи ясны?

— Ясны, товарищ гвардии майор, — ответил за всех Васильев.

— По местам!

На колокольне осталось лишь трое разведчиков для наблюдения за окрестностью. Все остальные заспешили вниз.

Через несколько минут в кирхе установилась чуткая тишина. На кафедре сидел пастор. Негромким голосом он читал библию, внятно и несколько протяжно произнося каждое слово...

Раскрылась широкая дверь кирхи. Сняв фуражки, в нее входили офицеры.

— Тс-с! — прошептал первый из них, подняв руку и повернувшись назад. Он заметил пастора, читавшего библию.

Офицеры, стремясь не шаркать ногами по полу, тихо рассаживались по скамейкам для молящихся, вытаскивали из карманов молитвенники и клали их перед собой. Пастор продолжал читать библию, даже не взглянув на вошедших офицеров. Его лицо, склоненное над кафедрой, было бесстрастным. Торжественный тон голоса пастора, полумрак раннего утра, царивший в кирхе, настраивал посетителей на тревожные раздумья, не оставлявшие их теперь ни днем, ни ночью. При всей своей фанатичности, они хорошо

понимали, что фашистская Германия доживает последние дни. И каждого терзала одна и та же мысль: что станет с ним, долго ли будет продолжаться эта проклятая жизнь между смертью и неизвестностью?

А пастор все так же бесстрастно продолжал вещать о страшных испытаниях, ожидавших людей на их тернистом жизненном пути. Вот он закончил чтение, приподнял тяжелый, окованный серебром переплет библии и с легким щелчком захлопнул ее. Поднявшись с кресла, он шагнул на первую ступеньку кафедры, направляясь к алтарю.

В ту же секунду из-за барьера балкона, возвышавшегося правее алтаря над стрельчатым окном кирхи, откуда давно уже не раздавалось стройное пение хора, поднялись двое. Наклонившись над барьером и размахивая противотанковыми гранатами, они кричали по-немецки, перебивая друг друга:

— Руки вверх! Встать! Не шевелиться, иначе бросим противотанковые гранаты!

Широкая дверь бокового придела с треском раскрылась. Из нее выскочили солдаты Васильева с автоматами наперевес и мгновенно рассыпались цепью от кафедры пастора до выхода из кирхи. Сам Матвей, тоже с противотанковой гранатой в поднятой над головой правой руке, вскочил на возвышение перед алтарем.

Пастор, не успев сделать второго шага по ступенькам небольшой лестницы, застыл на месте. Он смотрел то на тех двоих, что продолжали кричать с балкона хора, угрожая в любой миг бросить вниз массивные металлические цилиндры с рукоятками, то на оцепеневших офицеров, молча поднимавших вверх дрожащие руки, то на солдат, направивших свои ав-

томаты в его прихожан. Он снова поднялся на кафедру, молитвенно сложил руки и, чуть склонив к ним лицо, зашептал молитву. Потом окинул взглядом офицеров и произнес отрешенным голосом:

— Господа, что бы с нами не случилось,— все от бога. Я призываю вас не осквернить дом божий кровопролитием.

Офицеры, пугливо озираясь по сторонам и поглядывая на двоих, размахивавших противотанковыми гранатами с балкона хора, стояли с поднятыми вверх дрожащими руками. Наконец, старший из них, майор, крикнул:

— Перестаньте размахивать гранатами! Это же не игрушки!

К удивлению офицеров, пастор ловким движением сбросил с себя сутану и камилавку. На нем оказался китель офицера Советской Армии. Нагнувшись, он поднял автомат, лежавший у него где-то под столом кафедры, направил его на фашистов и скомандовал на русском, а затем на немецком языке:

— Отобрать личное оружие у офицеров!

Несколько солдат и сержантов прошли по рядам скамеечек. Отстегивая кобуры, они забрали у офицеров «вальтеры» и «браунинги», складывая их в сумки. Когда все офицеры были обезоружены, Арам приказал отвести их в боковой придел кирхи. Старшего по званию — майора — он оставил.

— Я отдаю должное вашей выдержке, господин майор,— обратился он к нему.— Все ваши коллеги будут жить. Так же мы поступим со всеми, кто находится на аэродроме. Если они не окажут сопротивления,— многозначительно добавил он.

Майор, понявший, что у него осталась лишь единственная возможность избежать смерти, выложил все,

что Мирзояну требовалось для захвата аэродрома. Через час у комбата был уже подробный план аэродрома, ангаров, расположение постов охраны и штаба, пароль для часовых.

2 Тьма окутала землю. Капитан Васильев спустился в кирху в тот момент, когда командир батальона примерял мундир майора фашистской авиации. Рядом стоял в мундире обер-лейтенанта Машкин. Еще больше двадцати бойцов и офицеров батальона заканчивали переодевание в форму немецких офицеров.

Вскоре все были готовы. Вновь организовав круговую оборону кирхи, Мирзоян повел свою группу, вооруженную автоматами и ручными пулеметами, к аэродрому. Впереди шли майор, капитан и обер-лейтенант. На их мундирах тускло поблескивали «железные кресты». С востока явственно доносились разрывы артиллерийских снарядов.

Через десяток минут раздался резкий окрик:

— Стой! Кто идет?

Арам понял: приблизились к первой линии постов охраны.

— Майор Штромайер, — ответил он. — Со мной команда летчиков и техников.

— Пароль?

— Одер.

— Проходите.

Подошли.

— Извините, господин майор: для пропуска команды требуется разрешение начальника...

В ту же секунду Матвей одной рукой зажал ему рот, другой вонзил в спину финку. Группа прошла вперед.

— Действовать бесшумно, без единого выстрела! Иначе мы не выполним главную часть боевой задачи,— предупредил майор.

Пришлось еще не раз повторить пароль, и каждый раз бесшумно расправлялись с часовыми. Без стрельбы удалось обезоружить и связать и бодрствующую смену в караульном помещении. Войдя в штаб в сопровождении Васильева, Нико и Машкина, Арам направился в комнату дежурного. Отлично помня план, он без труда отыскал ее.

Увидев майора с двумя офицерами, дремавший обер-лейтенант вскочил на ноги.

— Из ставки фюрера,— произнес Арам.— Немедленно проведите меня к начальнику аэродрома!

— Ваши документы, господин майор.

Арам протянул ему документы майора, взятого в плен в кирхе. В ту же минуту от удара капитана Васильева обер-лейтенант рухнул на пол, не вскрикнув.

Дверь в кабинет начальника аэродрома оказалась полуоткрытой. Арам твердым шагом вошел в кабинет, оставив Васильева и Машкина в коридоре. Кабинет был пуст. Арам устроился в кресле.

В коридоре послышались мягкие шаги. Вошел высокий человек с чисто выбритым лицом. Увидев в своем кресле майора, он в изумлении остановился.

— Позвольте, кто вам разрешил? — возмущенно произнес полковник.

— Пожалуйста, я вам не помешаю,— ответил Арам, направив револьвер в грудь хозяина кабинета.— Я представитель командования Советской Армии. Предлагаю вам сдать аэродром без сопротивления.

С автоматами в руках в кабинет вошли Васильев и Машкин. Увидев их, полковник рухнул в кресло, опустил голову. Машкин вынул из висевшей на ремне поверх кителя кобуры «вальтер».

— Господин полковник, — продолжал Мирзоян, — аэродром окружен, связь с Берлином прервана. В вашем штабе находятся офицеры моей части. Для сведения сообщаю, что еще днем полсотни ваших офицеров сдались в плен моим людям.

— Сдались? — мигая мутными глазами, спросил полковник. — Как же вы появились здесь? Ведь бой за Берлин продолжается.

— Об этом потом. Мы ждем вашего приказа.

— Какого?

— О немедленной сдаче аэродрома.

Полковник спутал седые волосы, отрицательно качнув головой.

— Такого приказа я не отдам.

— Господин офицер, даю вам десять минут на раздумье. Нам известно, что здесь проживают сотни семей офицеров, эвакуированные из Берлина. Вы хотите их гибели? Они погибнут вместе с вашими солдатами и офицерами, если мы начнем атаку.

— Нет, — повторил полковник, — такого приказа я не отдам.

— Будьте же благоразумны! Наши войска завтра завершат окружение Берлина. Зачем напрасно проливать кровь? Сила в наших руках, но я прошу вас, пощадите ваших же людей!

— Не надо меня убеждать. Разрешите мне перед смертью повидать жену.

— Где она?

— Через две комнаты отсюда.

— Пожалуйста, но только в моем присутствии.

Они вместе вышли из кабинета. Полковник подошел к двери, нажал кнопку звонка.

— У тебя ведь есть ключ, — послышался недовольный женский голос.

— Дорогая, я не один.

Дверь открылась. Молодая женщина в пеньюаре сразу все поняла.

— Госпожа, — обратился к ней Арам, — я советский офицер. Мы не желаем проливать кровь людей, которые могут остаться живыми. Мы можем сохранить жизнь всем, кто добровольно сложит оружие. Ваш муж отказывается передать нам аэродром без боя.

— Карл, милый, неужели ты хочешь, чтобы мы погибли? — уткнувшись в грудь полковника, зарыдала женщина. — Дай приказ, пожалей нас.

— Я не хочу быть предателем. Прощай, дорогая...

— Не убивайте его, он все сделает...

Полковник закрыл дверь и вернулся в кабинет.

— Почему вы напрасно теряете время? Я готов, стреляйте.

Арам молчал.

— Я не хочу больше жить!

— Как видите, господин полковник, я не спешу. Мы не убийцы. Ваш фюрер заставил нас убивать немцев, выполняющих его безумные планы завоевания мирового господства и порабощения всех народов.

— Не желаю ничего слушать! Я готов принять смерть.

В кабинет вошел капитан Васильев.

— Разрешите доложить, товарищ майор, караул в полном составе сдался в плен. Наши подразделения готовы атаковать зенитчиков.

Арам перевел доклад Васильева на немецкий язык. И также по-немецки добавил:

— На пять часов утра вызовите три полка бомбардировщиков для удара по аэродрому. За полчаса до налета разгромить зенитную оборону!

— Есть! — ответил Васильев и вышел.

— Гибель сотен людей будет на вашей совести, господин полковник, — продолжал убеждать Арам. — До удара нашей авиации остается час. У вас еще есть время, чтобы опомниться.

— Хорошо, — сказал полковник хриплым голосом. — Я согласен...

Через несколько минут в эфир полетела радиограмма: боевая задача выполнена полностью, потерь нет, в плен взято около трехсот солдат и офицеров, вошли в соприкосновение с врагом, вероятно, на внешнем кольце обороны Берлина.

Мощным ударом полки дивизии смели заслоны врага и вышли к внешнему обводу обороны Берлина с запада. Вскоре на аэродром подошел и бронетранспортер командира дивизии.

— Поздравляю! — крепко пожимая руку Мирзояна, сказал Музыкин.

На взлетной полосе выстроились разоруженные летчики и техники. Позади них стояла большая колонна зенитчиков и служб обеспечения. Тоже без оружия. Десятки самолетов, снаряженные бомбами, пушками и пулеметами, не поднялись в этот день в небо. И навсегда перестали быть носителями смерти и разрушения.

Среди пленных офицеров аэродрома не оказалось его начальника полковника Зильберта. Он покончил жизнь самоубийством.

З Под оглушительный грохот артиллерии дивизия продолжала наступление. Вот и северо-западные окраины Берлина. Вражеские войска сражались с тупым упрямством обреченных, когда даже самому безмозглому солдату, оболваненному фашистской пропагандой, стало ясно, что сопротивление абсолютно бессмысленно.

Полки Музыкина шаг за шагом продвигались вперед. Яростные контратаки издыхавшей гитлеровской разбойничьей армии захлебывались в крови. День и ночь горела, содрогалась, стонала земля.

Последние ожесточенные бои в районе Берлина, за Бранденбург и за выход к Эльбе. Сколько они принесли потерь нашим войскам! Сколько пало отважных воинов! Они прошли гигантский путь от Москвы, от Волги, от снежных вершин Кавказа до Берлина, не раз орошали своей кровью истерзанную боями землю и не дожили неделю, один день, один час, одну минуту до того благословенного мгновения, когда пришла долгожданная, выстраданная всем народом великая Победа.

Вот схватился за грудь и свалился на бегу, головой в сторону врага, Герой Советского Союза полковник Кцоев. Упал младший лейтенант Александр Машкин, увлекший свою роту в последнюю атаку. В ту атаку, после которой замолкли орудия, прекратился треск автоматов, захлебнулась злая скороговорка пулеметов. Когда санитары подползли к лежавшему навзничь Машкину, закачался и упал старшина Артавазд Вандунц. Рота осталась без командира. Боясь того, что это внесет в ее ряды растерянность, и атака, начавшаяся подобно могучей и стремительной волне прибоя, захлебнется, туда бросился замполит батальона капитан Зинков. И вот он уже замелькал среди бойцов роты. Возрос ее натиск. Меньше ста метров не добежал капитан до

...Последний бой... Арам вернулся в центр города. Он посмотрел на поверженный рейхстаг, поднялся по ступенькам, начертил на южной стене: «Я, Арам Шамирович Мирзоян из армянской деревни Байдар, дошел до Берлина...»

последнего рубежа последней атаки... Нико Баградзе не услышал крика старшего лейтенанта Нури Алимджана, который, прислонившись к обвалившейся стене, медленно сполз на землю. Начальник штаба батальона капитан Захаров не увидел белого флага, поднявшегося над разгромленной вражеской обороной. Гитлеровцы, развязавшие многолетнюю кровавую бойню, сложили оружие...

Из-под обломков дымящихся руин выбирались тысячи обшарпанных, замызганных, обросших грязной щетиной, каких-то облезлых серо-зеленых существ, еще недавно наводивших страх и ужас во всех государствах Европы. Озираясь зверями, загнанными в ловушку, они бросали оружие и становились в громадные колонны пленных. В прокопченном берлинском небе развевалось красное знамя Победы.

Последний бой... Арам вернулся в центр города. Он посмотрел на поверженный рейхстаг, поднялся по ступенькам, начертил на южной стене: «Я, Арам Шамирович Мирзоян из армянской деревни Байдар, дошел до Берлина...»

Великая радость долгожданной победы для Арама омрачилась утратой в последний день войны стольких боевых товарищей. Обнявшись с Матвеем Васильевым, они обнажили головы перед усыпанной цветами могилой капитанов Зинкова и Захарова, лейтенанта Алимджана Нури, младшего лейтенанта Александра Машкина, Нико Баградзе... Оба не стеснялись слез, заливших их лица.

4

В берлинском небе плыло белое, как пена, облако. У высокого полуобвалившегося здания, держа за руку ребенка, стояла какая-то хмурая

женщина. Издали доносились гудки паровоза. Обнюхивая дулами пушек воздух, с грохотом прошли танки.

Мирное утро поверженного Берлина.

В кабинет командира дивизии вошли гвардии подполковник Арам Мирзоян и капитан Матвей Васильев. На кителях каждого сияли многочисленные ордена и медали. На плечах командира дивизии золотым шитьем сверкали генеральские погоны.

Генерал Музыкин радостно встретил прибывших.

— Пришли попрощаться, — сказал Мирзоян.

— Где же остальные? — спросил командир дивизии.

— Идут, — ответил Арам.

В сопровождении адъютанта в кабинет вошли Хаджи Дурдиев, Матис Берман.

Генерал пожал всем руки, предложил сесть.

— Трудно мне с вами прощаться, ребята. Спасибо вам от имени советского народа, вручившего нам оружие, от Коммунистической партии, которая привела нас к великой Победе!..

Перед отъездом Арам позвонил Белову.

— Вы уже уезжаете? Надо встретиться! Не могу проститься с вами по телефону, ждите.

Бойцы батальона встретили Белова как родного. Поговорили о пережитом. Добрым словом вспомнили павших героев. Прощаясь с отправлявшимися на Родину, полковник Белов сказал:

— Вы отдали все свои силы для достижения нашей Победы. Придет время, когда подвиги и слава этих дней станут историей. Вы же вечно будете жить в памяти благодарных потомков. Счастливого пути вам и успехов в мирном труде!..

Обняв в последний раз боевых друзей, Матвей Васильев уехал в Уфу. Арама Мирзояна пришел прово-

жать весь батальон. На вокзале не было конца крепким рукопожатиям, поцелуям...

И вот Арам ступил на родную землю.

— Кровинушка ты моя, сердце мое! — мать прижала к груди голову сына. — Ох, если бы и Овсеп вернулся. Погиб он, защищая нашу жизнь.

Горячие слезы матери выражали безмерную радость встречи с отважным сыном и столь же безмерную горечь утраты такого же дорогого ее материнскому сердцу другого сына.

Весна Победы с ликованием возвещала о возвращении домой храбрых сынов советского народа и справляла траур в честь тех, кто похоронен в известных и безвестных солдатских могилах на бескрайних просторах Родины и на чужбине.

1962—1967

Берлин—Брест—Кировакан

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ 5
ГЛАВА ВТОРАЯ 17
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 25
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 48
ГЛАВА ПЯТАЯ 63
ГЛАВА ШЕСТАЯ 79
ГЛАВА СЕДЬМАЯ 90
ГЛАВА ВОСЬМАЯ 100
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 137
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 147
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ 156
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ 171
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 201
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 221

Норайр Александрович Арутюнян (Нор-Айр)

АРАМ

Редактор Н. М. Афанасьев
Художник А. С. Сысоев
Художественный редактор
Г. Л. Ушанов
Технический редактор
М. А. Медведева
Корректоры В. Н. Лапидус,
Р. М. Рыкунина

Г-70039 Сдано в набор 17.06 1970 г. Подписано к печати 27.11 1970 г. Изд. № 3/5630. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 2. Тираж 150 000 экз. (2-й завод — 50 000 экз.). Цена 29 коп. В переплете № 5 цена 40 коп. Объем физ. п. л. 7,5=10,5 усл. п. л. Уч.-изд. л. 10.04.
Изд-во ДОСААФ. Москва, Б-66, Ново-Рязанская ул., д. 26.

Типография издательства «Калининградская правда», Калининград обл., ул. К. Маркса, 18. Заказ 1520.

Цена 29 коп.